Михаил Рывкин
Аркадий Шульман

ХРОНИКА СТРАШНЫХ ДНЕЙ

Трагедия Витебского гетто

Витебск
2014

Книга историка Михаила Рывкина и писателя Аркадия Шульмана "Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто" – документально выверенный рассказ о кровавых днях лета и осени 1941 года, когда фашистами и коллаборационистами было уничтожено еврейское население Витебска – города, который всегда занимал особое место в еврейской истории.

Книга явилась результатом многолетней работы. В ней собраны уникальные документы, приводятся многочисленные свидетельские показания.

В 2004 году вышло первое издание книги, которое стало библиографической редкостью. В 2007 году книга вышла в переводе на немецкий язык. За эти годы собраны новые свидетельства довоенных жителей города, узников Витебского гетто, их детей и внуков, людей, которые оказались на оккупированной территории. Обнаружены не публиковавшиеся ранее документы и фотографии. Они вошли во второе, дополненное издание книги "Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто".

Книга издана благодаря поддержке
благотворительного фонда «Генезис» и
Мемориального музея Катастрофы и героизма
еврейского народа Яд-Вашем

GENESIS Philanthropy Group

YAD VASHEM
The Holocaust Martyrs' and
Heroes' Remembrance Authority

Благодарим за помощь в издании книги:

Михаила Гуревича (Россия), Галину Дудкину (Германия),
Израиля Мазью (Германия), Галину Майзель (Израиль),
Льва Пустынского (Эстония), Льва Садура (Беларусь),
Елену Шахно (Беларусь), Татьяну Шульман (Беларусь),
Зинаиду и Михаила Эйдиновых, семью Цесарских,
Аллу и Владимира Милстейн, Михаила Вигдорова,
Владимира и Лилию Иллионских (США)

С начала 90-х годов, теперь уже прошлого XX века, вместе с историком, доцентом Витебского государственного педагогического института Михаилом Рывкиным мы начали записывать воспоминания бывших узников Витебского гетто, собирать свидетельства людей, которые оказались на оккупированной фашистами территории и стали свидетелями страшных преступлений, совершенных гитлеровскими палачами и их пособниками.

Кто-то, узнав о нашей работе, звонил и просил непременно встретиться с ним, говорил, что многие годы хочет рассказать о пережитом, освободить душу от груза страшных воспоминаний, поведать об этом молодым поколениям. Люди, живущие в других городах, сами приезжали в Витебск, а те, у кого уже не было сил на дорогу, просили, чтобы приехали к ним.

Другие, рассказывая о пережитом, просили, чтобы не упоминали их фамилии. В людях жил страх за себя, за детей и внуков. Это чувство прививали людям несколько послевоенных десятилетий, потому что само слово «еврей» в Советском Союзе лишний раз старались не произносить, о гетто – не вспоминать, нахождение на оккупированной территории, а происходило это чаще всего не по своей воле, портило биографию, даже то, что мужественные люди, рискуя жизнью спасали в годы войны евреев, хранили в тайне.

Но страх уходил, люди собирались на Дни памяти, публично вспоминали погибших родителей, родственников, друзей, приносили нам сохранившиеся документы, письма, фотографии.

Нам помогали работники государственных музеев и архивов Беларуси, Израиля, Германии, России, старожилы Витебска и просто неравнодушные люди, которые стремились, чтобы страна узнала правду о собственной истории.

В 2004 году с помощью друзей из немецкого города-побратима Витебска – Нинбурга, было осуществлено первое издание книги «Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто». Хочется еще раз поблагодарить за помощь, оказанную

в те годы, Службу международных контактов (IBW) (Нинбург, Германия), лютеранскую общину церкви Святого Мартина (г. Нинбург, Германия) и Бюро международного молодежного туризма «Спутник» (г. Витебск, Беларусь). В 2007 году книга вышла в переводе на немецкий язык (переводчик Томас Гатер).

В предисловии к первому изданию мы написали:

«– Почему эта книга о страшных, кровавых событиях начала сороковых годов прошлого века написана сейчас, более шестидесяти лет спустя?

– Потому что до нас ее никто не написал.

– Сколько можно вспоминать о прошлом?

– Пока люди не будут знать и помнить о нем.

– Для кого вы пишете?

– Для всех, кто живет сейчас и кто придет после нас.

– Зачем им нужна эта страшная память?

– Чтобы люди, став добрее и умнее, забыли о войнах».

Эти слова актуальны и сегодня.

Прошло десять лет...

Ушел в мир иной один из авторов книги Михаил Рывкин. Светлая ему память!

Книга «Хроника страшних дней. Трагедия Витебского гетто», изданная небольшим тиражом, стала библиографической редкостью.

Безо всякого страха люди, пережившие войну, рассказывают о пережитом. Но время берет свое, этих людей осталось очень мало, а бывших малолетних узников гетто можно пересчитать по пальцам.

За это время собраны новые документы, записаны интервью с теми, кто чудом уцелел, вырвался из-за колючей проволоки гетто, жил в годы войны в Витебске и прочувствовал на себе весь ужас фашистской оккупации.

В новое издание включены обнаруженные за последние десять лет документы и фотографии, записанные воспоминания, дневники. Его стремились сделать как можно полнее, понимая, что вряд ли появятся другие книги об истории Витебского гетто.

Витебск красив в любую пору года. Но особенно привлекателен он в начале лета, в первые утренние часы, когда июньское солнце, поднимаясь из-за горизонта, начинает высвечивать контуры домов на Замковой, Вокзальной и в Задвинье, на Успенке и Песковатиках, когда, прорезая туман, опускающийся на Западную Двину, плывут рыбацкие лодки и слышны только скрип уключин и удары по воде крупной рыбы, когда просыпается город, как будто сошедший с театральных декораций. И дворники, дымя самокрутками из пахучей витебской махорки, начинают подметать булыжные мостовые на Ленинской и Гоголевской, поливать из длинных шлангов клумбы и мыть ступеньки, ведущие в цирк и краеведческий музей.

Потом стрелки часов на городской ратуше, которую здесь по привычке называют каланчой, вытянувшись в струнку, покажут шесть часов и наступит время трамваев. Скрипучие фанерные вагончики повезут людей на работу на фабрику «Двина» и к пивзаводу, к речной пристани и к бесчисленному количеству маленьких мастерских, к новостройкам первых пятилеток — фабрикам им. «КИМ» и «ЗИ».[1]

И начинается на улицах соревнование в скорости — кто быстрее: трамваи или велосипеды. А может быть, лошади, которые везут из окрестных деревень на Смоленский, Полоцкий и Могилевский базары молодую картошку, молоко, сметану, мясо. Они едут по мирному городу мимо домов из красного кирпича, мимо балконов с удивительно красивыми решетками, мимо островерхих крыш, покрытых черепицей, и сбавляют скорость, въезжая на мост с дощатым покрытием, который соединяет берега Западной Двины, и потом снова набирают скорость, спускаясь к железнодорожному вокзалу.

А когда солнце поднимется высоко в небо и начнет припекать, побегут мальчишки на Витьбу, на лодочные станции «Осоавиахима» и «Динамо»[2]. И, глядя на них, будут завидовать

студенты, спешащие на экзамены в педагогический, медицинский, ветеринарный институты.

В сквериках соберутся пенсионеры и домохозяйки, чтобы в тени деревьев побеседовать и вспомнить о днях собственной молодости. Любому приезжему они с удовольствием расскажут о чудесном городе и обязательно вспомнят старого художника Юделя Пэна – гордость Витебска – и посоветуют сходить в картинную галерею, носящую его имя. А если собеседник будет внушать им доверие, может быть, кто-нибудь расскажет о его беспокойном ученике Марке Шагале.

Кто-то беседует на русском, на идише, на белорусском. Но все отлично понимают друг друга. Потому что говорят на одном языке – языке Города.

Вечером нарядные пары пойдут в «Пролеткино» и кинотеатр «1 Мая», в драмтеатр и на танцевальные площадки. В городских парках заиграют духовые оркестры, и мелодии вальса и танго разлетятся по узеньким улочкам старого Витебска. А родители, сидя у окон, будут с волнением ждать, когда же придут их повзрослевшие дети...

Архивные документы сухим языком цифр дополняют рассказ о Витебске конца 1930-х годов.

«Протяженность водопроводной сети – 59 км, 90 водоразборных колонок общего пользования, 223 тысячи квадратных метров жилья.

Трамвайный путь – 32,4 км, 54 трамвайных вагона, 96 автобусов, 776 грузовых автомобилей, 124 – легковых.

11 почтово-телеграфных предприятий, радиоузел с 1100 радиоточками, одна телефонная станция с 2000 аппаратов.

2 моста через Западную Двину, 3 моста через Витьбу, 1 – через Лучесу, 2 железнодорожных моста через Западную Двину.

771,1 тысяч квадратных метров улиц и площадей замощены булыжником и покрыты асфальтом, 1843 километра асфальтовых тротуаров.

129,5 га зеленых насаждений, в том числе под парки культуры и отдыха, скверы – 17,4 га.

Высшие учебные заведения: медицинский, педагогический,

ветеринарный институты — 2500 студентов. 15 средних учебных заведений — 4300 человек, 43 средних и начальных школ — 24 000 человек, 55 детских садов — 3 800 человек.

Социальные школы для слепых, глухонемых детей и цыганская школа на 355 детей. 12 взрослых школ — 3500 учащихся, 7 школ ФЗО — 1700 учащихся.

19 клубов с кинопередвижками, 2 театра, цирк, 3 кинотеатра.

11 стационарных лечебных учреждений, в том числе 9 больниц, 2 роддома.

51 столовая, 1 ресторан — фабрика-кухня, 99 закусочных, 336 магазинов».[3]

Цифры говорят о многом, но, чтобы воочию представить колоритный, многонациональный довоенный Витебск, обратимся к воспоминаниям старожилов.

Бася Лосева родилась в Витебске в 1913 году. Работала журналистом, педагогом. Перешагнула вековой юбилей. Последнее десятилетие живет в Стокгольме (Швеция). В своих воспоминаниях пишет о городе детства:

«Улица Ленина, на которой мы поселились, меня поразила. Все мне казалось волшебным. Дома были огромными. Каланча, на верхней площадке которой ходил странный человек в золотистой, блестящей на солнце, каске. Перейти улицу мне было страшно. По узкой мостовой, вдоль которой теснились эти "огромные" дома, звеня и грохоча, катился трамвай, мчались извозчичьи пролетки...

Раскрыв рот, я смотрела на пятиэтажный, красного кирпича дом, с каким-то красивым выступом. Мама сказала, что это балкон, и там могут отдыхать люди. Этот балкон поддерживали какие-то невиданные мной звери. Мама опять сказала мне, что звери эти называются львами. А у дверей дома со львами была витрина с фотографиями, возле которой я тоже простаивала довольно долго. В доме жил фотограф Яков Блюмин. Тут же в доме находилось его ателье. В доме со львами жила и многочисленная семья фотографа...

А рядом был огромный двор со спуском в овраг. Там был цирк "Шапито". Лучшие цирковые артисты приезжали в Витебск.

В нашем доме многие соседи сдавали артистам квартиры. И мне посчастливилось не только быть на представлении братьев Дуровых — Юрия и Владимира, но и видеть их почти каждый день. Выступали в цирке и борцы. А любимцем публики был конферансье дядя Ваня, обаятельный толстяк, веселый, остроумный, изобретательный.

Трудно выразить, в каком восторге были мы, дети, когда нас в первый раз взяли на представление в цирк!

Недалеко от дома со львами был биологический музей. Он размещался на втором этаже двухэтажного здания. Внизу, на первом этаже, был магазин “Торгсин” (магазин, где за валюту, золотые и серебряные вещи можно было купить все, что душе угодно). С этим магазином связано одно запомнившееся мне происшествие. Воры забрались в музей и спрятались там. А вечером пробуравили в полу дыру, пропустили через нее зонтик, потом выпилили квадрат и этим же зонтиком подняли его наверх. Так они проникли в магазин. Через это же отверстие вынесли все самое ценное, очистили кассу и через окно, выходящее на другую сторону улицы, спустились в овраг и исчезли. Грабителей так и не нашли. Утром, придя на работу, продавцы ахнули. Никак не могли понять, как воры проникли в магазин. И только поняли тогда, когда глянули на потолок.

Там, где сейчас стоит фонтан “Три грации”, был большой двор. Во дворе лепились друг к другу маленькие домики. В одном из этих домиков была пекарня. Пекаря звали Орче. Мы очень любили, когда мама посылала нас к Орче за пышками, необыкновенно вкусным пеклеванным хлебом и куханами с маком. Корочка и горбушка пеклеванного хлеба была для нас настоящим лакомством...

Папа занимался художественной вышивкой. Его мастерская была дома. Он был, как говорили тогда, “кустарем-одиночкой без мотора”. Как сейчас вижу его машинку, стоящую у окна, маму, наматывающую шелковые нитки на катушку. Вижу заказчиц, которых присылала к папе портниха. Наклонившись над столом, папа прямо на материале рисует разные виньетки, мелком набрасывает рисунок, потом подбирает нитки. Заказчица довольна,

и папа, улыбаясь, провожает ее до дверей. В городе был еще один вышивальщик – Захар Пэн. Но они не конкуренты. У каждого свои заказчики, свои портные и портнихи. Работы много. Вышивка в моде. Вышивали не только платья, но и пальто»[4].

Евгения Михайловна Шуфель тоже родилась в Витебске, в семье коренных горожан, и до войны жила на улице Жореса (сейчас ул. Покровская). Вспоминая детские годы, она рассказывала: «На втором этаже жила интеллигентная семья. Сын – студент мединститута Соломончик и дочка Эстерка. Соломончик погиб на фронте. Дальше через кухню жила многодетная семья Шерманов. Одна из дочерей забеременела от русского солдата, и это стало величайшим несчастьем для семьи. Говорили об этом только шепотом. На первом этаже обитала семья Канторов. У хозяйки семьи было прозвище Соня-ди гробе (Соня горбатая–идиш). В семье было трое дочерей. Любка – самая молодая и красивая в 16 лет вышла замуж за русского летчика, и все ходили на него смотреть. Внизу жили Вассерманы и Зицельзейфы, а еще семья раввина с двумя детьми – Менделе и Басей. Помню, как тетя Кейля хвалила сына лет 13–14, который, находясь в пионерском лагере, за смену сэкономил целый стакан сливочного масла и привез домой! А сам раввин сидел в тюрьме. Когда его освободили, он не оставил религиозную деятельность. Одевал на себя что-то большое белое (талес–Авт.). На лбу были какие-то кубики, а на руках – ремни (тфилин–Авт.). В субботу, когда нужно было что-нибудь сделать, он просил, чтобы это делали русские соседские дети. Вся его семья погибла в годы войны.

В соседних домах нашего двора жили русские семьи. Одна из них – Неверовские. Я с ними дружила. Ссор или каких-нибудь антисемитских выступлений никогда не было.

Наши окна выходили во двор. У нас был патефон, тогда редкость. По выходным дням папа заводил его, во дворе на приступках соседнего дома рассаживались слушатели. Особой популярностью пользовалась песня "Катюша" Матвея Блантера на стихи Михаила Исаковского. Были у нас и танцевальные пластинки – танго Строка, "Брызги шампанского" и другие.

Папа любил с друзьями слушать и танцевать под эти мелодии. Друзья — это Гриша Тройчанский, Брауде, Богорад, Перкаль. Всех в 1937 году репрессировали.

Иногда родители ходили в гости и брали меня с собой. Детей сажали отдельно за маленький столик, а взрослые, сидя за большим столом, пели еврейскую застольную песню:

"Ло мир але инеймен, инеймен
Немен абиселе поним вайн..."

(Давайте все вместе выпьем немного вина — идиш.)

...Папа хорошо пел и, будучи в компании, исполнял шуточную еврейскую песню, которую я ни от кого больше не слышала:

"Вос туцес опес в доме Шнеерсона. (Что делается — идиш.)
Там коромыслом дым идет.
Там женят сына Соломона,
Который служит в коопремонт".

Далее идет характеристика невесты:

"Невеста Ента — такая тонкая,
Как шелковая лента,
Такая белая, как новая посуда,
Такая умная, как целый том Талмуда".

В песне упоминается "Иван Иванович, красивый чернобровый"... Какую роль играл он на свадьбе — не помню.

Как раз напротив нашего стоял дом, в котором жил когда-то художник Марк Шагал. Но об этом на улице не говорили. В этом домике жили две семьи — Освинские и Блюмкины, а рядом с ними в домике семья Молотниковых. Там же на втором этаже за 20 копеек можно было купить у старой еврейки кухон, или бейгеле (бублики — идиш), или плецеле (плюшка — идиш). Они всегда были свежими и вкусно пахли.

На углу улицы стоял рыжий еврей и играл на скрипке, а прохожие слушали его и бросали в шапку монеты...»

Детство Веры Григорьевны Абрамовой (Ключниковой) прошло на Елагах. В этом районе жили люди, которые не могли похвастаться богатством, но умели за себя постоять, и если надо, проучить незваных и не очень вежливых гостей.

«На нашей улице жили русские, евреи, поляки, одна немка

(ее арестовали в первые же дни войны). Я не помню больших скандалов или споров на национальной почве. Повсюду слышалась еврейская и русская речь. Улица тянулась от виадука до Полоцкого базара. Было много молодежи. Все ребята в первые же дни войны ушли на фронт. С нашего двора – двое Михайловых, Хаим Дейч, только закончивший 10 классов – он погиб. С соседнего двора – двое ребят (фамилии не помню). Из дома напротив – Чаплины, около виадука жили Лалцины, три брата. Они тоже ушли на фронт, и все погибли.

В конце улицы жила Соня Конникова. Летом она сидела у открытого окна и вышивала на машине вышивкой "ришелье". Свои работы продавала. Муж ее работал маляром. У них было два сына – Хаим и Изя. Хаим перед войной окончил 10 классов. Ушел на фронт и погиб под Сталинградом. Ушли на фронт и две мои подруги Гинда Сапожнова и Нина Богушевич.

Елаги – район моего детства, начала юности. Он мне дорог и сейчас, но не сегодняшний, а тот старый район...

Помню, как мы бегали на Юрьеву горку, куда табором приезжали на лошадях цыгане. Любили ходить на Семеновское кладбище, рассматривать красивые старинные памятники. Летом на весь район гремел духовой оркестр с Елаговского сада. Потом его назвали парком им. Кагановича. Мы, девчонки, часто бегали туда в комнату "Кривых зеркал". Мне с двоюродной сестрой было интересно пробраться в парк и смотреть, как танцуют на танцплощадке, как прыгают с парашютной вышки. Иногда нам удавалось пройти без билетов в клуб и посмотреть кинофильм или концерт.

Помню, как строем под духовой оркестр шли красноармейцы (они часто так ходили) в ботинках с обмотками. За ними к строю примазывались мальчишки.

Папа был маляром. Мама не работала. Было нас четверо детей. Я, старшая, 1924 года рождения. За мной три брата: Миша – 1929 года, Фима – с 1930 и Боря с 1933 года. Как говорят: "Один под один". Жили небогато. Работа маляра сезонная. Но мы никогда не бедствовали. Особенно богатых мы тогда не знали. Если у кого-то из соседей был патефон или велосипед,

они считались богатыми. Папа окончил 4 класса городского реального училища. Мама — местечковая женщина, говорила по-русски с акцентом. Но именно она приучила меня читать художественную литературу. Мама и папа любили музыку. Когда в Витебск приезжал театр оперетты или еврейский театр, они за последние деньги покупали билеты на спектакли».

Ностальгические воспоминания о детских и юношеских годах часто рисуют удивительно теплые и ласковые картины. Реальная жизнь всегда гораздо суровее. Был и голод 30-х годов, и репрессии 37-го, когда каждую ночь ждали стука в дверь...

И все же довоенный Витебск был по-домашнему уютным. Этот город уже никогда не вернется. Он живет только в архивных документах, старых книгах, газетах, на пожелтевших от времени фотографиях, в воспоминаниях тех, кого сегодня называют коренными витеблянами. Их осталось очень-очень мало...

Таким город встретил войну и ушел в историю.

22 июня 1941 года в двенадцать часов дня Всесоюзное радио прервало передачи и диктор несколько раз повторил, что сейчас будет важное правительственное сообщение. В это время Борис Гинзбург вместе со своими одноклассниками из 10-б класса 10-й Сталинской школы пришел к Ире Бруссер. Только вчера у них был выпускной бал. Ребятам вручили аттестаты, грамоты, премии. За одним столом, накрытым в химкабинете, сидели ученики и учителя: Анна Григорьевна Блау, Бася Моисеевна Снитко, Ольга Евгеньевна Неразик, директор школы Тихон Емельянович Видишев. Тостам и шуткам не было конца. Учителя поднимали бокалы за учеников, за их счастливое будущее, ученики благодарили своих наставников. На столах стояли напитки со смешными названиями: "Настойка выпускная. Изготовлена на натуральных ученических соках", "Ее голубые глаза. Крепкий мужской напиток", "Выпускная небезалкогольная". Этикетки придумали и нарисовали Боря Гинзбург и Шура Владиславлев. Были танцы под патефон. А потом они отправились на Витьбу и катались на лодках до самого утра. И казалось им, что счастливее нет людей на свете. Кто тогда мог знать, что через несколько часов выступит по радио заместитель Председателя

Совнаркома СССР, Нарком иностранных дел В.М. Молотов и сообщит стране страшную весть о начале войны.

Смех и шутки мгновенно умолкли, и ребята разошлись по домам. Стоял жаркий, безветренный день. Было видно, как над раскаленной мостовой дрожит воздух. У громкоговорителей стояли люди и растерянно смотрели друг на друга.

Вскоре ребята снова собрались в школе. Вместе они чувствовали себя сильнее. Тихон Емельянович Видишев хотел подбодрить своих учеников и сказал:

— Фашисты испортили наш праздник. Они ответят за это. Скоро мы разгромим врагов. Давайте несколько бутылок вина закопаем во дворе школы и в день окончания войны снова соберемся вместе.

Из 10-б уйдут на фронт две девочки и одиннадцать ребят из тринадцати. Семеро из них уже никогда не увидят родную школу. Другим придется перенести тяготы эвакуации, а кому-то и ужасы фашистской оккупации. Пройдут долгие военные годы, прежде чем выпускники 1941 года снова соберутся вместе, откопают бутылки с вином и выпьют за Победу.

22 июня у Ильи Моисеевича Ривлина был день рождения. Ему исполнилось 27 лет. На два часа дня он пригласил родственников, друзей. Но Дора Григорьевна, его жена, так и не накрыла стол. После сообщения о начале войны сказала мужу, чтобы он зашел к родственникам и предупредил их, что праздничный обед отменяется.

В тот же день брат И.М. Ривлина Яков ушел на фронт. Колонна красноармейцев прошла через весь город. Родственники бежали рядом и повторяли Якову одни и те же слова: «Береги себя». Он отвечал им: «Не волнуйтесь, скоро вернемся с победой».

Политрук Я.М.Ривлин погиб под Орлом.

В семье Гауфмана, они жили по улице 3-ей Свердлова, недалеко от Полоцкого рынка, 22 июня начался как обычный воскресный день. Дома было радио — «черная тарелка», но включали его не каждый день. И в это воскресенье оно молчало. 13-летняя Аня Гауфман отправилась на железнодорожный вокзал покупать билеты в Ленинград. Она собиралась в гости к

дяде. И уже на вокзале услышала, что началась война. Прибежала обратно. Жили в деревянном коммунальном доме на семь семей. Все соседи были на улице, женщины плакали, мужчины курили, но, перебивая друг друга, говорили, что немцев скоро разобьют и война будет вестись на территории врага.

Вспоминает Аркадий Исаевич Гауфман: «В нашем дворе жила моя тетя с семьей. Ее муж русский Иван Сапог был маминым земляком, родом из местечка Свеча. Когда стало понятно, что немцы продвигаются на восток, и стали готовить заводы и фабрики к эвакуации, мамина сестра Елена Борисовна с мужем ушли в Свечу. Там они, их дети Толик и Тамара, прожили всю войну. Соседи знали национальность жены Ивана Сапога, но никто ее не выдал».

В то солнечное летнее утро Вера Абрамова (Ключникова) вышла во двор – посидеть на скамейке под окном. У девушки было прекрасное настроение. Она сдала последний экзамен и окончила школу. Прочитала объявление об открытии подготовительных девятимесячных курсов для тех, кто окончил 9 классов и хочет продолжить учебу в пединституте. Там будут готовить учителей для школ освобожденных районов Западной Белоруссии. Вера подала документы и была полна надежд...

В 12 часов по радио передали, что сейчас прозвучит важное правительственное сообщение... Так Вера Абрамова узнала о начале войны.

Еще один страшный удар обрушился на семью в ночь с 22 на 23 июня 1941 года.

Вспоминает Вера Григорьевна Абрамова (Ключникова):

«В дверь постучали. Мама открыла. Вошли двое из НКВД, и начался обыск. Мы не понимали, в чем дело. Забрали папину фотографию, это все, что нашли сотрудники органов. Папа был красивым, представительным мужчиной. Гирше Мейлоховичу Абрамову было около 47 лет. Его арестовали. За что? Назавтра я села писать письмо товарищу Сталину. Уверяла, что мой папа честный человек. Мама отобрала у меня письмо и порвала его. В ту ночь с нашей улицы увели не его одного. Нашли еще несколько "шпионов". Уже спустя много лет я узнала причину ареста

отца. Он воевал на фронте во время Первой мировой войны и попал в немецкий плен. Из Германии возвращались в 1919—1920 годах. А папа вернулся только в 1922 году. Хотел пробраться в Америку, где жили два его брата, эмигрировавших еще до Первой мировой войны. По дороге заболел гриппом-“испанкой”. Его выходила какая-то женщина в Голландии. И только после выздоровления он вернулся домой. Наверное, в НКВД об этом знали. Отца продержали дней десять в Витебске, допрашивали, а потом этапировали в Горьковскую тюрьму. Избивали на допросах, требовали, чтобы подписал бумагу, что он “немецкий шпион”. А когда однажды не выдержал и подписал нужную следователям бумагу, ее почему-то тут же порвали. Дальше были этапы, лагеря. В 1943 году отца, больного туберкулезом, выпустили. Он нашел нас в эвакуации.

Так для нашей семьи началась война. На руках у мамы, кроме меня, еще трое. Я старшая. Денег нет, запасов еды — тоже. Я пошла устраиваться на работу. На меня смотрели, как на ненормальную.

Дня через три после начала войны по нашей улице проехала верхом на лошадях кавалерия. Я сидела у окна. Запомнился парень, который лихо гарцевал на лошади. Молодецкий вид, широкая улыбка. Он приветливо помахал мне рукой. Боже, что мы знали о войне...»

22 июня Циля Сегаль встретила в больнице. 10 июня заболела брюшным тифом. К началу войны уже начала поправляться, и родители решили забрать ее из больницы. Пришли папа с мамой, подошли к окну и стали между собой совещаться, сказать дочке о войне или нет. Циля это услышала и крикнула: «Я все знаю». В палате, где лечилось 15—16 человек, висела радиотарелка. Из нее больные узнавали все новости. К тому же вдруг засуетился медперсонал больницы: на каждую кровать повесили противогаз. Главврач вначале не соглашался выписывать Цилю: «Не сейте панику!» Но через 2—3 дня Цилин отец Самуил всетаки настоял на своем и забрал дочку под расписку.

Вспоминает Циля Самуиловна Сегаль: «Домой мы уже не попали. По шоссе шли отступающие войска, беженцы. Меня от-

везли к маминой сестре. Она жила на улице Ленинской, около цирка. Там было потише. По всему городу ловили шпионов. Подозревали каждого, кто был в кожаном пальто, в очках, особенно — в шляпе...

Через пару дней папу, который работал председателем Езерищенского райпотребсоюза, затем по ложному обвинению сидел полгода в тюрьме, затем снова трудился на руководящих должностях, откомандировали в Воронеж сдавать документы партийного архива. (Партийный архив разделили на части и эвакуировали в разные города — Авт.) Папа взял разрешение, чтобы отвезти семью на этой машине до Ржева, где предполагалось пересадить нас в эшелон. В машине с нами ехали семья начальника военторга Угорца и семья шофера, который вез нас. Приехали в Ржев, а там только что бомбили станцию. Нас долго сопровождал самолет, который только что сбросил бомбы. Он летел так низко, что даже видно было лицо пилота. Но летчик не открыл огонь по детям. Возможно, у него было сердце...

Приехали в Вязьму. Там тоже бомбят. Так мы добрались до Воронежа. На станции стоял первый эшелон, который прорвался из Витебска. Мы бросились к нему. Но нас ни в одну теплушку не пустили. Из-за меня. Я была после тифа стриженой — значит, заразная. Так мы бегали от вагона к вагону, пока не наткнулись на доброго пожилого мужчину. Он взял нас под защиту и втащил в вагон. Я забилась в угол и не вылезала оттуда. Папа попрощался с нами в Воронеже. Снял с себя кожаное пальто и уехал. Это все, что у нас было из вещей — папино пальто. Поезд тронулся. Кушать нечего, пить нечего, но, главное, мы едем, и нас уже не бомбят».

Эмма Бабицкая (Никонова) родилась в Витебске в 1931 году. Ее отца ветеринарного врача, служившего в Красной Армии, поляка Франца Бабицкого, репрессировали в 1938 году, обвинив в том, что он участвовал в отравлении армейских лошадей. Приговор по его делу звучал: «Десять лет без права переписки». Позже в семье узнали, что Франца Бабицкого расстреляли тогда же в 1938 году, а реабилитировали «за отсутствием состава преступления» спустя двадцать лет.

Мама Эммы Францевны — Эсфирь Мойшевна Железняк,

тоже окончила Витебский ветеринарный институт. Работала по специальности, ездила вместе с мужем по гарнизонам. У них родилось двое детей. После ареста мужа Эсфирь Мойшевну уволили с работы, и она с маленькими детьми вернулась в Витебск к родителям. Ей удалось устроиться в медицинский институт врачом-бактериологом на кафедру инфекционных болезней.

Младшая сестра Эсфири Мойшевны — Ревекка окончила Витебский медицинский институт и была военным врачом, служила в Лепеле.

22 июня Эмма Бабицкая с мамой поехала в Лепель к тёте, чтобы отдохнуть там несколько дней. После завтрака Ревекка предложила гостям прогуляться по лесу.

Вспоминает Эмма Францевна Бабицкая: «Мы с мамой неторопливо шли, о чем-то разговаривали. Вдруг видим, по дороге бегут люди. Когда мы приехали, видели большое объявление, что в воскресенье будет кросс. И решили, что это соревнование. Через какое-то время вернулись обратно к госпиталю и увидели, что собралось много людей. Митинг. Выступал человек и говорил, что на нас вероломно напали, но мы скоро разобьем врага, и победа будет за нами.

Мама решила, что надо срочно возвращаться в Витебск. На машине нас довезли до Орши. На железнодорожной станции было полным-полно людей. Все пришло в движение. Мы с трудом сели в проходящий поезд. Меня на руках, поверх голов, передавали в вагон».

Галина Николаевна Быковская (Лапицкая) до войны жила по проспекту Бебеля, теперь это улица Карла Маркса — за железнодорожным вокзалом и виадуком. Была 1-я Бебеля, 2-я, 3-я, 12-я, как тогда говорили, «двенадцать бебелят».

Вспоминает Галина Быковская: «Рядом находились железнодорожная фабрика-кухня и автопарк. Во дворе стояло два дома. В одном жили мы и наши соседи — Измайловичи, большая семья, пятеро детей. В другом — семья директора кинотеатра "1 Мая" Никодимова, у него было трое детей, и Гутаренко с мужем и глухонемым сыном. Двор был многонациональным.

Мой папа Николай Яковлевич Быковский – белорус, мама Роза Мордуховна – еврейка, семья Измайловичей – поляки, Никодимовы – русские.

Папа работал на железной дороге, а по вечерам и в выходные дни дома сапожничал. Работал, как тогда говорили, «без патента» и прятал от налогового инспектора свой сапожницкий инструмент во дворе. Слухи доходили до властей, что папа подрабатывает, его приходили проверять, но дома ничего не находили. Жили мы неплохо. Мама даже подкармливала соседских детей Измайловичей. Эта семья жила бедно. Работал только глава семьи, был столяром, но хорошо умел стругать в первую очередь, детей. А потом их надо было кормить, "ставить на ноги".

Папины родители – коренные витебляне. Бабушка Катя с тетей Марусей и ее 4 детьми жили в маленьком домике возле водокачки (теперь улица Кирова).

У мамы был ребенок от первого брака – Абрам Борисович Ольшванг. Он лет на десять старше меня. Жил с нами, ушел в армию еще до войны. Служил в Бресте в танковых войсках. Воевать начал с первого дня Великой Отечественной… Попал в окружение, выбрался оттуда к своим. Находясь в окружении, поменял документы и стал Николаем Яковлевичем Быковским. Под этой фамилией оставался до конца своих дней. В 1942 году был тяжело ранен, после госпиталя ходил с палочкой, его комиссовали. После войны жил до конца своих дней в Толочине.

Маминых родителей не помню. Они эмигрировали в Америку в конце 20-х годов. Хотели и маму забрать, но она не поехала. Муж, новая семья, я – маленькая, причин было много. Мама о своих родителях никогда и ничего не рассказывала, время было такое, когда лучше было помалкивать о родственниках, живущих за границей.

Дома я не слышала разговоров о войне, о политике, родители были простыми людьми и говорили на другие темы, а может, при мне не хотели об этом говорить.

22 июня 1941 года, воскресенье – я хорошо запомнила

этот день. Два дня назад у меня был день рождения, мне исполнилось 13 лет. Мама сделала стол, пришли родственники, меня поздравляли. А в воскресенье я играла с подругами во дворе, как сейчас помню, в прятки. И вдруг из домов выбежали взрослые и стали кричать: "Война, война". У нас дома и у соседей были радиоточки, и в 12 часов они услышали выступление Молотова. Мы, дети, вряд ли тогда понимали, что такое война, но, увидев, как ведут себя взрослые, испугались и разошлись по домам.

Мама боялась за старшего сына, который служил срочную службу. А вскоре забрали в армию и папу, ушел на фронт старший сын Измайловичей. Мы стали жить другой жизнью».

Утром 23 июня была объявлена всеобщая мобилизация. К призывным пунктам, открытым в облисполкоме и 6-й средней школе, в казармах по улице Буденного, в Клубе металлистов и других зданиях, шли резервисты и добровольцы. Уцелевшие журналы регистрации прибывших сохранили имена тех, кто в первые часы войны ушел на фронт.

На крышах наиболее высоких домов были установлены старенькие пулеметы и там круглосуточно дежурили бойцы. Зенитные батареи уже находились на боевых точках вокруг города и готовы были его прикрыть от вражеской авиации. Над городом пролетели немецкие самолеты. Была объявлена первая — уже не учебная — воздушная тревога. Раздались залпы зенитных орудий.

Людей отправили рыть окопы у аэродрома Витебского авиаполка, на Юрьевой горке, в районе поселка Тулово, у парка Мазурино и в других районах города. Но никто не знал, с какой стороны следует копать, и окопы делали вкруговую.

В марте 1941 года из Москвы к родным в Витебск приехала рожать Мария Самуиловна Меймухина. Здесь жили ее отец Шмуил Роненсон, сестра Сима (после замужества осталась на девичьей фамилии) с мужем Гдалем Аронсоном и дочкой Инной. Уютный родительский дом с небольшим садом стоял на краю Могилевской площади, у самого берега Западной Двины.

Роненсоны были семьей дружной, и родные уговорили Ма-

рию после рождения сына не торопиться с отъездом в Москву. Кто мог тогда знать, чем обернется для всех это лето...

«23 июня, — рассказывает Инесса Гдалевна Аронсон (по мужу Иванова), — папа встал раньше обычного. Мы тоже уже не спали. Мама спросила его:

— Ты уходишь?

— Зайду в военкомат и узнаю, будут ли вызывать резервистов, а оттуда пойду к себе в правление.

Папа работал бухгалтером-ревизором в "Швейпромсоюзе".

Закончился рабочий день, а папы все не было, и мы не понимали, в чем дело. Это потом выяснилось, что на работе он не появлялся: в военкомате ему сказали, что еще рано утром была объявлена всеобщая мобилизация, и предложили остаться для регистрации мобилизованных.

Не дождавшись отца, я легла спать. Вдруг чувствую, что кто-то дотронулся до моего лба. Открываю глаза и вижу: рядом сидит папа, гладит меня по голове и что-то говорит, а у подушки лежат детские книжечки. В четыре года я уже хорошо читала, и это стало моим любимым занятием на всю жизнь. Папа наклонился ко мне и тихо сказал: "Я еще приду"».

Через несколько дней Г. Аронсон ушел на фронт. Жене обещал: как только прибудет на место, сразу даст знать. Но письма от него так и не было.

«Моя мама была человеком твердого характера, — говорит И.Г. Аронсон, — наверное, поэтому после отъезда папы растерянности и паники дома не было. Она по-прежнему ходила на службу — мама работала кассиром-оператором в банке, только теперь ей приходилось задерживаться дольше.

В начале июля внезапно заболела тетя Мария — у нее оказалось тяжелое пищевое отравление. Только через несколько дней она смогла встать на ноги.

А город бомбили все больше и больше. Вовсю вывозили фабрики и заводы. Банк тоже уже не работал. Дома решили немедленно эвакуироваться.

Перед отъездом дедушка предложил на всякий случай, как это делали другие витебляне, которые жили в своих домах,

закопать в саду немного самых нужных вещей. Мама сначала не хотела так делать, но потом согласилась. Перед этим собрали все, что думали взять с собой, мне тоже подготовили небольшую сумочку с вещами. По рассказам мамы, это было 7 июля. Назавтра пошли на вокзал, пробыли там весь день, но в теплушку так и не попали. Решили вернуться домой, а утром пораньше снова пойти на вокзал. Помню, как мама, увидев на месте нашего дома погорелище, замерла на месте. Она не кричала, не металась, а только плакала и повторяла: "Лучше бы глаза мои этого не видели".

Дедушка нашел в глубине улицы за развалинами небольшого кирпичного дома что-то вроде старой времянки. Утром, когда я проснулась, увидела наши вещи, которые закапывали перед уходом на вокзал. Дедушки не было. Мама ответила мне: "Ушел на базар". Я знала, что он работал возчиком на Могилевском базаре, многие его там знали как трудягу и доброго человека. Когда мы потом голодали, его знакомые нам помогали. С базара дедушка вернулся мрачный: "Говорят, что немцы уже на той стороне (так витебляне до войны называли западную часть города. — Авт.)"».

Позже в автобиографии, сохранившейся в архивных документах партизанского отряда им. Суворова, С.С. Роненсон писала: «В июне 1941 года мне эвакуироваться не удалось в связи с тем, что к нам из Москвы приехала рожать сестра и заболела».

Поползли тревожные слухи о диверсантах, пробравшихся в город. Кто-то говорил, что они прячутся на Юрьевой горке, другие уверяли, что видели, как в Духовском овраге задержали лазутчиков. Действительно, в нескольких местах города в небо взлетали сигнальные ракеты. По улицам стали ходить бойцы батальона и проверять документы у всех, кто казался им подозрительным. Под эту категорию попадали и мужчины в шляпах, и женщины в туфлях на высоких каблуках.

23 июня был обнародован принятый накануне Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военных трибуналах»[5] и «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий». «По-

ложение» давало право военным трибуналам, состоявшим из трех постоянных членов, рассматривать дела в течение 24 часов после предъявления обвинительного заключения.

23 июня отец Бориса Гинзбурга врач Лев Арсеньевич Гинзбург, участник двух войн – Первой мировой и Гражданской – отнес в редакцию газеты «Віцебскі рабочы» письмо.

«Отправляясь на фронт, – писал Л.А. Гинзбург, – я уезжаю со знанием того, что за свою великую Родину, за коммунистическую партию, за великого Сталина я готов сражаться с проклятым врагом до конца. Горжусь тем, что мой сын, выполняя свой священный долг перед Родиной, едет вместе со мной. Я, как и все патриоты своей советской страны, уверен, что победа будет за нами».

Уезжая на фронт, Л.А. Гинзбург не знал, что 24 июня его письмо будет напечатано в передовой статье «За честь, свободу и независимость Родины». Все годы войны жена берегла этот номер газеты. И сегодня, спустя десятилетия, он хранится в семейном архиве Гинзбургов.

В те июньские дни Боря Гинзбург попасть на фронт вместе с отцом не смог. В военкомате ему сказали: «Идите домой и ждите». Прошло несколько дней, а вызова не было. Борис пошел в горком комсомола, но и там его отправили домой.

6 июля вместе с матерью, вернувшейся из больницы после перелома ноги, Борис вынужден был эвакуироваться. В городе Чкалове (ныне Оренбург) он снова пошел в военкомат. Ответ был коротким: «Ждите повестки». И через несколько дней ее принесли. Потом были трудные годы войны, орден Славы и другие военные награды.

Люди были уверены в быстром разгроме гитлеровской Германии. Даже детей, отдыхавших в пионерских лагерях, не спешили отпускать по домам. Более того, детей из города отправляли в пионерские лагеря, уверенные, что там будет спокойнее. А вскоре все вернутся по домам.

Вспоминает участник и инвалид Великой Отечественной войны Марк Папиш.

«22 июня мы собрались на водной станции и под музыку из

громкоговорителей отплыли вверх по Витьбе. Река спокойна, ни ветра, ни волн. А дальше продолжали грести по водной глади с песнями и в веселом настроении. Неожиданно прервалась музыка и вскоре по радио выступил В.М. Молотов. Он сообщил о начале войны. Мы быстро причалили к лодочной станции и поехали на трамвае домой.

На следующий день комсомольцев школы собрали в райкоме и обязали принять участие в охране объектов нашего района. Меня с другом направили помощниками вожатых в пионерские лагеря в Старое Село и Летцы. Это планировалось заранее. Сейчас гороно (городской отдел народного образования) решило вывести детей из города на случай налетов немецких самолетов.

25 июня утром мы выехали поездом в санаторный лагерь на 500 детей. Накануне немцы уже бомбили мосты и вокзал, были разрушения и жертвы.

На утренней линейке, как обычно, у двухэтажного здания школы (бывшая усадьба помещика) оркестр исполнил гимн, состоялось открытие лагеря с поднятием флага. В это время над нами дважды пролетел немецкий самолет. Днем, во время купания в реке, два самолета обстреляли ребят. К счастью, жертв не было. Купание запретили.

Вечером начальник лагеря сообщил, что недалеко немцы сбросили парашютистов, и пришедший командир Красной Армии повел нас прочесывать ближайший лес. Оружие имел только командир. Никого мы не нашли, но, придя на рассвете в лагерь, уснули и проспали завтрак. После обеда недалеко от лагеря колхозники начали копать противотанковые рвы.

1 июля после завтрака все отряды по команде собрали вещи и направились на станцию. Мы срочно выезжали в город. В пути обогнали состав с открытыми платформами, на которых сидели люди, бежавшие из Полоцка, горевшего после бомбежек и обстрела. Витебск тоже неоднократно бомбили и обстреливали с самолетов. Во дворах рыли окопы и укрытия от бомбежек и обстрела. По ночам милиция и добровольцы ловили подозрительных людей, пускавших при налетах авиации осветительные ракеты в направлении объектов бомбежки. Люди запаниковали,

одни бежали с детьми через мост с левого берега на правый, а другие им навстречу. Все искали спасения...

...На предприятиях приступили к демонтажу и отгрузке станков. В райкоме комсомола нам сказали, что можно уезжать, а окончившим 10 класс — явиться в военкомат для призыва в армию»[6].

В начале июня 1941 года горком комсомола назначил студента третьего курса истфака Витебского пединститута Александра Когана старшим вожатым пионерского лагеря. Находился он в Старом Селе, примерно в 20 километрах от Витебска. Отрядными вожатыми стали его однокашники и студенты института. Начальником лагеря был доктор М. Фейгин.

«20 июня, в пятницу, все десять отрядов выехали в лагерь, — рассказывает Александр Исидорович Коган. — Разместились, провели праздничное открытие лагеря — все, как положено. Настроение и у ребят, и у вожатых было приподнятое.

В воскресенье утром я уехал в Витебск, чтобы провести день с моим школьным другом Абрамом Вышедским, приехавшим ненадолго домой после окончания Ленинградского летно-технического училища. Встретились, зашли в любимое витеблянами кафе в бывшей гостинице "Брози" — тогда оно находилось у моста на берегу Витьбы, на углу улиц Ленина и Толстого. Сидим за бокалом пива, ведем неторопливую беседу, вспоминаем друзей. Вдруг слышим, Юрий Левитан объявляет об экстренном сообщении и сразу — выступление В.М. Молотова. Может быть, это покажется сегодня странным, но у нас его заявление никакой тревоги, кроме легкого недоумения, не вызвало. Так же сидим, говорим о своем. В каждом из нас тогда настолько глубоко сидело убеждение в несокрушимой мощи нашей страны, что трагический смысл молотовского заявления дошел до сознания не сразу...

И все же во второй половине дня я вернулся в лагерь. Собрал детей, сообщил о выступлении В.М. Молотова, говорил им о том, что пока будет продолжаться смена, война уже закончится. Ребята слушали, моя речь беспокойства у них не вызвала.

В понедельник появились некоторые родители. Ответ всем

был один: распоряжение о закрытии лагеря мы не получали. А сами ложились спать с одной мыслью: что будет завтра?

Шли дни, в лагерь приезжали родители. Мы обещали им внимательно следить за обстановкой. Одни оставляли ребят, другие — забирали. Но большинство ребят осталось.

Приехал кто-то из родителей и сказал, что немцы стали часто бомбить город. Мы решили вывезти лагерь. Но найти автотранспорт уже не смогли. Вожатые построили ребят по отрядам, и мы двинулись пешком на Витебск. Разумеется, волновались за детей, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Вожатые сразу пошли в институт. Секретарь комитета комсомола Семен Фридман предложил нам вступить в народное ополчение. Так я и мои сокурсники стали ополченцами, потом — фронтовиками...»

В одном из боев Александр Исидорович был тяжело ранен, более года лежал в госпитале. В мае 1945 года на костылях, инвалидом вернулся в Витебск.

Миша Беленький проводил лето в Летцах. 22 июня воспитатели сказали ребятам, что началась война, но волноваться не надо: Красная Армия сумеет их защитить. И только 3 июля ребят привезли в Витебск к родителям.

Предисловие к книге фронтовика-пехотинца Ефима Абелевича Гольбрайха «Былой войны разрозненные строки», чье детство и юность прошли в Витебске, написал народный писатель Беларуси Василь Быков. «Автор настоящих записей безыскусно, но очень правдиво, со скрупулезной точностью участника и очевидца повествует о пережитом, тем самым внося свой благородный вклад во всенародную копилку памяти о тех героических днях, примет которых все меньше остается в нашем сегодня».[7]

В первые дни войны Ефим Абелевич находился в Витебске и оставил нам воспоминания писателя-документалиста: «По ночам над городом пролетали немецкие бомбардировщики. Они летели вглубь страны, тяжело нагруженные. Казалось, смертоносный груз войны тяжело ворочается в их паучьем чреве, и оттого они гудят неровно, часто переводя дыхание,

с короткими, как бы для вдоха, паузами. Низко, на разные голоса, гудели заводские гудки, противно завывали сирены. От их истошного воя в груди все тоскливо сжималось. Мама с сестрой уходили на ночь в костел, его прочные своды многим казались надежной защитой и собирали под свой кров сотни людей. Окна домов крест-накрест заклеены полосками бумаги.

Днем через город проходили войска.

Однажды несколько часов двигалась моторизованная дивизия, вероятно, одна из первых. Ехали мотоциклисты, на каждой коляске был установлен пулемет, сидел расчет. Это было внушительно. На перекрестках стояли группы людей: теперь остановят, отбросят!

Не остановили. Не отбросили.

Пополнения уходили на фронт и бесследно исчезали. Было непонятно и страшно. Только что на первомайском параде прошла такая Армия! Колонны демонстрантов несли лозунги: "Бить врага на его территории!" И вот — отступают...

Появились беженцы из пограничных районов. Их можно было узнать издали. Наспех и во что попало одетые, в дорожной пыли, многие с детьми, неразговорчивые, они казались людьми из другого мира, знавшими нечто такое, что нам еще предстоит узнать. На их лицах застыло выражение скорби, испуганные дети зябко жались к матерям. Беженцев кормили на продпунктах и отправляли дальше, на восток. Это еще больше тревожило...

По городу ходили вооруженные патрули из гражданского населения. Истребительные батальоны несли охрану, искали немецких парашютистов. В горкоме комсомола записывали в партизаны, в подпольщики.

И стар, и млад ловили шпионов. Шпионы, как на подбор, были в темных очках и кожаных регланах... Подойдя к очередной группе, поинтересовался, что происходит. В центре группы мужчина с нашей улицы, двое крепко держат его за руки, третий обыскивает, проверяет документы. Толпа настороженно следит за их действиями и угрожающе гудит. Увидев меня, мужчина обрадовался. Я засвидетельствовал: свой, сосед, и его нехотя отпустили. "Никак домой не доберусь, — пожаловался он. —

Седьмой раз задерживают". На ногах у него были краги — накладные кожаные голенища — шпион...

Ранним утром 3 июля я стоял на посту на наспех сколоченной наблюдательней вышке и с беспокойством, до рези в глазах, всматривался в безоблачное, голубое и чистое небо — не летят ли немцы.

Студенческий истребительный батальон не был обмундирован, а вооружен чем попало, в том числе невесть как и когда попавшими к нам бельгийскими винтовками без штыков. Досталась такая и мне, и теперь, от нечего делать и чтобы не задремать, я ее рассматривал. Яркий летний день только разгорался.

Висевший на вышке и не выключавшийся с начала войны ни днем, ни ночью динамик, с четырехугольным, как у звукоуловителя, раструбом, неожиданно громко и сухо щелкнул и знакомым голосом Левитана произнес: "Внимание! Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!" — Затем в течение нескольких секунд слышался какой-то непонятный шорох и разговор, в котором тихо, но отчетливо прозвучало: "Не волнуйтесь!" Мне показалось, что эту фразу произнес Юрий Левитан. В своих воспоминаниях Левитан пишет, что это Сталин успокаивал его. А что еще он мог написать? Трудно себе представить, чтобы Левитан решился успокаивать Сталина. Тем не менее, я совершенно ясно слышал голос Левитана, перепутать который было совершенно невозможно. Доказательством может служить то, что Сталин начал свою речь дрожащим от волнения голосом, запинаясь, особенно на необычных и непривычных для нас словах: "Братья и сестры!" — За двенадцать дней войны он понял, что произошло. Было от чего волноваться.

Это было обращение к народу. Впервые мы поняли всю серьезность положения, почувствовали, что война будет тяжелой и долгой. Все это было так не похоже на бодрые сообщения газет, будто в Германии кончается горючее и война долго не протянется»[8].

Фронт стремительно приближался к Витебску. Для приема раненых в здании пединститута по улице Пушкинской были оборудованы дополнительные палаты для эвакогоспиталя

№ 430, находившегося в Витебске еще с довоенных времен.

22 июня 1941 года, согласно мобилизационному плану, начальником госпиталя был назначен И.Н. Степаненко, бывший помощник начальника этого же госпиталя, комиссаром – А.О. Коляда, директор Витебского пединститута им. Кирова, главным хирургом – Борис Пуринсон, хирургом был Александр Митрошенко. Однако долго оставаться в Витебске госпиталю не пришлось: через несколько дней поступил приказ выехать в город Волоколамск под Москву.

Первые бомбы упали на Витебск 26 июня 1941 года. Вражеская авиация бомбила вокзал и Старый мост через Западную Двину. Но они уцелели, разбит был универмаг, стоявший на правом берегу реки рядом с мостом.

«Воздушные бои над городом проходили ежедневно, – вспоминает Лев Исаакович Юдовин, военврач второго ранга, бывший тогда начальником санитарной службы 735-го артиллерийского полка. – Наши зенитки трудились самоотверженно, но за первую неделю был сбит лишь один вражеский самолет. Вся материальная часть наших зенитных батарей состояла из орудий старых образцов, и основные приборы были тоже старыми»[9].

Об этом же 26 июня писал Г.С. Усатенко: «...С оружием просто беда. Много старых учебных винтовок. Смешно и горько было – из этого оружия мы постреливали по немецким самолетам, пролетавшим над нами. Не всем командирам достались наганы. Надоедаем коменданту гарнизона и военкому: давайте боевое оружие».[10]

Неделю спустя Г.С. Усатенко делает в дневнике следующую запись: «...Наконец мы получили оружие – новенькие винтовки и станковые пулеметы, патроны. Каждому бойцу вручили по две бутылки с зажигательной смесью для борьбы с вражескими танками. Частично выдали обмундирование»[11].

В эти дни появился приказ начальника Витебского гарнизона полковника Редченкова и коменданта гарнизона капитана Мироненко войскам гарнизона, предприятиям, учреждениям и всему населению, в котором говорилось: «...всякое движение жителей и автогужевого транспорта по городу Витебску

разрешено с 5.00 до 23.00. После установленного времени разрешаю движение только трамваев специального обслуживания.., рабочих и служащих, которые едут на сменную работу.., автотранспорта по специальным пропускам». Всем зрелищным предприятиям, кино и театрам, садам и площадкам предписывалось прекращать работу в 22.00, торгующей сети – столовым, ресторанам и кафе – в 22.30. Машины «Скорой помощи» и дежурные аптеки продолжали работать круглосуточно. Приказом запрещался «въезд в город и выезд из города, за исключением лиц, которые следуют по служебным командировкам, а также колхозников и единоличников из прилегающих районов, которые прибывают для продажи своих продуктов на колхозных рынках». Приказ завершался словами: «За неисполнение и нарушение данного приказа виновные будут привлечены к строгой ответственности по законам военного времени согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР о военном положении».

Местная служба противовоздушной обороны опубликовала «Правила поведения населения и обязанности администрации по ПВО». Правила требовали во всех домах, учебных заведениях и на предприятиях внутреннее освещение сократить до минимума, световые проемы зашторить светонепроницаемым материалом, на оконные стекла наклеить бумажные ленты, чтобы при бомбежке они не лопались от взрывной волны; гражданам, имевшим индивидуальные противогазы, всегда держать их при себе; для лиц, которые не могут пользоваться индивидуальными противогазами, и для других граждан в подвалах домов и в удобных для этого местах оборудовать специальные комнаты безопасности.

В этот же день Облснабосоавиахим опубликовал объявление, в котором сообщалось: «Мастерская витебского отдела снабжения Осоавиахима приступила к проверке и ремонту противогазов. Прием противогазов для проверки и ремонта от организаций, учреждений и граждан производится ежедневно с 9 часов до 17 часов. Винчевская улица, дом 7».

25 июня для борьбы с диверсантами и вражескими парашютистами был создан отдельный истребительный батальон.

Вспоминая об этом, комиссар батальона Г.С. Усатенко писал:

«28–30 июня.

Беспокоят ракетчики. С сумерками из разных мест взлетают ракеты вражеских лазутчиков, которые наводят воздушных пиратов на важные объекты города. Прочесываем город. Подозрительных лиц задерживаем и доставляем в штаб воинской части и в отдел УНКВД (Управление Народного Комиссариата внутренних дел – Авт.)»[12].

Многие витебляне были в растерянности, они не знали, что делать – уезжать или оставаться. Те, кто помнил Первую мировую войну, как бы утешая самих себя, говорили: «Я видел немцев в 1914 году. Чего вы боитесь?». А евреи еще добавляли: «Они говорят на таком же языке, как мы. Только немножко по-другому». Причем, убеждение, что немцы – нация культурная и европейское воспитание не позволит им убивать ни в чем не повинных людей, действовало парализующе.

Вспоминает Шноль (Нихамкина) Зинаида Григорьевна:

«Я, моя мама – Попкова Елизавета Соломоновна, папа – Шноль Григорий Борисович и сестра Белла проживали в Витебске.

Когда началась война, папа, будучи военным, с первых дней был на фронте, а нам, как семье красного командира, была предоставлена телега с лошадью для эвакуации. Так мы отправились в эвакуацию: я, сестра Белла, мама, ее сестра Ольга Каган с дочерью Анной. Наш путь проходил через местечко Велиж. Там жили наши многочисленные родственники, они готовы были эвакуироваться с нами. Но приезжая родственница из Ленинграда всех отговаривала, ссылаясь на то, что в 1914 г. немцы евреев не убивали... Она была грамотной, авторитетной женщиной и ей поверили. На утро мы уехали, а все остальные остались.

А дальше – пришли немцы, организовали гетто. Родственницу из Ленинграда с дочерью расстреляли на площади, а остальных согнали в несколько домов и подожгли. Вокруг домов поставили пулеметы. В основном этим руководили полицаи. Так

погибло более 100 человек: старики, женщины, дети».

Это происходило в Велиже, но и в Витебске было немало похожих историй.

В июне 1941 года Рахиле Шор (Чудновской) исполнилось 22 года. Она успела окончить четыре курса медицинского института, как раз началась хирургическая практика. Ее мама не хотела эвакуироваться. «Что нам могут сделать немцы? — говорила она. — Я прекрасно их знаю, они у нас жили во время Первой мировой войны. Это культурные, интеллигентные люди!» — и рассказывала, как некоторые из них были на ее свадьбе. Но Рахиль настояла. Она думала не столько о себе, сколько о своем маленьком сыне. Решили сойти в Курске, потому что там был медицинский институт, а Рахиль во чтобы то ни стало хотела его окончить. Сначала работала в госпитале. Когда фашисты подошли к Курску, эвакуировалась вместе с больными в город Шадринск. Только успели разместить раненых в старой школе, как получили приказ — отправляться на фронт. Было тяжелое ранение. Войну Рахиль закончила уже в чине капитана медицинской службы, имея несколько боевых наград, среди которых орден Отечественной войны. А вернувшись домой, осуществила свою мечту — окончила медицинский институт. В ее дипломе так и написано: начало учебы — 1937 год — окончание 1946-й.

Многие семьи не смогли подняться и уйти на восток, потому что мужчины были призваны в Красную Армию. Жены и дети оставались на местах, не решаясь самостоятельно отправиться в дорогу.

«Почему мы остались в Витебске? Почему даже не предприняли попытку уйти из города? — повторила мои вопросы Галина Николаевна Быковская (Лапицкая). — Я была еще маленькая и вряд ли мама со мной советовалась. Но, думаю, это произошло потому, что отец, мой старший брат уже были на фронте и мама не рискнула отправиться в неизвестную дорогу со мной вдвоем. Эвакуировались те, кто были решительнее, богаче или кто работал на фабриках, заводах. А мы остались в Витебске. Город бомбили, он горел. А куда нам было с мамой идти? В нашем дворе мы вырыли землянку и ночевали там, так было

безопаснее. А днем я бегала на железную дорогу, на рампу, она была рядом с нашим домом. Там стояло полно груженых составов, они последний день перед оккупацией уже не охранялись, и люди растаскивали все, что могли унести. Я тоже отнесла в землянку какие-то продукты».

Польских беженцев в Витебске было немало. Они рассказывали о зверствах нацистов в оккупированной Польше, но многие их даже не хотели слушать. Называли фантазерами, паникерами, говорили, что у страха глаза велики.

В статье Ив. Иванова «Витебское гетто», опубликованной в парижском журнале «Социалистический вестник», есть такие строки: «— На, почитай, что пишут о лодзинских евреях, — говорит мой знакомый, протягивая местную газету "Витебский рабочий" первых дней после начала войны. В "подвале" газеты был большой фельетон, в котором описывались немецкие зверства в занятой Польше: как собрали 200 еврейских женщин и детей в Лодзи и как их расстреляли.

Еврей, молодой парень, который в 1940 году переплыл Вислу, чтобы попасть в СССР, рассказывал, что по приходе в Варшаву немецких частей в черной форме евреи стали подвергаться оскорблениям, унижениям, их ловили и заставляли работать бесплатно целыми днями, не выдавая при этом ни пищи, ни питья... По совету своих родителей он решил бежать в СССР».[13]

Если бы люди умели прислушиваться к горькому опыту своих современников, соседей, друзей, сколько трагедий они смогли бы избежать. Но человек всегда надеется на лучшее...

Многие не понимали, точнее сказать, не представляли себе, какой стала Германия после прихода к власти Гитлера. Они не знали, что фюрер с первых месяцев своего правления всю внутреннюю и внешнюю политику подчинил достижению давно задуманной им цели — полному физическому уничтожению евреев.

После заключения 23 августа 1939 года пакта Молотова—Риббентропа советская печать прекратила сообщать о нацистских преследованиях евреев. Наши газеты писали о Германии или хорошо, или ничего. И люди, далекие от политики, еще больше

утверждались в мысли, что немцы — нация культурная и воевать с мирным населением они не станут.

Между тем, политикам, государственным деятелям были хорошо известны слова Гитлера, сказанные в разговоре с министром иностранных дел Чехословакии д-ром Хвалковским 21 января 1939 года: «Мы уничтожим евреев. Им не удастся укрыться... День расчета настал».

Неделей позже — об этом же: «...результатом ее (войны — авт.) явится... уничтожение еврейской расы в Европе».[14] И сказано это было уже не в дни «пивного путча» 8—9 ноября 1923 года в Мюнхене, и не в беседе один на один с дипломатом, а во время выступления в рейхстаге (германский парламент) в 1939 году. Речь была приурочена к шестой годовщине со дня прихода нацистов к власти.

Знало советское правительство и о зверском обращении оккупантов с населением захваченных Германией стран Европы. Но только после вторжения вермахта в пределы СССР на страницах советской периодической печати стали появляться сообщения о зверствах и расправах, которые учиняли гитлеровцы над мирным еврейским населением.

В эти дни газета «Віцебскі рабочы» опубликовала статью С. Борисова «О новом порядке», установленном нацистами в оккупированной Польше. Значительную ее часть автор посвятил рассказу о положении евреев, оказавшихся в руках нацистов: «...Еврейское население, — писал автор, — поставлено буквально вне закона. В городах все евреи согнаны в специальные кварталы — гетто[15], огражденные колючей проволокой. В гетто Варшавы заключено 500 тысяч человек, в Лодзи в еврейское гетто загнано 250 тысяч человек. Люди тут не имеют права появляться на улицах после 5 часов дня. Евреи с 10 лет обязаны носить на своей одежде особый знак — большую желтую или зеленую звезду. Для жителей гетто сделаны специальные деньги — мелкие монеты из дерева. Еврей не имеет права входить в трамвай общественного пользования. Каждый еврей обязан отрабатывать без всякой оплаты два года в трудовом лагере. Своеволие, чинимое германскими фашистами, не поддается описанию. В Домброве была подожжена синагога, перепол-

ненная молящимися. Тех, кто пытался спастись, расстреливали. В Калише фашисты убили 22 поляка и украинца, потом трупы сложили на телегу, запрягли в нее несколько евреев и заставили их возить телегу по городу. В деревне Грабек Петраковского района немецкий солдат застрелил десятилетнего мальчика, который показал ему язык. Когда родители, братья и сестры высказали свое возмущение, они также были расстреляны.

Широкие массы польского и украинского населения глубоко ненавидят фашистских угнетателей и палачей. В некоторых районах партизанские отряды ведут героическую войну против оккупантов».

Трудно сегодня сказать, какое впечатление произвела эта статья на читателей. Помогла ли она хотя бы кому-нибудь представить себе, какую угрозу людям несет фашистская оккупация. Кстати, сами немцы — от солдат до офицеров вермахта — говорили потом, что были удивлены почти полному незнанию советских евреев о жестоком преследовании нацистами еврейского населения. Откуда же они могли знать, если советская печать упорно молчала об этом?

Советское правительство знало об этом и тоже молчало. Не месяц, не два, а более полутора лет после начала Второй мировой войны. Знало оно и о том, что со дня на день Гитлер нападет на Советский Союз.

Лев Исаакович Юдовин пишет в своих воспоминаниях: «В середине марта (1941 года — авт.) все начальники служб полка получили приказ приступить к составлению мобилизационных планов на случай войны. Для этой цели каждому начальнику, и мне в том числе, предстояло изучить специальную инструкцию, согласно которой следовало составить мобилизационный план, сокращенно — мобплан. И все, кого это касалось, приходили утром в спецчасть, и там каждый работал за отдельным столом в течение пяти дней. Работали напряженно. Мы были уверены в том, что работу выполнили, как положено. Но не тут-то было. Когда через некоторое время прибыла специальная комиссия из военного округа проверить наши мобпланы, их все забраковали. Члены названной комиссии созвали всех авторов мобпланов и

объяснили, почему они их не принимают. Нам всем приказали немедленно все переделать заново, учитывая все данные замечания. Это было уже в последних числах апреля 1941 года. Всем начальникам служб полка пришлось снова приходить в спецчасть с 8 часов утра до 22 часов вечера. Отпускали нас лишь на один час на обед. Так мы работали и в майские праздники... К концу дня 2 мая работу закончили, и нам разрешили идти домой. Вскоре наши мобпланы были проверены, и высшее начальство их одобрило».[16]

Была еще одна причина, по которой люди не спешили эвакуироваться. В предвоенные годы очень популярной была песня, в которой утверждалось:

Мы войны не хотим, но себя защитим —
Оборону крепим мы не даром,
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом.

Или, например, в «Песне танкистов»:

Знайте, враги, на удар мы ответим
Так, чтобы вам никогда не забыть.
Не было, нет и не будет на свете
Силы такой, чтобы нас победить.

Об этом же писали газеты, говорили с высоких трибун, повторяли в многочисленных радиопередачах. Так была создана легенда о непобедимости Красной Армии. Самое удивительное, что в нее поверили даже те, кто по долгу службы был обязан знать истинное положение дел.

В доме родителей одного из авторов этой книги накануне войны квартировали командиры Красной Армии. В первый день, когда объявили войну, они успокаивали хозяев: «За неделю немцев отбросят, и война будет на их территории. Живите спокойно». Люди искренне верили в это и оказались в плену собственных иллюзий, пребывая в них даже тогда, когда фронт уже приближался к Витебску.

Многие жители не отважились на эвакуацию — ехать в неизвестность, в никуда. Люди боялись остаться без средств к

существованию. Конечно, было жалко бросить добро, нажитое годами, оставить кастрюли, подушки, буфеты. Это сейчас, спустя десятилетия, мы можем спокойно рассуждать об этом. А ведь из этих самых кастрюль, подушек, буфетов, домов, с трудом приобретенных, и состояла жизнь людей.

После одного из авианалетов к Сарре Манулькиной пришел знакомый беженец[17] из Польши и сказал:

— Соня, бери девочку и уезжай, куда хочешь. Немец придет и всех порежет. Я уезжаю.

— Как это уйти? Как это — взять ребенка, а все добро бросить и уйти?

И она осталась.

Уходя на восток, люди верили, что через неделю-другую фашистов прогонят и они вернутся в Витебск. Лия Папкова, вспоминая о тех днях, рассказала такую историю. «С собой взяли самое необходимое. Смену белья, полотенце, мыло. Как будто уезжали на выходные дни за город. Вещи, которые представляли какую-то ценность — ковер, велосипед, посуду — спрятали в подвале, где обычно хранилась картошка. Я хотела одеть в дорогу хромовые сапожки, но отец сказал: "Заверни их и положи в подвал, а то в сентябре не в чем будет в школу идти". Я так и сделала. И ушла из дому в парусиновых тапочках. Мы были в эвакуации в Вольске. Наши довоенные друзья, добравшиеся до Вольска к зиме 1941 года, рассказывали, что буквально на завтра после нашего отъезда соседи сбили замки с дверей, открыли подвал и растащили все вещи».

Кругом бушевало всепожирающее пламя войны, а люди, привыкшие к размеренному, обстоятельному образу жизни, не сразу понимали, как им надо себя вести в новой ситутации. Ефим Гольбрайх вспоминает, что перед уходом из Витебска хотелось сделать казавшиеся неотложными, по старому, мирному времени, дела: рассчитаться с долгами, заплатить за квартиру, за электричество, сдать книги.

«В пустой, безлюдной библиотеке сидели с отрешенными лицами две женщины и нехотя, медленно увязывали пачки

книг. Было совершенно ясно, что библиотеку эвакуировать не будут, с удивлением посмотрели на вошедшего, не сразу поняли, зачем пришел... После войны, случайно встретив одну из них, услышал: “Это вы за день до немцев принесли сдавать библиотечные книги?”

В военкомате сказали: о тебе не забыли, а семья может ехать.

На вокзале, куда я привел мать, брата и сестру, царило столпотворение. Узнать что-либо было невозможно, никуда не подступиться. В привокзальном сквере собрались женщины и дети – семьи командиров Красной Армии. Сидели и лежали на узлах, корзинах, чемоданы еще только входили в моду. Женщины тихо переговаривались, непривычно притихли дети. После томительного ожидания повели к поезду. Семьи командиров были знакомы друг с другом. Нас здесь никто не знал, и смотрели подозрительно. Рассчитывать нам было не на кого и не на что. Тем более – семье “врага народа”. Неожиданно подошел не молодой военный, ни о чем не спрашивая, взял вещи потяжелее, повел к вагону, помог матери взобраться на площадку, затолкал в тамбур и предупредил: “Никуда не выходите”. Ему они обязаны жизнью. Этот человек спас от неминуемой смерти. Мама молилась за него до своего последнего часа.

Повезло. Вагоны были пассажирские. Людей набилось столько, что стояли в проходах, но никто не выходил. Ночью эшелон ушел»[18].

28 июня 1941 года СНК (Совет Народных Комиссаров – правительство республики. – Авт.) и ЦК КП(б)Б приняли постановление «О мерах пресечения паники и организации информации населения».

Вот его текст: «Враждебные советской власти и нашему народу элементы, агенты фашизма в стремлении посеять растерянность и вызвать панику у населения наших городов и деревень распространяют всякого рода провокационные слухи, враки и небылицы.

В целях пресечения подрывной деятельности врагов советского народа Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР и Центральный комитет коммунистической партии (б) Белоруссии постановляет:

1. Обязать прокурора Белорусской ССР тов. Ветрова, областных и районных прокуроров немедленно арестовать и придать суду военного трибунала лиц, распространяющих разного рода провокационные слухи.

2. Самовольно покинувших свои посты: начальника.., заведующего.., секретаря РК КПБ.., председателя райисполкома.., арестовать и придать суду военного трибунала как трусов и дезертиров (вместо проставленных нами многоточий в постановлении указаны фамилии, должности и места работы названных лиц. – Авт.).

3. Обязать все обкомы, райкомы, горкомы КПБ, исполкомы областных Советов трудящихся провести широкую политико-массовую разъяснительную работу, обеспечить выпуск газет, организовать издание листовок и плакатов, разъясняющих и формулирующих задачи населению в военных условиях».

Появление такого постановления в условиях страшного военного времени вполне объяснимо. Однако в постановлении не было главного: оно не обязывало местные органы власти информировать население о продвижении вражеских войск к местам его проживания и, в случае угрозы оккупации, содействовать эвакуации людей.

Как вспоминают витебляне, пережившие то тревожное время, слухи и небылицы и после этого постановления продолжали ходить по городу.

Некоторые утверждали, что Англия и Америка уже вступили в войну против Германии.

Серафима Яковлевна Лаговер вспоминает, как она вместе со своей подругой пошла на вокзал узнать, как и когда можно эвакуироваться. Чем ближе они подходили к станции, тем чаще слышали эту новость.

Директор ватино-ватной фабрики Сандлер, встретив своих работников, спросил у Серафимы Яковлевны:

– Вы идете из дому? Может быть, слышали сообщение, что Англия и Америка вступили в войну с Германией?

В этот момент к ним подошел молодой парень и сказал, что он лично слышал это по радио. Передавали в четыре часа...

Людей будоражили и другие противоречивые, ни на чем не основанные слухи.

С.К. Манулькина, пережившая гетто, свидетельствует: «Почему так много евреев осталось в Витебске, и русских тоже! В июле было сообщение, что немцев отогнали далеко от Витебска, километров на 80 на запад. И передали по радио: "Вернитесь все на свою работу, на свои места". Это было не предательство — так власти передали. У меня жили родственники на Песковатике: сестра и ее взрослые дочери. Так они уже сидели в поезде и вернулись домой. Так сделали многие люди, и их всех потом немцы убили"[19].

Об этом же вспоминает и Г.В. Шантырь: «Радио до последней минуты толковало, что немцев отбрасывают и необходимости уезжать нет. Да, к тому же, отец был в командировке в Орше, и мы ждали отца... А немцы пришли неожиданно. А что они будут выделывать — никто не знал. Хотя были предупреждения. У нас в подвале жила еврейская семья из Польши. И они рассказывали, что там творилось. Но у нас была соседка, одна старая еврейка, она когда-то жила в Германии. Она слушала и считала, что это коммунистические басни...»

Правдивая официальная информация в одинаковой мере нужна была всем — и евреям, и неевреям. Никто не хотел оставаться под пятой фашистов. Хотя удалось уйти на восток далеко не многим.

По Всесоюзной переписи населения 1939 года в Витебске проживало 167299 человек, в том числе 37099 евреев,[20] то есть 22,17 % от общей численности. Сколько их проживало накануне Великой Отечественной войны, к сожалению, неизвестно. Судя по переписи 1926 года, численность евреев в Витебске составляла 37 % (37013 человек от общей численности населения в 98508 человек). Как видим, за тринадцать предвоенных лет количество еврейского населения Витебска практически не изменилось, несмотря на миграцию, естественный прирост и некоторые другие факторы (хотя в 1939 г. по отношению к общей численности населения процент его стал меньше). Можно полагать, данные оставались примерно такими же и к 22 июня

1941 г. Общая численность городского населения к этому времени составляла около 180000 человек.

Известно, что к сентябрю 1941 г. в Витебске оставалось 64000 человек. Это не считая еврейского населения, загнанного гитлеровцами в гетто. Если из числа довоенных жителей Витебска вычесть 37000 еврейского населения, то получается цифра 143000. Следовательно, к сентябрю 1941 г. в Витебске оставалось примерно 44 % от проживавшей до войны нееврейской части населения. Несомненно, оккупационный режим был страшным для всех жителей города. Но массовые расстрелы в первые недели оккупации коснулись лишь евреев. Отток людей из города в деревню начался лишь зимой, когда стал ощущаться голод. Поэтому мы можем утверждать, что эта цифра — чуть больше 44 % — была верна и в конце июля 1941 года. В это же время юденрат по приказу фашистов провел регистрацию еврейского населения Витебска. В списки было занесено 16000 фамилий. И пускай нас читатель простит за дотошный подсчет. Но это составляет чуть больше 43 % от довоенного еврейского населения города.

Следовательно, в начале июля 1941 года из Витебска на восток ушло приблизительно равное в процентном соотношении количество евреев и неевреев. И это полностью опровергает лживые утверждения о том, что среди беженцев преобладали евреи.

Люди метались в поисках спасения от смерти. То ли по наивности, то ли от желания даже в самой тяжелой ситуации оставаться оптимистами и не терять последнюю надежду, многие верили, что им удастся пересидеть войну в маленьких деревнях и местечках. Мол, в городах немцы, наверное, расправятся с евреями, а в деревнях оставят их в покое. И еще: богатых они расстреляют, а бедным терять нечего.

Мария Эстрова из Витебска ушла в Шумилино, семья Брускиных — в Яновичи, семья Рониных — в Городок, Хаим Рухман — в Ушачи, Соня Пукшанская — в Лиозно, Вита и Соломон Гольдины — в Яновичи, Рива Шнейдерман — в Бешенковичи, Соломон, Геня, Алтер и Маня Алтерман надеялись укрыться у родственников в Яновичах, Хаим Альтман — в Добромыслях.

Даже маленьких детей отправили к бабушкам и дедушкам в местечки, а тех, кто отдыхал там в эти дни, специально не забирали обратно в Витебск. Надеялись, что детям будет там лучше. Так, Светлана Каган, которой от роду было всего два годика, осталась в местечке Камень. Игорь и Гоша Соловчинеры – в Дубровно, Миша Рекер – в Островно. Все они были убиты фашистами.

Когда началась война, Хаиму Портному было уже девяносто лет. Всю жизнь он служил кантором в маленьком местечке Бобр. А когда советская власть закрыла синагоги, оставил свое родное местечко и перебрался к детям в Витебск. Ходил в старом потертом сюртуке и ярмолке, был тихим и незаметным человеком. Его дочь Соня жила в Орше. В конце июля 1941 года Хаим сказал родным, что уходит к дочке в Оршу. Его отговаривали, упрашивали остаться. А он твердил свое:

– Вы все вместе, а Соня – одна. Ей страшно. Надо помочь. За меня не волнуйтесь. Кому я нужен? Никто меня не тронет.

Хаим ушел и не вернулся. Большая семья Портных погибла в Витебском и Оршанском гетто.

У каждого человека своя судьба, и никто не знает, что его ждет завтра. Сколько драм и трагедий разыгралось в эти дни в домах и в сердцах витеблян...

Мордуха Полякова призвали в армию в первые дни войны. Его жена Груня Хасина имела возможность вместе с тремя детьми эвакуироваться из Витебска. Уезжала фабрика, где она проработала всю жизнь, и для нее нашлось бы место в теплушке. Но уже на вокзале плохо стало старшему сыну Самуилу. Его просили: «Потерпи, болит живот – пройдет. Уедем из Витебска – покажем тебя врачам». А шестнадцатилетний парнишка корчился от боли и стонал. Груня, вся в слезах, не зная, что предпринять, металась по привокзальной площади, пытаясь найти машину, чтобы отвезти сына в больницу. Шоферы смотрели на нее и ничего не понимали: «Как можно болеть в такое время?». Наконец, она упросила какого-то молодого парня, и тот отвез Груню и ее детей в военный госпиталь. Самуила тут же прооперировали. Аппендицит. Об эвакуации не могло быть

и речи. Поезда больше не ходили. Машин не было. А пешком, через день после операции, далеко не уйдешь.

Самуила фашисты расстреляли прямо во дворе бывшего госпиталя. Груня с двумя детьми оказалась в гетто...

У Мени и Ханы Леи Лосевых не было детей. А семью Мейера Лосева Бог одарил детьми сполна. Мейер всю жизнь был бедняком. Сначала не получил толковой профессии, потом начало подводить здоровье. Меня не раз говорил родному брату: «Отдай мне на воспитание кого-нибудь из своих детей. Мы же не чужие. Тебе будет легче остальных поднимать, и у меня в доме появится радость». Ласковая и добрая Соня перешла жить к Мене и Хане Лее. Здесь она выросла. Здесь ее выдали замуж. 7 июля Лосевы собрались уходить из Витебска на восток. Но в этот день у Сони начались схватки и концу дня она родила. С Соней осталась в Витебске ее приемная мама Хана Лея.

Бабушка, дочь и маленький ребенок погибли в гетто.

Рувим Нихамкин ушел на фронт на второй день войны. И в тот же день его жену Пашу отвезли в роддом. 26 июня появился на свет мальчик, которому дали имя Давид. Почти две недели женщина с младенцем находилась в роддоме. Ее просто некому было забрать. И только 8 июля Паша Нихамкина с Давидом вышла из роддома, добралась до своей квартиры, собрала двух старших сыновей, и они ушли к родственникам в местечко Колышки. Во время одной из гитлеровских акций погиб ее первенец Абраша. Паша и двое других сыновей, Леонид и Давид, чудом уцелели во время расстрела колышанских евреев.

Исаак Львович Лифшиц – образованный человек, сдавший экстерном экзамены за курс классической гимназии, много и вдумчиво читавший, работавший в разные годы главным бухгалтером на многих предприятиях города, отлично понимал, что фашисты расправятся с ним и его семьей. И не питал на этот счет никаких иллюзий. И тем не менее, он даже не предпринял попытки эвакуироваться из Витебска. Наверное, хватило бы сил уже немолодому, 62-летнему, но еще крепкому мужчине, выдержать трудный путь на восток. Его останавливало чувство

долга. Как раз в начале июля 1941 года на руках у Исаака Львовича оказалась крупная сумма денег, которую он как главный бухгалтер и кассир должен был выплатить работникам артели. Исаак Лифшиц до самого последнего дня, пока фашистские войска не пришли в Витебск, аккуратно, минута в минуту, приходил на службу. Артель уже не работала. А он ждал людей, чтобы выплатить им зарплату. Боялся подвести их, оставить без куска хлеба. Как оказалось, многие из тех, кого он ждал, махнули рукой на деньги и ушли из города. У Исаака Львовича так и не нашлось времени позаботиться о себе. И он остался в оккупированном Витебске. Попал в гетто. Вел себя спокойно и с достоинством. Может быть, силы ему прибавляло то, что он знал: его дети находятся в безопасности. Старшая дочь учится в Москве, а младшая Лиля вместе с тетей, сестрой жены, которая работала в Госбанке, уехала на восток, в том самом вагоне, который выделили для вывоза ценностей.

Мы не знаем, были ли знакомы Исаак Львович Лифшиц и Иосиф Лейбович Миркин. Но судьбы их в чем-то схожи. Иосиф Лейбович работал главным бухгалтером Витебской областной юридической консультации. 4 июля его вызвал начальник этой организации и сказал, что ему поручается подготовить к эвакуации и вывезти на восток архив. В помощь ему оставили еще несколько человек. Наверняка, в архиве было много документов, необходимых для работы, представляющих интерес для исследователей, историков. Но вряд ли они стоили человеческих жизней. Впрочем, кто тогда думал об этом. Был приказ, и его надо было выполнять. Иосиф Лейбович как обязательный и пунктуальный человек взялся за работу. Его предупреждали, советовали уходить из города. Он отвечал, что еще не до конца выполнена работа и нельзя оставлять архив. Изо дня в день Миркин приходил в консультацию и аккуратно укладывал документы, составлял описи. По-другому он не умел работать. Когда, в конце концов, задание было выполнено, уходить из Витебска было поздно. Немецкие войска перерезали все дороги, ведущие на восток. Иосиф Лейбович остался в городе. Он погиб в тот страшный день, когда фашисты загоняли людей в

гетто и заставили тех, кто жил на левом берегу, переправляться через Западную Двину.

Ирина Иссеровна Левина (Вейлер) рассказывала нам: «Мы жили с папой, мамой, двумя братьями на улице Нижне-Набережной (ныне улица Ильинского. — Авт.). Отца забрали в ночь на 23 июня на фронт. Он был заведующим магазином. И отец, и мама были членами партии. Мама приняла у отца магазин. Все было сделано официально, как следует. Со всеми подписями: кто сдал, кто принял. Нам были известны предупреждения властей, что члены партии, убежавшие на восток, при поимке будут расстреляны».

У Дмитрия Григорьевича Хвата отец был врачом. «К началу войны мы жили в Витебске, — вспоминает он. — Отец заведовал поликлиникой. Звали его Григорий Борисович. Он родился в Белостоке, учился во Франции, закончил университет в Сорбонне. Был терапевтом высшего класса. Практиковал в Германии, Италии. В 1935 году попросил политического убежища в Советском Союзе. Был идеалистом и свято верил в светлое будущее. Так наша семья оказалась в Витебске. Отец был ответственным человеком. Ему в облздравотделе сказали: "Вы должны обеспечивать сохранность имущества поликлиники". Нас с матерью он посадил на поезд, мы должны были ехать в эвакуацию, но мама, хорошо зная отца, выгрузила нас и сказала: "Пока ты здесь, мы остаемся с тобой". Наша семья ушла из Витебска пешком, когда немецкие войска уже входили в город с другой стороны. Ушли, в чем стояли: в летних платьицах, рубашках. Была жара. Захватили с собой только одно одеяло. Мне было тогда тринадцать лет, сестренке — три года. Кое-как мы добрались до городка Ильино, это в Смоленской области. А там уже были немцы. И мы оказались в гетто».

Подобные рассказы мы много раз слышали от разных людей. Вот воспоминания Марка Давыдовича Пескина, работавшего до войны на игольном заводе контрольным мастером в цехе № 3. «На заводе оставалось только десять человек. Вскоре нас пригласили в Октябрьский райком партии, он находился в Бибкином

переулке (ныне – переулок Янки Купалы. – Авт.). Говорил с нами второй секретарь райкома М.Т. Любимцев. С его слов было понятно, что мы должны быть готовы ко всему: участвовать в обороне города и, если понадобится, создать партизанский отряд. При необходимости должны быть готовы покинуть город и любыми способами добраться до Подольска, куда был эвакуирован наш завод. Из его сумбурного выступления мы поняли, что никакого конкретного плана действия у партийного руководства города нет. Единственное, что он предлагал конкретно: каждому пойти в 6-ю школу на улице Ленина и там получить оружие.

Из райкома мы сразу же отправились в школу. Там на лестничной клетке стоял большой ящик с винтовками. К нашему удивлению, они были американские, калибра 9 мм. Каждому под расписку выдали винтовку и четыре патрона. А город все время бомбили...»

Стремительное наступление немецких войск затрудняло эвакуацию. В первую неделю войны организованной эвакуации ни населения, ни предприятий из Витебска практически не было. Ситуация изменилась только после речи И.В. Сталина, с которой он выступил по радио 3 июля 1941 года: «...При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться...»

В тот же день бюро Витебского обкома и горкома партии приняли постановление об эвакуации[21] промышленного оборудования, сырья, других товаров и материальных ценностей в тыловые районы страны.

4 июля поезд с оборудованием швейной фабрики «Знамя индустриализации» (директор Мочалов) и 350 рабочих с семьями – всего 850 человек – двинулись на Саратов. Каждые пятьдесят километров поезд останавливался. Вследствие бомбежек

были повреждены рельсы. 5 июля выехали обувные фабрики — «Прогресс» в Уфу (директор Пушкин, 200 рабочих) и «Красный Октябрь» в Кунгур Молотовской области (директор Захватов, 125 рабочих), 7 июля — трикотажные фабрики им. Клары Цеткин в Меликес (директор Аверин, 300 рабочих) и фабрика им. «КИМ» в Ульяновск (300 рабочих), 6 июля — дрожжевой завод в Пензу (эвакуировал механик Филатов, директор Герцкин в это время был в отъезде). В эти же дни были отправлены льнопрядильная фабрика им. Кагановича в Кострому (директор Жуковский, 250 рабочих), кожзавод им. Евстигнеева в Горький (директор Кривицкий, 182 рабочих), станкостроительные заводы им. Кирова в Елец (главный инженер Медянцев), им. «Коминтерна» в Саратов (директор Лейкин), игольный завод в Подольск (директор Шапиро), махорочная фабрика на станцию Петровская Саратовской области (директор Школьник), молочный завод в Воронеж (директор Лившиц), облуправление связи в Мичуринск Тамбовской области (начальник Ранкевич), очковая фабрика — в поселок Суксун Молотовской области, в годы войны она была преобразована в завод № 17, производивший оптику для нужд фронта (директор Меерзон), щетинно-щеточный комбинат, железнодорожные предприятия. 5 июля были эвакуированы пединститут им. Кирова — в Челябинскую область (директор Коляда), мединститут — в Ярославль (директор Хазанов), зооветеринарный институт — в город Кинель Куйбышевской области (директор Я.С. Белкин, в годы войны не работал), художественная галерея им. Ю.М. Пэна — в Саратов (старший научный сотрудник Сумник), другие предприятия и учреждения.

Это лишь перечень. А еще были люди, конкретные исполнители. И работа без устали, и гражданская ответственность, и воля, и эмоции, и малодушие — тоже были.

Меер Симхович Фридман служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, участвовал в походе на Варшаву. Потом учился в техникуме, был направлен на работу в Днепропетровск. В 1936 году осужден по сфабрикованному делу (что в те годы не было редкостью). Ссылку отбывал на Колыме, работал на золотых приисках. Освободили его в 1940 году с формулировкой

«отсутствия права проживать в крупных городах». Вернулся на родину в Белоруссию. Не только не обозлился на власть, а с утроенной энергией работал технологом на Витебской швейной фабрике «Знамя индустриализации». Когда началась война, занимался эвакуацией предприятия.

Спустя двадцать лет после окончания войны в книге «На новые базы. Эшелоны идут на восток» будут опубликованы воспоминания Меера Симховича Фридмана.

«4 июля мы еще утром были на территории фабрики «Знамя индустриализации», посмотрели на главный корпус, а на душе так досадно – он без нас осиротел.

Немало было пролито слез рабочими на прощании с фабрикой, на которой мы трудились во имя Родины...

В этот день в городе было все время тревожно. Воздушные налеты и бои не прекращались. Народ бросился на вокзал, по улицам продвигаться было трудно. Самолеты летали низко и из пулеметов обстреливали. По улице Ленина стояли трамвайные вагоны: не было электроэнергии. Фронт от Витебска всего в 80 км. С большими трудностями добрались до эшелона, с которым отправлялись в Саратов. На товарной станции стоял большой состав из товарных вагонов. С трудом забрались в один вагон, устроились в уголке возле дверей. Вагон был переполнен женщинами, детьми, стариками. Теснота страшная. День был очень жаркий.

В городе появилось немало фашистских лазутчиков. Они ходили у вагонов и вели разговоры о том, что, мол, напрасно уезжать, война кончается, скоро будет заключен с Германией мир. Шли разговоры о том, что город окружен. Некоторые верили, выходили из вагонов, оставались в городе.

Поезд стоял целый день. Вечером в 10 часов состав тронулся и взял курс на Смоленск»[22].

Сын Меера Симховича – Владимир Фридман, с которым мы встретились в Витебске через семьдесят три года после начала войны, продолжил рассказ отца: «В Саратове фабрику "ЗИ" разделили на два подразделения. Одно оставили в Саратове, а второе отправили в Вольск.

В августе 1941 года начали монтаж оборудования и организацию

производства. В конце сентября фабрика заработала. Производился пошив одежды для армии. Меер Симхович был назначен зав. производством. На его плечи легла организация технологического процесса и бесперебойный выпуск продукции. Работали почти круглосуточно. Отпускали только перекусить и немного поспасть.

Меер Симхович был неоднократно премирован, награжден медалью "За трудовую доблесть". В 1944 году его призвали в армию. В августе 1945 года — демобилизовали. Вернулся в Витебск. Дома узнал трагедию семьи. Родителей и брата Зяму расстреляли в гетто местечка Бобр. Братья Моисей и Борух с семьями погибли в Минском гетто. Младший брат, кадровый военный, старший лейтенант погиб на фронте в 1943 году».

Нина Моисеевна Гнесина работала на очковой фабрике в планово-экономическом отделе. 3 июля директор фабрики Э.-А.Х. Меерсон сообщил на совещании фабричных служб, что поступило распоряжение в ближайшие дни эвакуировать фабрику. Желающие могут уехать со своими семьями.

Вечерний разговор на эту тему в семье Гнесиных был коротким. «Ждать нечего, — сказал муж Нины Моисеевны, — бери детей и уезжай. Я с вами ехать не могу. Аптечные работники остаются в городе. Приедешь на место — сразу напиши». Так вопрос об отъезде был решен.

Нина Моисеевна с детьми пришла на вокзал задолго до назначенного времени. Там уже были другие работники фабрики. «Они сказали нам, — рассказывает дочь Н.М. Гнесиной, — что наш эшелон подадут не скоро. Мы решили не уходить. Сели на перроне на свои вещи. Были там и другие семьи, ожидавшие подачи состава. Над нами висел громкоговоритель. Сидим, слушаем передачи. Вдруг диктор говорит, что Англия и Америка будут нашими союзниками в войне против фашистской Германии. Сегодня я не могу дословно повторить сказанное диктором, но смысл помню очень хорошо. Помню, как взрослые стали говорить, что, может быть, стоит вернуться. И многие действительно ушли домой. А мы пошли на перрон. Видим, поезд уже стоит. В какую-то теплушку (так тогда называли товарные вагоны, в которых перевозили людей. — Авт.) влезли и мы».

Писатель Борис Кортин, внук витеблянина, ветерана Витебской очковой фабрики Моисея Шульмана, написал книгу «Есть горы, которые вижу во сне...» Это не только литературное произведение, это настоящий памятник тем, кто сумел под бомбежками вывести Витебскую очковую фабрику на Урал, несмотря на нехватку продовольствия и суровые уральские морозы, в тяжелейших условиях переоборудовать завод, который стал производить оптику для нужд фронта.

«Очковая фабрика по решению областного штаба эвакуации эвакуировалась 24-й по счету среди предприятий Витебска. Пункт назначения не разглашался. Ответственными за отправку эшелона стали заместитель директора фабрики Гирша Малкин и заместитель начальника предприятия по технике Макс Арш. Директор Меерсон Элья-Абрам Хаимович осуществлял общее руководство. Он и его семья отправлялись в эвакуацию вместе с рабочими.

Первоначально решили демонтировать и увозить с собой только шлифовальные машины и станки для обработки стекол. Все крупногабаритное и неподъемное, а также здания и коммуникации — взорвать, для чего сформировали команду под началом главного инженера фабрики Ивана Сергеенко. Уничтожать агрегаты и механизмы, которые он, как главный инженер, еще недавно собирал по белу свету для родной фабрики, Ивану Александровичу было не просто жаль, а жаль до слез, до сердечной боли. Потому "ликвидаторы" кружили по участкам, старались упаковать... всё.

В иных цехах, в конце технологического потока еще обрабатывались заготовки, а в начале конвейера уже стучали отбойные молотки, выковыривая из фундаментов громоздкие станины станков. Тут же механизмы пеленали в подвернувшуюся мешковину, рассыпными заготовками и инструментом наполняли ящики. Тару под сыпучие материалы и стекло сколачивали во дворе, на пятачке-курилке, окруженном кустарником.

Ответственные за формирование эшелона и эвакуацию, не переводя дыхание, метались между железнодорожными тупиками, вокзальным начальством и фабрикой.

Моисея Шульмана назначили старшим одного из вагонов. Вместе с другими назначенцами прошли по участкам: переписали всех, кто уезжает с фабрикой, уточнили их профессии, велика ли семья. Предупредили: много вещей не брать. Расчет был прост — по рюкзаку-котомочке на человека. Никто не верил, что едут надолго. Записали и тех, кто остается: стерегите, сказали, приедем, восстановим...»[23]

Вспоминает Доба Гиршевна Лядман. В 2014 году, когда мы записывали интервью с ней, коренной витеблянке исполнился 101 год: «Мой муж, электромонтер Миша Арон, принимал самое активное участие в эвакуации фабрики "Профинтерн" и находился на спецброне. Он занимался перевозкой оборудования к железнодорожному составу и его погрузкой. Однажды подъехал к нашему дому на машине и сказал мне: "Возьми мальчика. Собери кое-какие вещи и брось в кузов. На Канатной улице собираются наши, поедешь с ними".

Руководил эвакуацией фабрики директор Варкин. Он говорил Мише: "Вывози оборудование, какое только сумеешь. И мы спасем фабрику". Нас отправили в поселок Гурьевку Барышевского района Ульяновской области. Фабрику возводили на пустом месте. Муж был на стройке день и ночь. Я с ребенком — в общежитии. Мишу долго держали на броне, пока "Профинтерн" не начал работать на новом месте, а потом муж ушел на фронт.

Отец, брат с сестрой эвакуировались с фабрикой "Знамя индустриализации" в Саратовскую область. Директор любил моего брата Танхума Лядмана. Тот был хорошим специалистом, общественником, участвовал в самодеятельности. Его держали на броне. Женщины говорили: "Наши мужья воюют, мы с детьми мучаемся, а ты здесь устроился". Неприятно было слышать такие слова. Танхум пошел в военкомат и попросился на фронт. Его забрали в армию. Он погиб в одном из боев.

Где погиб Танхун, где его могила, мы до сих пор не знаем».

Рассказ об эвакуации фабрики «Профинтерн» дополняют строки Маркса Пипкина, опубликованные в журнале «Мишпоха»: «Состав из товарных вагонов... В каждом половину места за-

нимает оборудование, а вторая — отдана для семей рабочих и служащих. Так наша семья: мать — Эйдельштейн Гитель (Галина) Ароновна, два сына Леонид и Маркс и мать отца Пипкина Фрида Берковна, была эвакуирована вместе с фабрикой.

Часть нашего эшелона немцы под Смоленском разбомбили. Но большинство людей все же смогли добраться до места назначения, привезти основное оборудование фабрики, и в кратчайший срок были смонтированы в приспособленных помещениях конвейерные линии и начат пошив шинелей для фронта.

Среди работников фабрики было очень много евреев, в том числе и директор Варкин. Кое-кто из местных жителей, узнав об этом, удивлялся: "Мы думали, что евреи с рогами, а они, смотри, нормальные люди". Эвакуированным помогали с жильем. Местные сами уплотнялись и селили в своих домах приезжих.

Наша семья стала жить прямо на территории фабрики. Работали много, самоотверженно, по двенадцать и более часов в сутки. Мы, школьники, после уроков и в выходные дни помогали в изготовлении фурнитуры для шинелей. Делали крючки и петли для шинелей из обожженной проволоки».[24]

Всеволод Федорович Филатов, бывший механик дрожжевого завода, которому довелось эвакуировать предприятие, вспоминал: «...Когда угроза захвата Витебска стала очевидной, начал активно действовать только что созданный штаб эвакуации. Каждый директор старался получить больше вагонов и быстрее вывезти оборудование, чтобы установить его на новом месте в тылу. Помню, как наш сосед, директор очковой фабрики Мерсон, угрожающе размахивал кулаками, требуя: "У меня очки для летчиков. Кроме нас, их никто в Союзе не выпускает, а вы мне даете один вагон, а соседу (дрожзаводу. — Авт.) два". А я свое: мои трубки из червонной меди — стратегическое сырье, очень нужное фронту...

...Мы начали эвакуацию завода 5 июля, а через сутки были готовы в путь... Нужно было отправить в тыл рабочих и их семьи. Оставаться в городе никто не хотел... А мест в вагонах нет. Люди сами искали выход: сооружали из досок нары, выискивали места между станками...

...9 июля самолеты врага бомбили мост и вокзал. Усилился артобстрел жилых кварталов. Город был охвачен дымом. Кругом неразбериха...

Появилась мысль взорвать завод, поскольку он был заминирован, но я не имел на это права. По мобилизационному плану взорвать любое предприятие в городе могла и должна была специальная команда».[25]

В годы Великой Отечественной войны Альгерд Александрович Шляхто воевал в партизанском отряде Погорелова, который действовал на территории Витебской области. В начале июля 1941 года он эвакуировал мастерские Витебского политехникума. Для многих витеблян эвакуация предприятий стала первым реальным соприкосновением с войной.

«После очередной отгрузки станков в полдень, свесив ноги, мы втроем сидели на подоконнике и, задумавшись, смотрели вниз со второго этажа механического цеха. Светило солнце, над городом плыли белые облака. Вдруг неожиданный вой, и откуда ни возьмись, из-за тучи в пике бросился немецкий стервятник и, развернувшись, с небольшой высоты очередью прострочил по стене чуть ниже наших ног. С перепугу мы свалились в цех на пол и прижались к стене. Самолет, сбросив бомбы около старого моста и нового универмага, скрылся с виду.

Так я впервые почувствовал, как совсем рядом прошла смерть, но все же миновала.

Все заметнее стали давать знать о себе и забрасываемые вражеские лазутчики... Немецкие диверсанты и сигнальщики, переодевшись в нашу военную форму, с наступлением темноты пускали ракеты около железнодорожных мостов, складов и других объектов. И поэтому жители, и в особенности подростки, чуть ли не от каждого военного требовали предъявить документы, прислушивались к разговору, нет ли акцента, и при малейшем подозрении доставляли в военную комендатуру. Немало было тогда разоблачено сигнальщиков и диверсантов...

Мы жили на стадионном поселке. Уже стемнело. Стоим с матерью около сарайчика с дровами и с тревогой говорим о происходящем. Но вот, постепенно, стал слышен гул самолетов,

летевших на большой высоте. "Смотри, — говорит мать, — в сторону Мазурино полетела вверх сигнальная ракета". Не прошло и несколько минут, как туда со свистом полетели бомбы, а затем, после сильных взрывов, вспыхнули пожары...

...Эшелоны отправлялись с оборудованием и людьми на восток. Мы с матерью были определены в предпоследний эшелон. Но поступили недобрые вести. Немцы, высадившись на станции Рудне по железной дороге Витебск—Смоленск, лишили последней возможности для эвакуации в город Саратов...»[26]

Эвакуация проходила под постоянными бомбежками немецкой авиации. Об эвакуации фабрики имени «КИМ» вспоминает Герой Советского Союза, Почетный гражданин города Витебска Леонид Николаевич Филипенко: «Эвакуация фабрики проводилась под систематической бомбежкой фашистской авиации, которая увеличивалась с каждым днем по мере приближения фронта. При налете вражеских истребителей, ежедневно осуществляющих разведку, с ними вступали в бой истребители витебского аэродрома. Мы часто наблюдали из призывного пункта неравный воздушный бой. Наши истребители уступали в скорости и маневренности, но, несмотря на это, однажды посадили на витебский аэродром фашистский пикирующий бомбардировщик. В один из июльских дней на Витебск налетела большая группа фашистских бомбардировщиков и сожгла нефтебазу. Постоянно бомбили железнодорожную станцию. Однажды я приехал в жлобинский железнодорожный парк (так называлась железнодорожная ветвь на Жлобин в районе Марковщины), чтобы проверить, как идет погрузка. Налетели бомбардировщики и начали его бомбить. Я соскочил с коня и с солдатами укрылся под деревянной рампой (настилом, который соорудили из досок для облегчения загрузки товаров в вагоны), а коня ранило».[27]

В эти дни в городе происходили события, о которых вспоминают редко. Они не вписываются в общую историческую канву, тщательно проложенную советскими историками и писателями. Безусловно, невозможно было продумать и организовать все до мелочей. И о своих семьях, о родственниках тем, кто

организовывал эвакуацию, нужно было обязательно позаботиться. Конечно же, появились обиженные, о которых забыли, обошли стороной. Недовольство выливалось даже в стихийные бунты. Правда, их очаги тут же гасились. Вспоминает Леонид Николаевич Филипенко: «...Возвратившись на фабрику (им. "КИМ" — авт.), подъехал к ее контрольно-пропускному пункту. На проходной встретил толпу девушек (человек пятьсот). Они перегородили всю улицу и трамвайные пути, остановив все движение, кого-то терзали. Одни стремились ударить, другие — дернуть за волосы. Я, заинтересовавшись происшествием, увидел, что бьют директора фабрики (женщину) Х. и главного инженера Г. Соскочив с коня, протиснувшись среди девушек, стал защищать руководство фабрики. Молодежь была до крайности взволнована, кое-кто из девушек рвал на себе блузки и кричал: "Дайте нам оружие и ведите в бой! Не бросайте нас на растерзание немцам!" Многих я знал — мы жили в одних корпусах, которые были на 2-й Кооперативной улице, недалеко от 5-й Коммунальной. В основном, это была молодежь, которая прибыла из колоний. Конфликт произошел из-за того, что руководители фабрики сели в вагон, чтобы уехать из Витебска, не позаботившись о судьбе коллектива. Девушки вытащили их из вагона и привели на фабрику. От этой разъяренной толпы руководителей спасли охрана фабрики и я. Дали возможность занять свои кабинеты и навести порядок в создавшейся обстановке.

На фабрику прибыли руководители органов НКВД и потребовали организовать ее эвакуацию. Руководство получило дополнительные деньги из банка, и началась выплата тем, кому положено. Главный инженер уехал в заранее приготовленном вагоне в Ульяновск, а директор осталась на фабрике и продолжала руководить ее эвакуацией. Рабочие получили зарплату и пособие за две недели. На фабрику они больше не приходили, а их трудовые книжки валялись во дворе недалеко от проходной».[28]

5 июля 1941 года заведующий организационно-инструкторским отделом Октябрьского райкома партии Витебска Борис Матусович Пипкин, занимавшийся эвакуацией предприятий

города, был срочно отправлен в Москву в ЦК ВКПБ с важным партийным заданием: доставить в Центральный комитет четыре чемодана секретных документов. Что было в этих чемоданах, Борис Матусович знал, но, пока вез груз, не разглашал его тайну. С ним были отправлены наиболее ценные документы городского партийного архива.

«Подлинник командировочного удостоверения на имя Пипкина Б.М. хранится в нашей семье и сейчас, – вспоминал в начале 2000-х годов его сын Маркс Пипкин. – На обороте этого документа стоит отметка ЦК ВКПБ о сдаче документов на хранение.

Отец рассказывал:

– Добирался до Москвы очень тяжело. Несмотря на специальный литер, стоящий в документах, никто не предоставлял отдельного купе и других удобств. О них в переполненных вагонах даже нельзя было мечтать. Ехал вместе с остальными беженцами. Единственное, что у меня было для охраны партийного архива, это личное оружие – наган.

Кругом бомбежки, на узловых станциях воинские эшелоны, беженцы. Прибыл в Москву Борис Матусович только 13 июля 1941 года. Поехал с чемоданами в Центральный комитет партии. Сдал документы. Попросил отметить командировочное удостоверение и освободить чемоданы, так как это партийное имущество, за которое он расписался, и его необходимо было вернуть в Витебский горком.

– А куда собственно вы собираетесь ехать, товарищ Пипкин? – спросили у отца в Центральном комитете.

– Как куда? На работу в Витебск. Я и так очень долго отсутствую. Там меня очень ждут! – ответил отец.

– Товарищ Пипкин! Пока вы добирались до Москвы, город Витебск уже пять дней, как занят немцами, и вам нельзя туда возвращаться! Учитывая партийный опыт, мы предлагаем вам остаться на работе в ЦК ВКПБ. Подумайте до утра и завтра дайте нам ответ!

Отец был очень обязательным человеком. Он не представлял себе, как можно дать слово и не сдержать его. Живший последние десятилетия в строгости и неукоснительности ста-

линских законов, он не хотел даже допустить в мыслях своего невозвращения на работу.

— Я не могу, меня ждут товарищи! — ответил он.

— Мы все объясним вашим товарищам, — убеждали его в Центральном комитете, — идите и подумайте хорошенько!

— Нет, не могу остаться у вас, — категорично ответил отец. — Если не вернусь в Витебск на прежнюю работу, значит, дайте мне направление в военкомат, у меня все-таки офицерское звание, я буду полезен на фронте!

Он получил направление в один из ближайших военкоматов и был откомандирован Генштабом Красной Армии в одно из военных формирований для выполнения спецзадания по обороне Москвы».[29]

В эти дни очень многое зависело от инициативы, настойчивости и смелости руководителей предприятий. Официального распоряжения об эвакуации еще не было, но директор областного краеведческого музея Валентин Карлович Зейлерт понимал, что промедление — смерти подобно. Он видел — впрочем, это видели в городе все, — что готовятся к эвакуации семьи обкомовских и горкомовских работников, они знали многое об истинном положение дел, — значит, надо начинать подготовку, чтобы спасти ценнейшие коллекции музея.

«Поскольку я имел призывную повестку в армию, то решено было временно исполняющим обязанности директора музея назначить заведующую отделом соцстроительства Анну Ефимовну Соломонник. Тут же по телефону Алексейчик (заведующий облоно — авт.) созвонился по телефону с начальником второго отдела облвоенкомата с просьбой дать мне отсрочку до 7 июля в связи с эвакуацией музея...

На площади Свободы было много народа. В толпе встретил заведующего областным отделом культпросвета Соломонника. Он был в комсоставовской форме, с тремя "кубарями"[30] в петлицах. Спросил, чем он занят.

— Только что закончил вывозку кинолент с базы кинопроката за город, где их закопали. Ведь это же взрывной материал большой силы. А сейчас тороплюсь с отправкой на фронт. Про-

щайте! И он побежал по Замковой улице к мосту через Двину».[31]

Музейные ценности были отправлены в Саратов и сданы на хранение в музей имени Радищева.

В июне 1939 года, спустя более двух лет после трагической смерти замечательного живописца и первого учителя Марка Шагала – Юделя Пэна, в Витебске была открыта картинная галерея художника. В фондах хранилось 830 картин, эскизов, этюдов. Перед началом войны директором галереи была Любовь Иосифовна Эстрина. На ее долю выпала тяжелая ноша – эвакуировать картины Ю. Пэна из Витебска в июле 1941 года – буквально за несколько дней до вступления фашистов в город.

Вспоминает дочь Л.И. Эстриной Майя Моисеевна: «Картины Пэна погрузили на телегу и повезли на станцию. Эстрина добилась разрешения погрузить картины на открытую платформу. Был выделен угол платформы, на которой они и были уложены в кованых ящиках. Часть полотен была снята с подрамников, и холсты были просто скручены в рулоны. Под Невелем эшелон разбомбили, но в этот вагон бомбы не попали. Через некоторое время нас подцепили к воинскому эшелону и отправили в Саратов, где картины находились в запасниках музея им. Радищева».

Было решено эвакуировать Селютский детский дом, находившийся в нескольких километрах от Витебска. Воспитанники и вся документация в двух вагонах товарного поезда направились на восток. Через несколько дней пути, проведенных чаще на полустанках, пропуская военные эшелоны, 8 июля детский дом прибыл на станцию Рудня и попал под немецкую бомбежку. Одна бомба попала в вагон с мальчиками... По воспоминаниям бывших воспитанников, погибли около 40 из 120 детей.

Многие из детдомовцев рассеялись по близлежащим деревням. А около 30 воспитанников пошли в сторону Смоленска, но вскоре оказались на оккупированной территории. Группа ребят остановилась в какой-то деревне, разместилась в общественной бане. Нескольких мальчишек отправили для разведки в Селюты. Помещения детского дома уже были заняты немецким гарнизоном. Но завучу Антону Емельяновичу Павленко удалось договориться с немцами, и детям разрешили занять одно из зданий.

В сентябре еще около 30 ребят возвратились на старое место.

Среди воспитанников было шесть еврейских детей — три девочки и три мальчика. Их забрали в гетто. Мальчикам удалось убежать в лес и перейти линию фронта. В тылу они снова жили в детдоме и дождались Победы. Один из них, Красильщиков Самуил Романович, работал на Витебском заводе заточных станков. Он изготовил с товарищами памятную доску, установленную на месте бывшего детского дома 19 мая 1988 года.

Военный прокурор Витебского гарнизона военюрист 3-го ранга Глинка сообщает в «совершенно секретной» докладной записке военному прокурору Западного фронта диввоенюристу Румянцеву о результатах проверки правовой и оборонной деятельности в гарнизоне.

«Директиву обкома и горкома партии об эвакуации отдельных предприятий мелкие предприятия, пошивочные, ремесленные и прочие мастерские, парикмахерские, бани, торговые сети, кино, фотографии и прочие восприняли, как директиву об эвакуации города, и все стали производить расчет рабочих и закрывать свои предприятия и мастерские. В это же время отдельные предприятия, вывозя на машинах станки, оборудование на ж.-д. станцию, стали грузить вместе с оборудованием и людской состав, причем на станции создавались полная суматоха и неразбериха, каждый из отъезжающих стремился поместить только свои вещи, а не госимущество. Все это создало среди населения тревожное настроение и панику, и 4 июля весь город перестал жить нормальной спокойной жизнью.

Тревога и паника усилились еще и тем, что в городе стало известно, что ответственные работники облорганизации эвакуируют сами свои семьи с имуществом, получив на ж.-д. станции самостоятельные вагоны. Когда я об этом заявил в обкоме партии, мне сказали, что эвакуацию семей ответственных работников якобы разрешил ЦК Белоруссии, причем жены этих отвественных работников из НКВД, облисполкома, парт(ийных) органов и другие стали самостоятельно уходить с работы, не дожидаясь выдачи им расчета и несмотря на запрещение руководителей учреждений, где они работают.

3, 4, 5 июля около облвоенкомата стояли толпы женщин за разрешением и пропусками на выезд. Когда в пропусках им отказывали, то они заявляли: почему коммунисты уехали, их жены с детьми и имуществом? В общем, все это чрезвычайно отрицательно подействовало на население города, и в особенности, после того, когда закрылись торгующие организации....

Между прочим, в г. Витебске собрались все руководящие работники республиканских органов из Минска и ответственные работники из других областей, городов и районов. Обком партии не мог использовать весь этот состав коммунистов для назначения на соотвествующие работы по организации порядка в городе, для создания рабочих отрядов, вооруженных дружин...

Сейчас в Витебске не найдется ни одного учреждения, которое бы работало. Закрылись и самоликвидировались все, в том числе облсуд, нарсуды, облпрокуратура, облздрав, профсоюзы и т.д. и т.п.

Тюрьма ликвидировалась. Милиция работает слабо, а НКВД также сворачивает свою работу. Все думают, как бы эвакуироваться самому, не обращая внимания на работу своего учреждения. Почти во всех учреждениях настроение такое, что завтра придет в город неприятель, а поэтому сжигают все архивы и текущие документы. В общем, работа и нормальная жизнь в городе парализовалась полностью. А еще до 3 июля все было нормально и хорошо...»[32]

Трудно представить, как прифронтовой город может жить «спокойной нормальной жизнью», когда вражеские войска в нескольких десятках километрах и продолжают наступать. А недостаток объективной информации заменяется слухами, и они еще больше усиливают панические настроения.

Несмотря на все сложности, эвакуация была проведена в кратчайшие сроки, на восток страны вывезены оборудование фабрик и заводов, специалисты и их семьи. Это позволило на новых местах, зачастую на совершенно не подготовленных площадках, запустить в строй предприятия, которые стали выпускать продукцию, крайне необходимую для фронта.

О проведенной эвакуации сообщают в «Докладной записке»

от 4 августа 1941 года в ЦК КП(б)Б секретари обкома и горкома партии В. Комиссарова и М. Левикова: «...в основном, предприятия провели эвакуацию организованно. Одновременно с этим имели место проявления трусости и паникерства со стороны отдельных руководителей предприятий. Так, директор фабрики (...) вместо организации отгрузки оборудования, погрузив в первый эшелон незначительное количество оборудования, пыталась сама уехать с крупной суммой денег, не произведя расчета с рабочими. (Она) была задержана и передана в органы военной прокуратуры. Директора заводов (...), погрузив в первый эшелон незначительное оборудование, этим же эшелоном уехали в тыловые районы. Паникерство проявил директор (...)». (В «Докладной записке» вместо проставленных нами в скобках многоточий названы предприятия и фамилии руководителей – авт.)

Мордух Абрамович Туник до войны работал главным врачом Дриссенской районной больницы. В 1941 году он один из немногих был удостоен звания «Заслуженный врач Белоруссии».

Когда немцы подошли к Дриссе, Мордух Абрамович вместе с другими руководителями учреждений: директором школы, начальником милиции пешком ушел в Волынцы – местечко в двадцати километрах. Там им удалось сесть на поезд. Нужно было прийти в ближайший военкомат, иначе – дезертир. В условиях военного времени – это страшное слово. А работников Дриссенского военкомата уже не было на службе – удрали. Мордух Туник добрался до Витебска. И первым делом пришел в военкомат, хотя у него была бронь.

Рассказывает сын Мордуха Абрамовича – Илья Максович Туник: «В Витебске к этому времени уже не было заведующего облздравотделом. (Есть разные предположения, где он находился). Отца назначили временно исполняющим обязанности заведующего облздравотделом. Пробыл он в должности, помоему, всего три дня. Ему выдали мандат, подписанный председателем облисполкома, дали пистолет, с правом распоряжаться по законам военного времени.

Одна из первых задач, поставленных перед отцом: оказать помощь раненым в Сиротине. Это местечко в сорока кило-

метрах от Витебска. Отцу необходимо было собрать врачей и направить их туда. Мордух Абрамович был невысокого роста, худенький и не внушал страха. Явился в больницу, собрал врачей и сказал: "Надо ехать в Сиротино". Они в ответ: "Куда ехать? Там немцы". У отца выхода не было, не выполнить приказ не мог, и... достал пистолет. Врачи поехали, и все погибли в Сиротине.

В ночь на 9 июля отец находился в облисполкоме. В подвале здания проводили заседания, ставили задачи. Уставший, он уснул прямо за столом. Когда проснулся, рядом никого уже не было, и служебной машины не было на месте. Отец добрался до облаптекоуправления. Управляющим был Сидур. Отец его знал и спросил: "Что ты здесь сидишь? Вот-вот войдут в город немцы". А тот: "Не могу уйти. У меня лекарств на огромную сумму". "Я тебе приказываю", — сказал отец. "Пиши письменный приказ, — ответил Сидур, — тогда исполню". У Сидура была служебная машина, и они успели уехать в Велиж».

Мордух Абрамович Туник прошел всю войну. Был помощником начальника отдела кадров сануправления фронта, парторгом сануправления фронта, начальником отдельной роты медицинского усиления. Воевал на Центральном, Брянском, 2-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. Войну закончил в Польше, в чине майора медицинской службы.

К тем, кто эвакуировался вместе с предприятиями, прибавлялись толпы охваченных паникой беженцев. Вокзал был переполнен. 9 июля движение поездов прекратилось. Люди спешили перебраться на лодках на левый берег Западной Двины. Многие пешком двинулись через Яновичи на Псков и Великие Луки, другие — по направлению к Смоленску. Однако 10 июля развернулось Смоленское сражение, и оба эти пути были перекрыты немецкими войсками.

Первой в семье Абрама Флейша эвакуировалась старшая дочь. Она училась на 4-м курсе художественного училища, грузила его имущество и уехала вместе с ним. Потом на попутной машине уехали Абрам Флейш с женой и младшим сыном. Вто-

рой сын, Лев Флейш, не застав 9 июля никого дома, двинулся вместе с другими жителями в сторону Ярцева. Не доходя до Ярцева, они заночевали, а когда утром проснулись, увидели немцев, которые шли на восток. Убедились, что территория оккупирована, и решили вернуться обратно. В Витебск Лев Флейш пришел в начале августа.

Мама Раисы Рупиной (Яловой) работала на фабрике им. Клары Цеткин, вязала жакеты, папа – в артели «Коопремонт», сначала сапожником, потом его назначили заведующим сапожной мастерской. Незадолго до начала войны в семье произошло несчастье, умер брат Раи – Яша. Когда начались в школе каникулы, Рая перешла во второй класс, папа отвез ее и сестру в деревню Островно, чтобы мама немного отдохнула и дети набрались сил.

Вспоминает Раиса Хаимовна Рупина (Ялова): «3 июля папа приехал за нами в деревню, но хозяева отговорили его забирать нас домой. Они сказали: "Пусть Хана немного оправится после смерти Яши, а ты Хаим не волнуйся, приедешь еще до сентября и заберешь детей домой, война долго не продлится".

4 июля папу мобилизовали в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. 8 июля мама приехала за нами в деревню. Вечером запрягли лошадь, и мы на подводе приехали в Витебск. Где-то, совсем рядом, была слышна стрельба, мы с сестрой прижались к маме и тихонько плакали.

Наступило 9 июля. Этот день остался в памяти на всю жизнь.

Бабушка сказала маме, чтобы она вместе с нами пошла к дяде Лейбе и позвала его.

– Всех мужчин мобилизовали в армию, и я очень волнуюсь, потому что Роза, Даша, Рива остались с детьми одни. Надо всем собраться и решить, что делать дальше, – сказала бабушка. – Поговорю с Лейбой, и решим, а я пока пойду к соседям и подожду вас.

Мы жили в Кропоткином переулке, это возле улицы Замковой. Маму что-то не пускало, держало, как будто сердце говорило, она видит маму в последний раз. Но мы пошли – нельзя было не послушаться бабушку Лану, такой был порядок в семье.

Когда вышли на улицу Замковую, оказалось, что транспорт уже не ходит, и мама с нами пошла пешком. Мы видели разрушенные дома, раскрытые двери магазинов, из которых люди несли все, что смогли взять (кто в руках, кто на тележках). Все кругом двигалось, а мама с нами шла вперед, останавливалась, отдыхала и шла дальше.

Наконец, мы дошли почти до Смоленского рынка. Кругом все горело. На нас как будто шла стена огня. Навстречу нам двигалась бесконечная толпа людей. Идти дальше мы не могли, нас толпой понесло назад.

И вот мы опять на улице Замковой. Дошли до нашего Кропоткина переулка. Вся толпа людей шарахнулась, вернее, направилась на левую сторону дороги, а справа был наш переулок. С одной стороны была моя школа № 1, она вся пылала огнем, а с другой стороны – "дом Позина" (так мама называла) – он тоже горел. Все побежали влево, а мама оторвалась от толпы и направилась прямо в сторону огня. Сестра Маня была у мамы на руках, а меня она держала крепко за руку, я вырывалась и кричала:

– Мама, огонь. Мама, огонь.

Мама продолжала бежать. Кто-то остановил ее, и она со словами: "Мамочка, Лейба" упала и потеряла сознание. Меня и сестру отвели в сторону и сказали стоять на месте. Вокруг мамы находилось несколько человек, нам маму не было видно, но зато хорошо был виден Кропоткин переулок, он был в огне. Мы плакали, кто-то подошел к нам и успокаивал. Потом увидели маму, ее держали с двух сторон, подвели к нам. Но она как будто нас не видела и все время повторяла: "Мамочка, Лейба". Какая-то женщина взяла Маню на руки, а меня за руку. И вот мы опять в толпе людей двигаемся вперед.

Дошли до улицы Оршанской. Здесь в 4-этажном доме жила тетя Роза со своей семьей. Дом был разбит, и остатки пылали огнем. Маму успокаивали, что, возможно, все живы и тоже идут в толпе, и скоро все встретимся. Мама как будто ничего не слышала, а только плакала и повторяла одно и тоже: "Мамочка, Лейба", и еще добавляла: "Розочка".

Так мы дошли по улице Оршанской до оврага. Кто-то сказал, что надо пробираться до Смоленска. Там еще ходят поезда. Все бросились к оврагу, передвигаться стало труднее — бугры, кусты. Люди падали, поднимались и шли дальше. Овраг был заполнен людьми, все двигалось, как будто земля ожила. Мама, по-прежнему ничего не понимая, не видя нас с сестрой, двигалась вперед, ее держали с двух сторон. И вот раздался сигнал воздушной тревоги. Все стали прятаться, кто в кусты, кто за бугор, кто просто прижался к земле. Вдруг раздался мамин голос:

— Где мы? Что мы тут делаем?

Для всех воздушная тревога была ужасом, а для меня и сестры Мани — стала большой радостью. Громкий сигнал вернул маме сознание, она очнулась после забытья.

...Дорога была тяжелой: шли, падали, поднимались, немного отдыхали и опять шли дальше. Но вот опять воздушная тревога, стали все прятаться. В яме было несколько человек, я присела с самого края. Недалеко от нас сидел мужчина, около него оставалось место. Он позвал меня, и я собралась перейти к нему, но мама схватила за руку и не пустила. Сказала, если погибнем — все вместе. Просвистела пуля, взрыв, ужасная боль, много крови... У меня ранена правая ступня, около косточки. Мужчина, который звал меня спрятаться около него, погиб...

Мы продвигались по оврагу дальше, шли где-то внизу, а где-то сверху по дороге шли наши войска. После отбоя воздушной тревоги по нашему оврагу пробегали санитары и оказывали помощь. Не знаю, дошли бы мы до Смоленска живыми, если бы меня не ранило... Меня подобрали санитары и понесли к машине. В машине было много людей с перевязанными головами, руками, ногами. Были в машине и родственники, каждый стоял около своего больного. Около меня стояла мама, и сестра Маня была у нее на руках. Так мы добрались до Смоленска».

7 июля в Витебске начался большой пожар. Город горел, как большой костер. Пожар, возникший в результате бомбежки, начался на деревянных окраинах. Очаги пламени никто не тушил, и ветер нес огонь к центру.

«Жара была такая, что на людях, которые стояли рядом,

тлела одежда. Едкий дым разъедал глаза. Тяжело было дышать. Странное впечатление от увиденного усиливала дикая какофония звуков, крики людей, треск и грохот пылающих домов, лай собак, визг обожженных свиней, мычание коров, вой ураганного ветра, который срывал крыши охваченных пламенем домов и сбрасывал их на землю, обжигая огнем все живое. Особенно потерпели от пожаров деревянные здания. Говорили, что дома зажиточных горожан поджигали негодяи специально, чтобы во время пожара разжиться дармовыми ценностями...

Жертвами пожара стали не только люди, но и животные. Незадолго до войны в Витебск привезли зверинец. Разместился он на одной из площадей города, которую люди называли Сенной: в рыночные дни там всегда продавали сено. Когда начался пожар, кто-то выпустил зверей на волю. Говорили, что крупных хищников вскоре убили. Только верблюд еще долго гулял по городу, а крокодил убежал в Западную Двину. После этого случая многие долгое время боялись купаться»[33].

Вспоминает Александр Борисович Арсентьев: «До войны постоянной квартиры у родителей не было. Мы жили около Смоленского базара, в двухэтажном кирпичном доме. Потом за железной дорогой, по улице Свердлова.

Отец, Иван Иванович Иващенко, работал начальником отдела снабжения Витебского пивзавода. Подходил к этой должности по всем статьям. Был грамотным человеком и мог на спор выпить 15 бокалов пива. Командирский ремень со звездочкой чуть сходился на последней дырочке.

Мамина семья Гадаскиных была витебская. Стера Марковна работала директором магазина, который находился на сегодняшней улице Кирова. Судьба распорядилась так, что я сейчас живу в доме, который стоит на месте маминого магазина.

В июне 1941 года я с детским садиком уехал на дачу. Началась война. Через несколько дней за мной приехала мама и забрала в Витебск. Отца дома уже не было. Вскоре он появился в военной форме с кубиками в петлицах. Потом приходил несколько раз домой в гражданской одежде.

Мы жили по улице Свердлова, сделали землянку во дворе. В каждом дворе были землянки, во время бомбежек люди прятались в них.

9 июля с утра говорили, что немцы еще далеко и Красная Армии защитит Витебск. Мама была материально-ответственным работником. Все горкомовские деятели уже рванули из города, а материально-ответственные люди оставались до последнего.

Немцы пришли в город после полудня.

День был жаркий, но с порывами ветра. Пожар, как мне вспоминается, начался с района пивзавода. В нашу землянку набралось столько дыма, что высидеть там было невозможно. Мы дворами ушли в район Сосоников. В этой слободе жила одна женщина, которая с мамой вместе работала. Поднялись на Юрьеву горку. Увидели панораму горящего Витебска. Огонь был такой большой, что даже наши лица обдавало жаром.

Магазин, в котором работала мама, тоже сгорел. От денег, лежавших в сейфе, остался один только пепел.

На улице, на мотоцикле, сидел немец. К мотоциклу был привязан ящик с конфетами и печеньем. Немец ел сладости. Это был первый немец, которого я увидел.

Потом немцы появились по всему городу в ярко-зеленой форме.

Через несколько дней мы втроем пешком ушли в Лиозно, к папиной родне. Поселились у деда. Отец снова вернулся в Витебск, на тележке привез часть вещей из землянки. Он сказал, что наш дом сгорел».

Где-то в середине дня 9 июля по проспекту Бебеля со стороны Марковщины люди увидели большую группу мотоциклов. На каждом сидели по три человека в зеленой, прежде невиданной военной форме с закатанными рукавами и автоматами. Это были немцы. Они ехали по направлению к мосту через Западную Двину. Взрослые благоразумно спрятались по домам, а дети укрылись за забором и в щели смотрели на улицу. Были слышны взрывы снарядов, стрельба автоматная, но чаще из винтовок.

Рассказывает Галина Николаевна Быковская (Лапинская): «Мы с мамой не знали, что делать. Видим, соседи пошли на

Юрьеву горку, и мы за ними. Там собралось много народа. Все прятались в окопах. Стемнело, но бой продолжался. Никто не возвращался домой, люди заночевали на Юрьевой горке. Было видно, как горел город, нам казалось, что это был один большой костер. Над нами со всех сторон летели трассирующие пули. Бой утих только утром, и я с подругами решила посмотреть, что стало с нашим домом. Мама не разрешала мне идти, но я все же убежала. Улиц фактически не было, одни пожарища. Фабрику-кухню еще наши взорвали, до немцев. От нашего дома тоже остались только обгоревшие бревна. Я испугалась, плакала. Побежала обратно и рассказала все маме. Мы пришли с мамой на пепелище. Я помню, как она молча присела на корточки и сидела так молча долго-долго, как будто онемела».

В начале июля мама Ирины Левиковой пошла в военкомат. Ее внимательно выслушали и сказали: «Наше положение на фронте улучшилось, не стоит уезжать».

Ирина Левикова вспоминает об этих днях в очерке «Казалось, что такая жизнь — навсегда»: «Отца забрали в армию (было ему 47 лет), мама была домохозяйкой. Успели организованно эвакуироваться с заводами и фабриками только те, кто там работал. А мы сидели и не очень понимали, что делать.

Когда немцы вошли в Витебск, мы спрятались в подвале церкви, которая стояла напротив нашего дома; дети считали, что там нас никто в жизни не найдет. В то же утро мужики с топорами, из местных, начали грабить продуктовые магазины. Уже никто не работал. Мы видели милиционеров, бегущих вдоль стен по направлению к Смоленскому шоссе. Моя сестра, комсомолка, сказала маме: "Ты как хочешь, а я беру детей, и мы уходим, потому что немцы убьют нас".

Мама не хотела бежать из города, она говорила, что немцы — культурный народ, она видела немецкую оккупацию в 1918 году на Украине и рассказывала, что тогда немцы благосклонно относились к евреям. Мама не хотела оставлять дом, корову. И все же мы побежали вслед за милиционерами в чем стояли — в одних сарафанчиках, в домашних тапочках. Мама вернулась

только проверить, хорошо ли заперты двери. Было мне тогда шесть лет. Я помню все это очень хорошо. Документы давно были приготовлены, они лежали в единственном пальто, которое мама захватила с собой.

Шли мы долго пешком по Смоленскому шоссе вместе с частями отступающей армии. Шли только ночью. Днем прятались в придорожных лесах, потому что шоссе беспрерывно бомбили. Маме было тяжело нести меня на руках, иногда солдаты помогали, сажали на машину или брали на руки и несли. Бежали с нами бабушка, тетя с тремя детьми – девочка, моя одногодка, мальчик младше меня на два года, грудная трехмесячная девочка и их няня, русская женщина. Никто из них не выжил. Уже почти под Смоленском с нами поравнялась легковая машина "эмка" и остановилась, чтобы подвезти. Всю семью моей тети посадили в эту машину, и меня мама посадила туда же. Но я вдруг поняла, что мама не села со мной, и, испугавшись, на ходу выскочила из окошка "эмки" прямо на шоссе, поцарапалась до крови и побежала назад к маме. И мама отшлепала меня: как это, такая удача, подвезут, а я не хочу ехать!? Мы пошли дальше вместе. Машину эту, как корова языком слизала, мы больше не видели наших родных...»[34]

Семья Мовши Янкелевича Железняка жила в тихом переулке Куйбышева, на Песковатиках – северной деревянной окраине города. Дом был одноэтажный. Мовша построил его в начале тридцатых годов для себя и жены. Он знал, что в гости будут приезжать дети, внуки, а на них Бог не обидел эту семью, и поэтому решил сделать три комнаты, кухню, кладовку, большой подвал. Дом был деревянный, но фундамент – кирпичный. Отделывал его от первой покрашенной доски до дужек для навесного замка своими руками, никого не нанимал. Он был маляром высшего разряда. Все, кто приходил в этот гостеприимный дом, восхищались его работой. Рядом с домом Мовша Железняк разбил фруктовый сад. В палисаднике было много цветов, на огороде росли овощи. Жена Мовши – Рахиль Шмуйловна с любовью выращивала

цветы. Когда гости собирались уходить, она каждому на прощание вручала букет цветов.

После начала войны семья Железняка не уехала из города, хотя Мовше Янкелевичу предлагали коня и подводу, его дети — сын Яков и дочь Ревека служили в Красной Армии. Но их старшая дочь Эсфирь не могла оставить больных в инфекционной больнице, где она работала, а Мовша и Рахиль не могли уйти без дочери и внуков, да и, откровенно говоря, было жаль без присмотра бросать дом, в строительство которого было вложено столько сил.

9, а особенно 10 и 11 июля, во всех районах города бушевали пожары. От бомбежек начали гореть Песковатики. Район деревянных домов вспыхнул в считанные минуты. Люди побежали прятаться в глубокий овраг, который находился недалеко от дома Железняков. Даже в овраге чувствовалось дыхание пожара, было трудно дышать, дым застилал глаза.

Но Мовша Янкелевич никуда не ушел от своего дома. Когда начали гореть соседние дома, он стал поливать свой водой, засыпать стены песком. Из оврага вернулась Эсфирь, оставив там детей и маму, и стала помогать отцу. Мовша поставил высокую лестницу, забрался на крышу и продолжал поливать ее водой. Он отстоял от огня свой дом. Во всем районе от пожара уцелела только недавно построенная средняя школа, она называлась 22-я Сталинская (потом немцы сделали в нем свой штаб), и еще один дом.

Мовша Янкелевич приютил у себя всех соседей по улице, в течение нескольких часов оказавшихся бездомными. Кормил их своими запасами продуктов. Он любил, чтобы в подполе и кладовке было всего много. Раздавал соседям одежду. И в самые трудные дни жизни они ответили ему добром на добро.

Вспоминает внучка Мовши Янкелевича Железняка — Эмма Францевна Бабицкая (Никонова). Этот разговор состоялся в Санкт-Петербурге, где она живет: «В конце нашего переулка уцелел дом, сразу за школой, где жил дед Домнин со своей семьей. О нем еще до войны говорили, что он нелюдимый, неприветливый, всегда хмурый, ни на кого не смотрит.

В наш переулок немцы въезжали на мотоциклах, весело горланили, громко хохотали. А тот самый Домнин кинулся их обнимать, целовать. Встал на колени и стал молиться, что наконец-то пришли спасители. А мы все стояли и смотрели на эту картину.

Вдоль фасада дома того самого Домнина немцы вырыли канаву, сделали вдоль этой канавы перекладину и по нескольку человек садились на эту перекладину совершенно открыто, справляя нужду. При этом громко переговаривались и смеялись. Мы это видели своими глазами».

В дни, когда Витебск стала опутывать страшная паутина фашистской оккупации, глазами писателя-документалиста, фронтовика Ефима Гольбрайха это выглядело так: «На Советской улице, возле штаба, лежали на мостовой женщина и двое детей. Как, видно, бежали, так и настигла их смерть, младший — поближе к матери, старший — поодаль. Вокруг — никого. Не слышно и голосов.

Возле одноэтажного здания штаба уже не расхаживал часовой, и только квадратный след над входной дверью напоминал о вывеске: "Штаб 27-й Омской Краснознаменной дивизии имени итальянского пролетариата". Одно время дивизией командовал герой Гражданской войны Витовт Путна, расстрелянный в 1937 году.

"Стальною грудью врагов сметая,
Идет на битву двадцать седьмая".

На соседней Ветреной улице послышался дробный цокот копыт. От реки в город быстро поднимались брички. Возбужденные бойцы сбрасывали тюки прессованного сена. Вдоль дороги в беспорядке валялись противогазы. На перекрестке лежала в пыли кем-то в панике оброненная винтовочная обойма с патронами. "Ни одной пяди земли своей не отдадим", — мы выросли с этим, это был не просто лозунг, это было мировоззрение поколения. А тут лежит целая обойма! Ведь она нужна там, в бою! Поднял. Протянул красноармейцу: "Нате! Возьмите!" Тот посмотрел непонимающими, испуганными глазами, бросил на дно повозки. Откормленные артиллерийские кони были в

мыле, белая пена хлопьями падала в дорожную пыль. В глазах лошадей застыл ужас. Что видели они там, за рекой?

На другом берегу Двины в город, через виадук, входили немецкие танки.

Земля вздрогнула и качнулась. Почти одновременно донесся сильный грохот. Взорвали мост, зазвенели и посыпались стекла, осколки повисли на полосках бумаги и сиротливо позванивали на ветру. Над городом поднимались пожары.

В военкомате уже никого не было. Двери и окна раскрыты настежь.

В пустых кабинетах теплый ветерок тихо шелестит бумажками. На стене неровно висит картина Сварога "Ворошилов и Горький в тире ЦДКА". Ворошилов отстрелялся и довольно улыбается. У Горького лицо пасмурное. За ними, на грифельной доске мелом написано: В — 5-5-5-5-5=25, Г — 3-4... Это была очень популярная картина. Наряду с обязательным портретом Сталина она висела в государственных учреждениях, учебных заведениях, общественных местах.

У центрального фотоателье на Замковой улице разбито стекло витрины. Вынута одна-единственная фотография. Моя. Сфотографировался год назад, после окончания школы. Кто та девушка, которая в последние минуты перед уходом из города, когда все кругом рвалось и горело, разбила витрину и сняла фотографию?

Теперь уже не узнать никогда.

Разбиты витрины продовольственных магазинов. Внезапно в пустом и притихшем ничейном городе разнесся и стал быстро приближаться перестук копыт по булыжной мостовой. На центральную улицу рысью въехал крестьянский обоз. Лошадьми правили, в основном, женщины. Поразило какое-то общее у всех выражение лиц: смесь смущения и азарта, полуулыбка, полугримаса. Мародеры! Едут грабить опустевшие квартиры и магазины. Кто им судья? Не они, так другие...

Наши части "отошли на заранее подготовленные позиции". Так будет потом сказано. К этой формуле еще долго и трудно придется привыкать...

Накануне оставления города наш студенческий батальон был расформирован. Оружие приказали сдать. А самим... Никто ничего толком сказать не мог: идите на восток... Я почему-то уверен, что оружие, которое мы сдали, попало к полицаям...

По проселочной дороге уходили из горящего города жители. Вытянувшись цепочкой, скорбные и безмолвные, они быстро и напряженно шли, оглядываясь на объятый пламенем город. Вот женщина с малышом на руках, за юбку уцепилась пятилетняя девочка, рядом идет мальчик лет двенадцати. В его глазах недетская ненависть: была бы его воля — остался воевать с фашистами. Вещей с ними нет. Не до вещей. У женщины скорбное лицо, глаза запали. Она прижимает к себе ребенка, что-то говорит девочке и взглядом проверяет, не отстал ли сын. Это уже не эвакуированные. Это — беженцы.

На обочине валяются чемоданы, узлы, корзины. Поначалу каждому хочется взять самое необходимое, но пройдешь немного и становится ясно: с вещами далеко не уйти. А кто с детьми — и подавно. Ничего не дорого — лишь бы спастись. Потом вещи разберут окрестные жители. А пока они лежат такие ненужные, и никто не смотрит в их сторону.

Уходить одному ужасно не хотелось. Забежал к Шуре Гельмес. Благо, дом почти напротив. Дверь не заперта. Никого. Вещи на месте, никаких следов поспешных сборов. Постучал, покричал. Молчание. След их так и не сыскался. Значит, погибли обе, и она, и мать. Почему-то я думаю, что фотографию сняла она...

Бетти. Предмет поклонения старшеклассников всего города. Никого. Все ушли. Разбросанные вещи производят гнетущее впечатление. Забегая вперед, скажу, что Бетти и ее мама, после долгих мытарств, голодные, оборванные, с помощью местных жителей кое-как выбрались из пекла и попали в Свердловск. Там за Бетти стал ухаживать заместитель директора танкового завода. Он пришел к ее матери и спросил: "Что Бетти нужно?" — Все, что начинается на "а", — ответила еврейская мама. На идише "а" — неопределенный артикль существительных, то есть все!

Самый близкий товарищ — Левка. Родители его все время

разъезжали и, кажется, вообще жили врозь, а Левка жил с бабушкой в большой профессорской квартире. Имени-отчества ее никто не знал, она именовалась — Левкина бабушка. Левка уже год служил в армии, а я по-прежнему навещал эту мудрую старуху. Она была интересным человеком, в прежние годы живала в Германии, знала немецкий.

Левкина бабушка сидела в просторной гостиной и вязала. Перед ней лежала раскрытая немецкая книга, и она читала, не переставая вязать. Может быть, вспоминала язык? Посмотрела на меня поверх очков: "Уходишь? — Я кивнул: — А как же вы? — Идти я все равно не могу. Будь что будет. — И как мама: — Может, не всех убивают?"

Убили и ее...»[35]

Война ворвалась в каждую семью, нанеся страшные раны, которые не смогло зарубцевать даже время. Спустя более шестидесяти лет люди с трудом произносили слова, вспоминая о событиях 1941 года: «До войны мы жили на Полоцком шоссе возле рынка, — вспоминала Маня Донская. — Отца звали Мота Донской. Он работал в "Дорстрое". Маму — Роня. Младшую сестру — Хая, она с 1926 года рождения, я была на два года старше ее.

Когда началась война, Хая была в пионерском лагере под Минском.

Отца забрали в армию. Он прошел всю войну с первого и до последнего дня и вернулся живой, с наградами, благодарностями.

Мы пошли пешком в эвакуацию: мама, я и семья маминой сестры. А что оставалось делать? Говорили: придут немцы — всех убьют. Думали, что о сестре позаботится государство, вывезут их из пионерского лагеря. Мы же верили властям. Корову взяли с собой, и мамина сестра тоже ушла из Витебска с коровой. Шли проселочными дорогами, по основным дорогам отступала армия. Наконец-то мы сели в железнодорожный состав. По дороге нас сильно бомбили. Я боялась, клала голову маме на колени и дрожала.

Встречаем в железнодорожном составе одного знакомого с соседней улицы. Он ушел из города позже нас, перед самым

приходом немцев. Сказал, что наша девочка Хая из лагеря пришла в Витебск пешком. Почти 300 километров шла.

А мы уже в поезде едем. Никуда не выскочишь, не вернешься. Что делать? Плакали мы с мамой, места себе не находили. Потом узнали, что отец, когда они отступали через Витебск, заскочил домой и увидел Хаю. Он отвел ее к своему сводному брату. Тот жил по Городокскому шоссе. Сводный брат взял жену, дочь, мою сестричку Хаю и на лошади уехал из Витебска. А потом решил, что оставил в доме какое-то добро. И вернулся. У него была дочь 18 лет – погибла. Как погибла моя сестричка Хая Донская, никто никогда нам не рассказывал».

Слово «эвакуация» знакомо сегодня многим, но только очень немногие из послевоенных поколений знают, что пришлось пережить людям, бежавшим из родных мест, чтобы спастись от фашистского нашествия, в каких условиях жили беженцы и эвакуированные.

Разумеется, разными были обстоятельства, в которых оказывались люди. Мы излагаем только факты. Без этой страницы история Великой Отечественной будет неполной, останется в тени многое из того, что несет мирным людям война.

«Мы с мамой, папой и сестренкой Юлей, – рассказывает Полина Матвеевна Кагно (Зильбер), – жили на Марковщине, по Ленинскому проспекту. Мама преподавала в ФЗУ (так тогда назывались фабрично-заводские училища. – Авт.) при заводе им. Кирова. Папа после окончания политехникума работал в конструкторском бюро фабрики им. "КИМ". Перед войной он сломал ногу и долго не работал.

В первые дни войны никакой паники дома не было. Родители не сомневались, что все это ненадолго. Но вскоре стали летать немецкие самолеты. Начались бомбежки, воздушные тревоги, бомбоубежища. Становилось страшно.

Помню день, когда мы пошли на вокзал. На меня надели новую шубку, в руку дали сумочку с продуктами. Мама несла зимнее одеяло. Папе привязали к груди Юлю, сам он еще опирался на костыль.

По маминым рассказам, уходили мы 6 июля. Квартиру зам-

кнули, ключ папа положил в карман — мы собирались быстро вернуться.

На вокзале было очень много людей, они сидели на мешках, чемоданах. Стоял крик, шум. Все ждали эшелонов. Так мы просидели два дня. Спали прямо на земле. Подходили составы, давка была страшная. Крик и сейчас звенит в ушах.

Я не помню, как мы очутились в теплушке на нижних нарах. В вагоне было полно народу, сесть негде было, и некоторые стояли. Многие плакали. Ехали очень медленно. За городом поезд остановился, люди вышли из теплушек подышать свежим воздухом. Пока стояли, я нарвала букетик ромашек и воткнула его за скобу теплушки.

По дороге нас бомбили. Во время одной из бомбежек осколок попал мне в ногу, шрам от него и сейчас есть.

Под Бычихой (станция в 54 километрах от Витебска. — Авт.) налетели немецкие самолеты, поезд остановился. Все бросились из вагонов, кто ложился у насыпи, кто-то бежал к кустарнику. Мама все время говорила, чтобы мы были вместе, если убьет, так всех. А я убегала. Мне казалось, если я лягу с ними, нас обязательно убьют. После одной бомбежки все поле было усеяно телами. Стоны, крики, женщина бегала среди тел и кричала: "Лева! Лева!". Так она и осталась на поле.

Слышу гудок. Поняла: поезд тронулся. Я успела подбежать к последней теплушке. Дверь была открыта. Молодой парень спрыгнул, подхватил меня, вбросил в вагон и сам вскочил обратно. А там — полно людей, лежит мужчина с оторванной ногой, кровь, ужас.

На первой же остановке я побежала искать свой вагон. Узнала его только по букетику, который так и торчал за скобой.

Наступила ночь, и поезд остановился. Трое мужчин откатили дверь теплушки, и кто-то тихо сказал, что немцы уже впереди и поезд дальше не пойдет. Наша семья и еще одна пошли вдоль железной дороги. Когда рассвело, спрятались в лесу. Было видно поле, железная дорога. Я видела, как шли немецкие танки.

У нас не было хлеба, воды. Особенно страдала Юля. Я пила из болота, а она не могла.

Мы зашли в деревню, нам дали хлеба, попить и кусок сала. А в другой деревне нас не пустили в дом, хозяйка закричала: “Идите, идите отсюда, а то налетят немецкие самолеты и будут нас бомбить!”.

Вдруг на дороге появилась полуторка с красноармейцами. Они нас взяли. Папа потом говорил, что мы проехали с ними километров сто. Военные посадили нас в товарный поезд, и мы доехали до Мурома. Там на окнах домов не было белых полосок – значит, подумала я, здесь не бомбят.

Оттуда нас направили в Казахстан. Хозяйка дома, в котором мы остановились, жила одна, но нас пустила только в сени. Папа из досок и кирпичей соорудил тахту. На ней мы спали вчетвером. Из-за болезни легких отец был белобилетником – так называли тех, кого не брали в армию. Но вскоре его взяли в трудовую армию и отправили в Новосибирск.

Мама работала на кожзаводе, шила портупеи и седла для коней. Руки были в кровавых мозолях, а за месяц зарабатывала столько, сколько стоила буханка хлеба на базаре.

Мы голодали три года. Мама приносила домой свою пайку хлеба и суп, который ей давали, а мы с Юлей получали хлеба по 200 граммов. Юля ходила в детский садик со своим кусочком хлеба, который лежал в мешочке. Мешочек висел у нее на шее. Она была такая истощенная и слабая, что у нее этот хлеб отбирали дети постарше. Помню ее огромную голову и тоненькие ножки. Мама начала опухать, уже не могла работать.

Я спасала маму и сестричку. Ночью разбирала частокол из прутьев и топила печь. Ходила по убранным огородам и собирала кочерыжки от срезанной капусты, оставшуюся мерзлую картошку, морковь. А еще я забиралась к хозяйке. У нее стоял большой сундук, в котором хранилась мука. Я набирала небольшую мисочку и быстрее обратно, чтобы никто не увидел. Но хозяйка заметила, что я беру муку, и все спрятала. А учительница Зоя Ивановна, очень красивая и нарядная, читала мне нотацию, что воровать нельзя. Я ее слушала и думала, что мы умираем от голода…

Мама часто говорила: "Давайте истопим печку и закроем вьюшку (задвижка в печной трубе для прекращения тяги воздуха. — Авт.), и кончатся наши мученья..." Но я забирала сестричку и убегала к соседям.

Однажды, когда я собиралась идти в магазин попросить хлеба на послезавтра, увидела в дверях отца. Позже узнала, что в Новосибирске у него обострился туберкулез. Отец был хорошим конструктором, его отправили в Узбекистан на рудник Меликса строить канатно-подвесную дорогу. Он приехал за нами, привез продукты.

...Рудник находился в горах. Мы жили в ауле Брич-Мула, были там и другие эвакуированные семьи. Война шла к концу, и мама стала говорить: "Поедем на Родину". К тому же, нас трясла малярия, а у отца стало плохо с сердцем...

День Победы мы встретили в Перово под Москвой».

У каждой семьи была своя история и своя трагедия, из которых и сложились история и трагедия страны и народа.

Когда в 2004 году первое издание книги «Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто» вышло в свет, к нам пришла Гиндина (Новицкая) Светлана Исааковна. Ее отца звали Исаак Израилевич Гиндин, он работал главным инженером щетинно-щеточного комбината.

«Все люди, которых я встречала в послевоенные годы и которые знали моего отца, говорили мне, что он был исполняющим обязанности директора комбината и организовывал его эвакуацию. Я прочитала ваша книгу о Витебском гетто, там указаны все директора предприятий, которые организовывали их эвакуацию из Витебска. А кто организовал эвакуацию щетинно-щеточного комбината — нет. Я хочу внести ясность, чтобы люди помнили моего отца.

Когда началась война, мне было всего четыре года. Почему отец, организовав эвакуацию и имея возможность уехать самому и вывести всю семью, остался в Витебске? Моя мама Кузьмук (Гиндина) Елена Романовна не могла оставить свою тяжело больную мать — та не выдержала бы тяжелой дороги. Мама решила остаться в Витебске, а вместе с ней осталась и

вся семья. И отец остался с нами. Соседи ему говорили: “Исаак, не волнуйся, все будет в порядке, немцы уже здесь были в Первую мировую и никто не трогал евреев. У евреев и немцев похожий язык”. В общем, отец остался в Витебске».

Вероятно, дочь, которая тогда была маленькой и которой мама рассказывала далеко не все, знает о тех годах, о событиях в Витебске отрывочную информацию. Ее отец остался в Витебске, но самовольно он бы это сделать не мог. Руководители предприятий обязаны были ехать с предприятиями на новое место и заниматься их подготовкой к работе в новых условиях. Или были призваны в действующую армию. Ослушаться приказа не решался никто. Все были уверены, что война продлится недолго, а потом придется отвечать за свои поступки. Так что действия Исаака Израилевича Гиндина были заранее согласованы с руководством города или явились следствием чрезвычайной ситуации.

«Отец ушел в гетто, когда было объявлено, что все евреи должны находиться в гетто. Я помню, как мама нашивала ему желтую нашивку на пиджак. Он приходил домой несколько раз, мама кормила его, он целовал меня и уходил опять.

Почему не остался в доме, не спрятался? Вероятно, не хотел подвергать риску семью. А может, не хотел бросать своих родителей, родных, которые были в гетто.

Потом мама узнала, что отца расстреляли. Какого числа это было, не знаю. Она говорила, что расстреляли его в Улановичах — это несколько километров от города».

Оказался на оккупированной территории и Захар Михайлович (Залман Менделевич) Бумагин. В июне 1941 года он окончил Витебский пединститут. «Сразу же нас, выпускников, вызвали в военкомат и переписали. Сказали, что временно выезд из города нам запрещен. Мы этому не удивились, потому что думали: в любое время нас могут вызвать.

Когда через неделю из города стали выезжать разные службы, я понял, что город вот-вот будет сдан, и решил поехать к родным в Яновичи, что-то предпринять на случай их эвакуации. Не считая пожилого отца, я был старшим в доме. Кроме меня, было еще два брата. Мама умерла за два года до войны.

Мы с соседями стали думать, что делать дальше. Решили собирать повозки, лошадей и эвакуироваться. 10 июля двинулись в путь. Так началось наше путешествие, которое продолжалось целый месяц. Двигались, в основном, по ночам, а днем прятались от налетов авиации. Добрались до городка Белое. Вдруг на подходе к городу впереди стали кричать: "Немцы!". Оказывается, немцы опередили нас. Они преградили дорогу и стали кричать: "Цурюк! Нах хаузе!" ("Обратно! Домой!"). Было очень много беженцев на дороге, и все стали поворачивать обратно».

Захар Михайлович вернулся домой в Яновичи. В первый же день был схвачен немцами. Вместе с другими яновичскими евреями работал на строительстве дороги. Через несколько дней бежал. Скрывался в семье Любы Жуковой, с которой учился в школе. Но отсиживаться там не собирался. С помощью Зины Кузьминой, двоюродной сестры Любы, в августе 1941 года добрался до партизанского отряда Батьки Миная – Миная Филипповича Шмырева. Участвовал во многих боевых операциях. В конце ноября 1941 года группу партизан, в составе которой был З.М. Бумагин, отправили через линию фронта в действующую армию.

Воевал минометчиком сначала на Калининском, затем на Западном фронтах. Освобождал Закарпатье, Польшу, Чехословакию. Был дважды ранен. Демобилизовался в конце 1945 года. Вернулся в Витебск и до выхода на пенсию работал завучем, преподавал математику и астрономию в 20-й школе.

Семья Могильницких жила в Витебске по улице Городокской. Глава семьи Рувим Могильницкий умер еще до войны. Жена осталась с двумя детьми. Старшему Яше было тринадцать лет, девочке – семь.

«Когда началась эвакуация и пошли беженцы, – рассказывал Яков Рувимович Могильницкий, – мы тоже решили уйти из Витебска. Но куда? Наша соседка, у нее было трое маленьких детей, сказала: "Пошли к моей сестре в Шумилино. Денег у нас нет, золота – тоже. Немцы бедных евреев трогать не будут. Да и, кроме того, местечко – не город. Туда они могут и не прийти".

Я нашел бесхозную лошадь с телегой. Мы погрузили свои узлы и поехали в Шумилино. Только выехали, увидели немцев. Они шли на восток, а мы шли на запад, им в тыл. Когда рядом остановился немецкий солдат (мне он тогда показался пожилым), я спросил у него на идише:

— Это правда, что немцы убивают всех евреев?

Он ответил мне:

— Да, правда, — и дал кусок хлеба.

Соседка, ее дети, моя мама заплакали. Потом соседка говорит:

— Нас не тронут. Мы простые люди.

Куда нам было деваться? И мы пошли в Шумилино.

Первые недели нас не трогали. Где-то через месяц немцы отвели домов десять, выгнали оттуда русских и стали в них сгонять евреев со всего городка. Так появилось гетто...»

Однажды, когда Яша возвращался из деревни, куда ходил добывать еду, его встретил незнакомый мужчина и сказал, что немцы всех евреев расстреляли.

Яша побежал в гетто. Его остановила женщина и сказала: «Не ходи туда. Ты им не поможешь». Это было 19 ноября 1941 года...

После нескольких недель скитаний Яша Могильницкий оказался в деревне Пятницкое. Его приютила семья Сергея Трофимовича Кутенко.

Весной 1942 года у Кутенко стали бывать партизаны. Яша Могильницкий просил взять его в отряд. И в конце концов партизаны забрали его с собой в лес.

Бывший партизанский разведчик В. Заболотнов на своей книге «Наш позывной "Аист"», изданной в Москве в 1973 году, сделал дарственную надпись: «Боевому другу — отважному партизану Калининской партизанской бригады Якову Могильницкому на добрую память о наших тернистых тропах в тылу противника!».

Весной 1944 года Я.Р. Могильницкий попал в действующую армию. Выучился на минера. Дошел до Кенигсберга.

Закончил службу на Дальнем Востоке.

Большая семья Флейшеров жила на Песковатиках. 7 июля, поднимая столб пыли, на улицу Колхозную на полном ходу въехала полуторка и, заскрежетав тормозами, остановилась у соседского

дома, где жили Гофманы. Из кабины выскочил Мотя Гофман, к тому времени старший офицер, имевший четыре кубика в петлицах. «Быстрей, быстрей, залезайте все в кузов, — поторапливал он своих. — Я еду на восток. Подвезу, сколько смогу. Дальше будете уходить пешком». Флейшеры, хорошо знавшие Мотю и дружившие с Гофманами, вышли из дома и попросили соседей: «Возьмите нас тоже с собой». Мотя в ответ только кричал: «Быстрей, быстрей». К ним прибавлялись другие соседи, хотевшие уехать из города. Но, когда все оказались в кузове, груженая полуторка не смогла сдвинуться с места. Мотор, несколько раз злобно фыркнув, заглох. И тогда Мотя Гофман вышел из кабины и приказал: «Всем посторонним слезть с машины». Конечно же, свою собственную семью он не считал посторонней. Но кто вправе упрекнуть его в этом? Двенадцатилетний Боря Флейшер подошел к Гофману и попросил: «Дядя Мотя, возьмите меня с собой». И Борина мама Голда Флейшер, предчувствуя самое страшное, стала плакать и просить: «Мотя, возьми его. Пускай хоть он останется жить». Мотя поднял мальчишку на вытянутых руках и, как котенка, бросил в кузов.

В тот же день остальные Флейшеры попытались пешком уйти из Витебска. Они прошли километров пятьдесят и увидели впереди себя немецкие танки. Надо было возвращаться обратно.

У Флейшеров была большая и дружная семья. Голда Менделевна вырастила пятерых детей. Ребята были умные, красивые, сильные. Родители гордились ими и считали своим главным богатством. Трагически сложилась судьба этой семьи.

Моисей был первенцем у родителей. За два месяца до войны он был призван в армию. Воевал храбро. Был несколько раз тяжело ранен. Умер в 38 лет — сказались фронтовые ранения.

Восемнадцатилетний Иосиф Флейшер решил во что бы то ни стало пробиться на восток, к своим. Он говорил, что обязан воевать с врагом в рядах Красной Армии. Иосиф ушел из дома, но так и не сумел осуществить своего замысла. Он пропал без вести в мясорубке первых военных дней.

Шестнадцатилетняя Гутя Флейшер отказалась идти в гетто. Немцы поймали ее в городе и повесили.

Бейнусу Флейшеру было всего пятнадцать лет. С первых же дней фашистской оккупации Витебска он стал говорить друзьям, одноклассникам: «Надо уходить в лес. Создавать партизанские отряды. Сражаться с врагами». Но где взять оружие? Решили добыть или, вернее, украсть его у немцев.

Одним из самых многолюдных мест в городе был Смоленский базар. Здесь можно было купить продовольствие или выменять его на одежду, обувь, ювелирные украшения. Зачастили сюда и немцы. По базару ходило много солдат и офицеров, которые иногда покупали, а порой просто отбирали понравившиеся им вещи. Бейнус Флейшер не представлял себе, что одной смелости мало, чтобы украсть пистолет у немецкого офицера. Надо еще иметь элементарные воровские навыки, чтобы вытащить оружие из кобуры, висящей на чужом поясе. Конечно же, Бейнус не умел этого делать. Его поймали, когда он пытался вытащить пистолет у первого же оккупанта. Немецкий офицер выхватил оружие и почти в упор расстрелял мальчишку. Три дня тело Бейнуса Флейшера лежало посреди Смоленского рынка. Родителям не разрешали похоронить сына. Фашисты говорили: «Пускай все видят, что будет с теми, кто посягнет на имущество немецкой армии».

В Витебском гетто погибли мать Бейнуса, Бориса, Моисея, Иосифа, Гути — Голда Менделевна Флейшер, их бабушка и дедушка — Лея и Мотл.

Другого деда убили соседи, жившие на той же Колхозной улице. Они пытались ограбить дом Флейшеров, искали золото. Пожилой человек стал взывать их к совести. Его били, пока он не упал замертво.

Сегодня о большой довоенной семье Флейшеров может рассказать только Борис. Вместе с Гофманами он добрался до Саратова. Потом оказался в детском доме в Оренбургской области. Там его записали под новой фамилией — Михайлов.

Многодетные семьи, в том числе и еврейские, были не редкостью. Наоборот, многие с сожалением относились к тем, у кого было всего один или два ребенка. В семье Козлянских было семеро детей, Алескеры были им под стать. Сегодня хранителем семейной памяти является Майя Марковна Алескер.

Она родилась 9 мая 1941 года, и, конечно, не может помнить довоенные годы, но знает о них по рассказам мамы, старших родственников.

«В Витебске остались бабушка и дедушка Алескеры. Бабушка Хая-Сора погибла в гетто, дедушка Мендель не захотел отдавать полицаям корову, и они, не долго думая, застрелили его.

Мама, Рахиль Хаимовна, не получила от мужа, моего отца Марка Менделевича Алескера с фронта ни одного письма. Она посылала многочисленные запросы. Но ответ был один: "Пропал без вести". Вероятно, погиб в мясорубке первых месяцев войны.

Как мы сумели эвакуироваться с такой большой семьей? Мамин старший брат Козлянский Рахмиэл Хаимович был одним из тех, кто организовывал эвакуацию швейной фабрики "Знамя индустриализации". Он поспособствовал, чтобы всех нас забрали. Буквально перед самой отправкой эшелона его вызвали в обком партии. Он ушел, в это время состав отправился. Рахмиэл Хаимович погиб в Витебске.

Другой мамин брат Козлянский Гиль Хаимович до войны работал заместителем директора стройтреста.

В начале июля 1941 года он посадил жену и двух маленьких сыновей на баржу и отправил их по Западной Двине в район Суража. Баржу немцы разбомбили, и вся семья погибла.

По заданию партийного руководства, Гиль Хаимович остался на оккупированной территории для организации партизанского движения. В партизанском отряде он, судя по документам, находился уже с 6 июля 1941 года. Тогда еще немцы не оккупировали Витебск, и тем более Смоленскую область, где действовал потом отряд. Гиль Козлянский организовывал базу для партизанского отряда. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалью "Партизан Великой Отечественной войны" 2-й степени».

Еще в начале войны в здании 27-й школы был оборудован эвакогоспиталь № 547. Начальником госпиталя назначили Л.А. Вязьменского, бывшего до войны главврачом Витебского тубдиспансера, комиссаром – М. Раппопорта.

В двадцатых числах июня из Москвы в Витебск прибыла

группа военных врачей для работы на госпитальной базе Западного фронта, в составе которой был хирург Б. Петровский, будущий академик и министр здравоохранения СССР.

«...Часам к шести вечера приехали в Витебск, — вспоминал Б. Петровский. — На вокзале и Привокзальной площади было очень шумно, часто ревела сирена, по радио объявили воздушную тревогу, но ее быстро отменили. Мы с Ильей Семеновичем Липкиным стали спрашивать, как найти школу № 27. Прохожие с подозрением смотрели на Липкина, на его черноватые усики и кашне. Женщины несколько раз подводили к нему милиционеров и офицеров с требованием проверить наши документы. Наконец, мы пришли в школу...»

Утром работники госпиталя из клиник мединститута, который свернул свою работу, готовясь к эвакуации, забрали нужное оборудование, инструменты и материалы и привезли в госпиталь. Через три часа операционные блестели оборудованием.

«В три часа дня начали поступать раненые. Город горел, бомбежка продолжалась, начался артобстрел...

Раненых поступало много. Они нервничали и просили скорее их эвакуировать. Вывозили раненых без промедления. Врачи старались удобнее устроить их в теплушках санпоездов. То и дело взлетали столбы пламени от взрывов фугасов и авиабомб, неустанно работали бригады по ремонту путей...

Однажды вышел в город, на площади — толпа: поймали диверсанта в милицейской форме. Подошел начальник милиции. Вдруг сзади раздался выстрел — начальник был убит наповал. Все убежали, но двое рабочих, державших диверсанта, не растерялись, не выпустили его.

Воздушная тревога объявлялась чуть не каждые пять минут. Через две недели — приказ об эвакуации. Забрали оборудование, добытое в мединституте, погрузили раненых, имущество, медперсонал, и ночью поезд тронулся по направлению к Москве».[36]

В дни обороны Витебска действовало также несколько полевых передвижных госпиталей.

В одном из госпиталей служила Р.Е. Теппер. До войны она работала старшей медицинской сестрой в Витебском доме

младенца. После того как в 1938 году по ложному доносу арестовали ее мужа и Рива Евсеевна осталась одна с тремя маленькими детьми, она трудилась почти без выходных, брала ночные дежурства, стараясь заработать и прокормить семью.

Вспоминает Р.Е. Теппер: «В первые дни войны, получив повестку, явилась с военным билетом в военкомат. Учитывая профессию, меня отправили в один из госпиталей, который был развернут тут же, в Витебске. В нем собирали раненых, которым надо было оказать первую медицинскую помощь. Правда, были здесь и тяжелые раненые. Как-то помню, мы только за два часа приняли 236 человек. Поскольку детей девать было некуда, я свою младшую дочь Майю поместила в мой же дом младенца. Благо заведующая из уважения ко мне согласилась на это. Сыновья почти все время были со мной в госпитале, там, чем могли, помогали старшим: кормили раненых, приносили им еду, выполняли мелкие поручения. Когда немцы подошли близко к городу, госпиталь решили эвакуировать и всех раненых перевезти на открытые платформы. Несколько дней они там находились, пока железнодорожники не нашли возможным отправить эшелон. Понимая мое положение, начальник госпиталя перед эвакуацией выдал мне мою зарплату (помню, было 10 рублей) и документы, сказав, что я могу делать, что желаю. За те три дня, что я была круглосуточно в госпитале, дом ребенка эвакуировали в Калининскую область. Так я потеряла связь с дочерью. В горздраве мне сказали, что по радио передали: на эшелон, в котором были дети из нашего дома младенца, напали фашистские стервятники и разбомбили его. Даже трудно себе представить, что я чувствовала все время, пока не узнала, что среди чудом выживших в той бомбежке оказалась и моя дочь.

Витебск вовсю бомбили. Горели многие дома, аэропорт, пламя которого было видно со всех окраин. Дома я схватила своих мальчишек и вместе с отцом пошла за город, чтобы там, где-нибудь, спрятаться от бомб. Числа 10—11 июля среди прятавшихся в окопах прошел слух, что немцы скоро подойдут к Витебску, и все стали срочно покидать это место. Отец предложил пойти в наши родные места, Усвятчину. Поэтому мы пешком направились в сторону Суража»[37].

Люди военного поколения хорошо помнят лаконичные сообщения Совинформбюро[38] о положении на фронтах и партизанском движении. Их ждали и верили им безоговорочно, даже когда в потоке новостей звучала горькая правда.

Однако населению, находившемуся непосредственно на пути движения вражеских войск, подобные сообщения не давали сколько-нибудь реального представления о смертельной опасности, нависшей над их жизнями, и тем самым еще больше дезинформировали, не оставляя времени для спасения.

27 июня в сообщении Совинформбюро впервые появилось упоминание о Минском направлении. В частности, говорилось о том, что «отбито наступление крупных танковых частей противника». А ведь уже утром 28 июня Минск был занят немцами.

Витебск на протяжении первых трех недель войны в сообщениях Совинформбюро не упоминался ни разу, впервые он был назван 12 июля 1941 года: «В течение 12 июля проходили упорные бои между нашими войсками и войсками противника на Витебском направлении, в результате боев каких-либо существенных изменений не произошло». Совсем никаких? И взятие немцами Витебска 11 июля тоже не явилось «существенным изменением» на этом направлении?

В июне 1941 года, незадолго до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, была образована ударная группа немецких армий «Центр», которая была нацелена на Москву. В ходе продвижения этой группировки в глубь советской территории Витебск оказался в зоне ее активных боевых действий.

В первых числах июля в районе Витебска сложилась тяжелая обстановка. Авангардные части из группы армий «Центр» стремительно продвигались к городу.

Вот хроника боев.

8 июля

Взвод 37-й стрелковой дивизии во главе с майором Рожковым (20-я армия генерала П.А. Курочкина), рота Осоавиахима и бойцы народного ополчения заняли оборону Старого моста (ныне мост им. Кирова).

Утром в Витебск прибыл командующий 19-й армией генерал И.С. Конев. После встречи с защитниками моста он оставил им

группу своих пехотинцев, несколько танков «КВ» («Клим Ворошилов» — авт.) и отправился на артиллерийскую батарею, расположившуюся недалеко от моста.

Первая рота Осоавиахима, занимавшая оборону на левом (восточном) берегу Западной Двины от Старого моста до летнего гарнизонного военного лагеря им. Воровского (ныне район парка Мазурино), отбила обе попытки неприятеля переправиться на левый берег реки.

Весь день вражеские авиация и артиллерия наносили удары по городу. Остановилось трамвайное движение, опустевшие вагоны так и оставались стоять в разных местах города.

Опасаясь переправы и выхода вражеских войск на Смоленское шоссе, по приказу командования был взорван Старый мост и подорваны береговые пролеты Нового моста (ныне мост им. Героя Советского Союза Ф.Т. Блохина). Для осуществления взрывов в группу подрывников был прислан крупный инженер, специалист по строительству мостов Борис Бенцианович Магергут.

9 июля

С рассвета вражеская авиация возобновила атаки на город. В бою погиб командир батареи. Генерал И.С. Конев принял на себя управление огнем.

Подразделения 20-й танковой дивизии 3-й танковой группы генерала Г. Гота прорвались в город и овладели его западной окраиной в районе железнодорожного моста.

Армейские части и прибывшие утром курсанты Лепельского военного училища удерживали территории, прилегавшие к Городокскому шоссе (ныне улица Ленинградская — авт.).

В 17.00 начальник штаба 23-го механизированного корпуса 19-й армии сообщил командиру 220-й мотострелковой дивизии, что Витебск пал...

Около полудня из Витебска ушел последний эшелон.

10 июля

К полудню полыхал весь город. Несмотря на яркое солнце, высокое пламя над горевшим городом было видно издалека. Никто не тушил пожары.

В течение дня подразделение 220-й мотострелковой дивизии

19-й армии вместе с ополченцами дважды выбивали гитлеровцев из восточной части города.

В 3.00 ночи стрелковый полк 220-й дивизии переправился в центре города на западный берег реки и внезапным ударом разгромил штаб германского соединения, уничтожив шесть офицеров и одного генерала.

К исходу дня 20-я и 12-я танковые дивизии 3-й танковой группы Г. Гота заняли восточную часть Витебска.

В трехтомном военном дневнике бывший начальник Генерального штаба сухопутных войск немецко-фашистской армии генерал-полковник Ф. Гальдер писал:

«11 июля 1941 года, 20-й день войны

...б) командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточенно и фанатично;

в) танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали...»[39]

Все эти дни в городе полыхали пожары. Поток людей, несущих на себе домашний скарб, направился на Смоленск. Туда же двигались отступающие воинские части.

Беженцев со Смоленского шоссе стали сгонять потому, что они затрудняли отступление воинских частей, а толпа с разноцветными узлами на плечах могла привлечь внимание немецких самолетов.

На месте недавнего города торчали обгорелые кирпичные стены, печи, трубопроводы. Повсюду были разбросаны железные кровати. Среди этого пожарища кое-где виднелись редкие оазисы несгоревших зданий: каланча и дома вокруг нее, здания горсовета и горкома партии, собор.

Городские улицы стали непроходимыми: обвалившиеся стены зданий, телефонные столбы, спутанная проволока — все это мешало передвижению даже пеших людей.

Вернувшиеся жители размещались по подвалам, строили себе шалаши, жили и готовили пищу на открытом воздухе и зачастую сами добровольно «уплотнялись» до последнего предела.

Полина Моисеевна Фрумсон тогда жила на Песковатиках. Начались пожары. Кругом стоял плач, крики. Летали немецкие

самолеты и разбрасывали листовки. В них говорилось, что немцы несут «новый порядок», что они культурные люди и их бояться не надо. Они принесут свободу всем, «кроме жидов и коммунистов», и таким образом спасут Россию.

Еврейские женщины, жившие на Песковатиках, прихватив с собой детей, побежали прятаться на кладбище. Там же оказалась Полина Фрумсон с братом и мамой. Народу на еврейском кладбище собралось много. Люди пытались спрятаться за могильными плитами, надгробными памятниками.

Сейчас трудно объяснить, почему люди пошли прятаться на кладбище. Может, сработал психологический фактор или возникла неосознанная надежда, что покойники заступятся за живых. В хасидских легендах и преданиях часто упоминается о чудодейственной силе могил цадиков (праведников), могил умерших родителей. А может, просто, когда нам очень плохо, мы вспоминаем, кто мы, и пытаемся найти в этом какое-то спасение.

На кладбище люди пробыли целую ночь. К утру вернулись на пепелища, оставшиеся от домов, и увидели немцев, которые шли со стороны Барвина перевоза.

11 июля 1941 года после тяжелых оборонительных боев армейские части и батальоны народного ополчения, теснимые превосходящими силами противника, оставили Витебск.

Стихийное бегство населения продолжалось даже тогда, когда немцы уже были в Витебске.

Семен Борисович Левин, студент медицинского института, ушел из города 11 июля: «Жена моя, Раиса Абрамовна Богдановская, работала преподавателем медицинского института. Они уехали из Витебска раньше. А мы, студенты, оставались до последнего. Все ждали распоряжений — что делать дальше? А никаких распоряжений не было. Про нас забыли. Мы зашли в райком партии, к секретарю. Думали, нас привлекут в партизанский отряд. Но секретарь даже говорить с нами не стал, только махнул рукой. Бомбили район вокзала, Марковщины. И мы, студенты (нас было десять человек), решили уходить пешком на Велиж.

По дороге мы заходили во все военкоматы, просились в армию. А нам отвечали: “Идите дальше”. Мы успели проскочить к своим. Были молодые, здоровые. Шли быстро. Резали дорогу через леса, поля, речушки. А кто был с семьями, тот не успел уйти от немцев».

Вот кровавая хроника тех дней.

С первого дня оккупации город оказался в руках военных властей. Реально их представляли фельдкомендатура и ортскомендатура. Именно армейские части в первые три недели оккупации, еще до прибытия айнзацкоманды-9, нанесли первый удар по еврейскому населению Витебска.

На видных местах в городе были расклеены злобные предупреждения: «За малейшее преступление против немецких властей сжигается ближайший населенный пункт и расстреливается 20 мужчин-заложников».

«Хоть и выглядел я еще мальчишкой, — писал в своих воспоминаниях Иван Мандрик, — а все же страшно было заходить в город, только что захваченный врагами. По улицам его взад-вперед сновали немецкие патрули, грохотала военная техника, время от времени слышались автоматные очереди. Кое-где полыхали пожары, но их никто не тушил — местному населению не до того было, а оккупантов одолевала другая забота… Справа от покореженного здания городской ратуши, у сожженного дома с белыми полуколоннами, лежали убитые женщины, дети и старики. Скорее всего, это были евреи. Смерть настигла кого на ступеньках, кого на тротуаре. На это жутко было смотреть… С одной и другой стороны пустыми глазницами окон смотрели сгоревшие здания. Везде царил дух страха, скорби и злобы…»

Публично казнена молодая еврейская девушка Доба Гоз. По свидетельству очевидцев, немцы повесили ее около бывшего здания обкома партии, недалеко от моста через Витьбу. Рассказывали, что она заложила тол у входа в дом, и когда фашисты попытались войти, раздался взрыв. Этот факт позднее упоминался в сообщении айнзацкоманды-9[40], переданном в Берлин

29 августа 1941 года: «Еврейка коварно попросила немецкого солдата открыть дверь. Когда он это сделал, рука солдата была оторвана взрывом. Еврейка была арестована и судима айнзацкомандой, а потом публично повешена».[41]

На Больничной улице (ныне улица им. А. Горовца) была психиатрическая клиника. Большинство врачей и обслуживающего персонала с момента оккупации города покинули ее, а больные, оставшись без должного присмотра, свободно ходили по улице. Это было дикое зрелище. Больные ели траву, вдруг начинали истерично смеяться, а один топором бил по стене дома, вероятно, пытаясь его разрушить. Немцы расстреливали несчастных больных. Так продолжалось несколько месяцев.

Но и в этой клинике нашлись мужественные врачи, которые исполнили свой врачебный долг. Об одном из врачей вспоминает Ефим Гольбрайх.

«Мать моей одноклассницы Ады Бруксон была врачом в психиатрической больнице в Витебске. Больницу не эвакуировали. Уже будучи очень немолодым человеком и понимая, чем это грозит, она осталась со своими больными. Персонал знал, что она еврейка. Но никто не выдал. Два месяца продолжался этот подвиг, эта ежедневная игра со смертью. Наконец, ее предупредили, что немцам кто-то донес. Она ушла. Долго и мучительно пробиралась к своим. На счастье, попала к партизанам. Наград не имеет. Ее награда — долг врача»[42].

Одним из больных, находившихся на лечении в психиатрической клинике, был Борис Попков. До войны жил в Ленинграде, был каким-то партийным руководителем. Когда начались повальные сталинские репрессии 37-го года, людей арестовывали и подписывали им расстрельные статьи, чтобы выполнить доведенный план, Борис Попков сошел с ума от страха. Понимал, что вот-вот должны прийти за ним. Заперся в темной комнате, кричал, что не виноват... Его не арестовали. Что возьмешь с больного человека?.. Вызвали из Витебска родственников, чтобы они забрали его. Бориса определили в психиатрическую клинику — ту самую, что находилась на Больничной улице. Когда началась война, родственники успели эвакуироваться из Витебска. Бориса с собой не взяли. Наверное, думали, что больных

не тронут, да и, кроме того, как с невменяемым человеком отправляться в дальнюю дорогу, в неизвестность... Это все, что мы знаем о последних днях Бориса Попкова.

В городе появилось немало недовольных советской властью. Выпустили всех заключенных из тюрьмы. С первого же дня они стали грабить квартиры. Тем, кто оказывал сопротивление, грозила смерть.

«В первую неделю оккупации города, — свидетельствовала Виктория Даниловна Орлова 27 сентября 1944 года следователю УМГБ (Управление Министерства Государственной Безопасности — авт.), — фашисты организовывали облавы на евреев в левобережной части города, в районе Песковатика. На протяжении трех дней они производили расстрелы на Старо-Улановичском кладбище».

С.Я. Сарак, пережившая ужасы гетто, рассказывала: «Еще до гетто многих евреев убивали прямо на улицах. Идешь по улице и смотришь — вот здесь убили и здесь убили. Соседа, Кисельгофа, убили...»

В охоте за жертвами гитлеровцы прочесывали улицы, даже отдаленные и глухие, обыскивали каждый дом, каждую надворную постройку. На улице 4-ой Свердлова немцы забрали из восьми соседних домов сорок восемь евреев, погрузили в машины, вывезли за город в овраг и расстреляли; с улицы 3-ей Свердлова — около двадцати пяти человек; с улицы 1-ой Войкова были расстреляны на месте три женщины, отвезено за город и расстреляно около двадцати человек; с улицы 3-ей Войкова было взято и расстреляно также за городом около пятнадцати человек.

Зверству фашистов не было предела: «В Витебске немецкие варвары, — читаем в записках партизанки Клавдии И., — расстреляли семью служащего В. Абрамского. В этой семье, помимо отца и матери, было двое детей. Ворвавшись ночью в дом, гитлеровцы застрелили мужа и жену Абрамских, а мальчикам Моисею 8-ми лет и Арону 7-ми лет отрубили руки. Заперли их в квартире и ушли. Дети умерли».

В эти же дни гитлеровцы согнали из ближайших к Смоленскому рынку улиц женщин и детей и заперли в двухэтажном здании бывшей 28-й школы (оно и сегодня стоит у памятника героям витебского подполья). Некоторые успели захватить с собой кое-какие вещи. Когда их стали выгонять на улицу, полицай попытался отнять у одной старухи подушку, а она вцепилась в нее и ни за что не хотела отдавать. Наблюдавший за этой сценой офицер вытащил пистолет и застрелил старуху. Потом всех вывели во двор дома и расстреляли.

По военно-административному делению Белоруссии, введенному оккупационными властями, Витебская область была включена в состав зоны армейского тыла группы армий «Центр». В насаждении оккупационного режима военная администрация опиралась на местных коллаборационистов и созданную ею профашистскую периодическую печать.

Еще 11 апреля 1941 года рейхсфюрер СС Г. Гиммлер издал указ, по которому все дивизии безопасности становились одновременно и органами административного управления на оккупированных территориях и должны были строго придерживаться распоряжений Верховного командующего тылом войск группы армий «Центр» пехотного генерала Макса фон Шенкендорффа. По существу, он получил право претворять в жизнь политику «окончательного решения еврейского вопроса» в оккупированных районах Восточной Белоруссии. В распоряжениях, изданных М. Шенкендорффом 7 и 13 июля 1941 года, излагались основные детали немецкой модели первого этапа — геттоизации — на пути к тотальному уничтожению евреев Восточной Белоруссии. Той самой модели, которая была тщательно разработана нацистами и апробирована, «обкатана» ими на евреях оккупированной Польши: создание юденратов (еврейских советов), проведение всеобщей регистрации евреев, обозначение их опознавательными знаками из желтой ткани в форме шестиконечной звезды или круга, переселение в специальный жилой район, введение принудительного бесплатного труда и многое другое. Распоряжения М. Шенкендорффа были обязательны

к исполнению. Может быть, потому специального приказа о создании гетто в Витебске, как и в некоторых других городах, не было.

В еврейский совет (юденрат) немецкая администрация назначала лиц наиболее авторитетных, самых уважаемых среди еврейского населения. И обязательно коренных горожан, а не беженцев. Для оккупантов они, кроме всего прочего, были заложниками. И председатель, и члены юденрата, конечно же, были назначены с подачи Л. Брандта, отлично знавшего витебскую интеллигенцию. Об одиозной личности Л. Брандта мы еще расскажем читателям.

В юденрат Витебского гетто входили Д.С. Блен (директор Дома художественного воспитания детей), Каган (учительница немецкого языка средней школы № 7), Лейтман (бухгалтер артели, химик), Бейзерман (учительница средней школы № 7), Е.Ш. Цодикман, И.О. Глезерман, Д.Х. Гинзбург.[43]

«Староста, его заместитель и все прочие, принадлежащие к еврейскому совету, лично отвечают за все случившееся внутри еврейского поселения в том случае, когда их действия направлены против немецких властей, немецкой полиции и их распоряжений...»

Никаких прав, а уж тем более возможностей, у юденрата не было. Говорить о каком-либо еврейском самоуправлении не столько смешно, сколько кощунственно. Отказ от участия в юденрате означал подписание себе смертного приговора. Конечно же, хотелось жить.

17 июля по приказу военного командования на стенах домов было расклеено объявление, в котором говорилось о том, что все евреи, а также евреи наполовину и на одну четверть, то есть такие, которые происходили от смешанных браков во втором или даже третьем поколении, все «сожительствующие» с евреями или еврейками должны зарегистрироваться до 18 часов 20 июля. Кто не зарегистрируется — будет расстрелян.[44]

Люди, приученные подчиняться приказам, внесли свои фамилии в регистрационные списки. Безусловно, они ни сном, ни духом не ведали, чем это им грозит. И даже те, у кого только

бабушка или дедушка, которых внуки не застали в живых, были евреями, приходили регистрироваться и называли свои русские, белорусские, польские фамилии. Перепись еврейского населения проводили члены юдената.

Каждый еврей должен был пришить к своей одежде на груди с правой стороны и сзади на спине круг из желтой ткани диаметром 10 сантиметров.

Чтобы избежать репрессий по отношению к евреям, юденрат принялся за работу очень добросовестно. Вскоре списки из 16 тысяч фамилий были тщательно составлены и переданы в комендатуру.

О том, как проходила регистрация, рассказывает Г.В. Шантырь: «...это был двор недостроенного дома, стояла толпа, я увидел там знакомых. Мы не боялись тогда немцев. Ощущение было, что это ненадолго. Немного перетерпеть, и скоро нас освободят. Никакой охраны при регистрации не было. Вопросы задавали самые простые, даже адрес не спрашивали. Приходить надо было с советским паспортом, по нему записывали национальность. Регистрация шла много дней...»[45]

В июле 1941 года оккупанты доносили в Берлин: «Во всех городах Белоруссии назначены уполномоченные представители еврейского совета, которым было поручено создание еврейского совета (от 3 до 10 человек). Этот еврейский совет полностью несет ответственность за поведение еврейского населения и выполнение им всех распоряжений немецких властей. Кроме того, он немедленно должен провести регистрацию всех евреев, проживающих в данном местечке, городе. Наряду с этим, он подбирает группы евреев в возрасте от 15 до 35 лет для работы по заданию вермахта...»

Уже с первых дней оккупации в городе стал ощущаться голод. Купить продовольствие было негде, и каждый добывал еду, где мог. Как вспоминает И.И. Левина (Вейлер), многие ходили за едой на железнодорожную станцию. С фронта шли составы с ранеными немцами. Горожане выпрашивали у них остатки еды, и те бросали ее на перрон.

Однажды на улицу, где жили Вейлеры, приехали на машине немцы. Они предложили подросткам поехать копать картошку. Желающих было очень много. Голод гнал людей к кузовам машин. 12-летний Вейлер тоже пытался залезть в машину, но те, кто был постарше, отталкивали его, и, когда машина тронулась с места, он остался стоять на земле.

Никто из тех, кто поехал копать картошку, обратно не вернулся. «Сельскохозяйственный рейс» был всего лишь поводом для очередного уничтожения людей. Фашисты вывезли подростков за город и расстреляли.

18 июля фашисты пригнали евреев, которых поймали в городе во время очередной облавы, на берег Западной Двины. Среди них совершенно случайно оказался и Василий Иванович Бутримович. Он был брюнетом и, может, потому показался фашистам похожим на еврея. Сразу же после войны В.И. Бутримович свидетельствовал, как человек 40 евреев-мужчин загнали в воду, избивали и, в конце концов, утопили. Он спасся только благодаря тому, что в городе его многие знали. И стоявшие на берегу местные жители в один голос кричали немцам, что Бутримович — не еврей.

«...Евреи до сих пор ведут себя сдержанно, — сообщала служба безопасности и СД от 19 июля 1941 года. — Жестокие меры против евреев, в особенности экзекуции, значительно способствовали росту антинемецких настроений среди населения, росту вражды и клеветы.., они становились все более опасными».

И здесь же: «...направить белорусов на еврейские погромы не представляется возможным».

Информация о попытке расправиться с евреями руками местного населения содержится так же в сообщениях от 22 и 26 июля 1941 года.

В привокзальной части города, где до войны проживала значительная часть еврейского населения, была установлена так называемая «черта оседлости»[46], между полосой железной дороги и правым берегом Западной Двины, на совершенно разрушенной военными действиями территории. Было приказано всем евре-

ям переселиться сюда в течение двух или трех дней. Вначале таких мест было несколько: овощехранилище — между улицами Революционной (бывшая Малая Ильинская) и А. Мовзона (бывшая Яновская Набережная), дрожжевой завод — на углу улиц А. Ильинского (бывшая Нижне-Набережная) и Жореса (бывший Леорков переулок), клуб летчиков — улица Революционная (бывшая Большая Ильинская), табачная фабрика — улица Покровская (с 1927 по 1992 год — улица Дзержинского), дом № 30 по ул. Комсомольской и другие. Тех, кто не являлся к местам сбора добровольно, гитлеровцы выгоняли из их домов и квартир силой.

П.М. Фрумсон была одной из тех, кто оказался в овощехранилище. При встрече с нами она говорила: «Я давно хотела рассказать об этом. Пятьдесят лет носила в себе. В первые дни войны двух моих братьев, Залмана и Бориса, забрали в армию. Моисея по болезни не взяли. Отец умер еще в 1921 году. Мать не хотела эвакуироваться. Было жалко дома, нажитого добра. Я как раз в 1941 году закончила 7 классов.

После того, как немцы издали приказ всем евреям переправиться на правый берег Западной Двины, мы с мамой тоже направились туда. По дороге нас догнал Моисей (Мотл), и мы пошли вместе. Люди собрались у того места, где стоит здание станкоинструментального техникума. Столпотворение было дикое. К нам подошел немец, рыжий верзила, приставил к животу брата кинжал и на едва понятным ломаном русском языке сказал: “Чего стоишь? Сбивай бревна и плыви”. Когда он отошел, Моисей сказал маме: “Пошли, нам тут делать нечего”. И ушел. А мы растерялись и остались в толпе. Больше мы Моисея не видели. Уже после войны я узнала, что он ушел к своей теще в деревню Огородники, которая находится недалеко от Витебска. Там в это время была его жена с сыном. Позже ему помогли уйти к партизанам.

Мы остались на берегу. Немцы и те из местных, кто им помогал, ходили среди толпы, выбирали молодых красивых девушек и уводили куда-то. Пошел слух, что девушек уводят, чтобы изнасиловать. С немцами ходили русские девушки. Эти подойдут, покажут немцам, какая вещь у еврейки им понравилась, и немцы тут же отбирали эту вещь. У меня забрали теплую

леопардовую куртку. Мы взяли из дому самые лучшие вещи. Думали, пригодятся. Да и жалко было оставлять, понимали, что разграбят наши дома.

Ко мне подошел парень и спросил:

— Жить хочешь? Тогда пошли.

Мне было четырнадцать лет. Мама сказала:

— Иди, останешься хоть ты жива.

Он вел меня, чтобы изнасиловать. Я плакала и кричала. Мой крик услышала наша учительница географии Г. Золотова. Она жила в доме на берегу.

— Ты чего плачешь? — спросила она. — Иди сюда.

Парень, который меня вел, еще, наверное, не до конца потерял совесть, и, когда увидел постороннего человека, убежал. Мама вслед за мной тоже ушла с берега реки. Мы зашли в дом к учительнице, она предложила у нее переночевать. Утром ее дети сказали: “Мы не сможем вас оставить у себя. Из-за вас убьют и нас тоже”.

Мы пошли к Леле, жене моего брата Бориса. Оба наши дома по улице Куйбышева, где мы жили, сгорели. Леля (Элеонора Гузиковская) с двумя маленькими детьми, Мишей и Толей, жила в другом доме, у Смоленского рынка. Она была полькой, после замужества взяла фамилию Фрумсон. Леля боялась за детей, боялась, что узнают про ее мужа-еврея, который воюет в армии. Она сказала: “Спрячьтесь где-нибудь, а завтра я сама перевезу вас на тот берег”. Рано утром Леля отправилась к реке, наняла лодочника. Когда мы подошли, он посмотрел на маму и сказал: “Эту не повезу. Жидовка”. С большим трудом мы переправились на тот берег.

Всех собрали в овощехранилище. Туалетов не было. Жара стояла страшная. От духоты и запахов люди теряли сознание. Бункеров для хранения овощей было три. Крыша на уровне земли, и ступеньки вниз. Мать водили на работы: ее запрягали в оглобли, и она тягала бревна. На работы водили не всех, а выборочно. Немцы и полицаи издевались, как могли, просто так, ради развлечения. И еще, чтобы показать, кто в городе хозяин, кого надо слушать, чьи приказы выполнять.

Полицаи нашептывали немцам, что еврейские девочки очень красивые, и они сами не прочь бы заняться ими, но, в первую очередь, — все для господ офицеров. Немцы смеялись, принимали после трудного дня шнапс и, прихватив с собой полицая, шли к овощным складам: "Пошли, и тебе хватит". И тот бежал показывать местных красавиц.

Это были самые страшные минуты и для девушек, и для их матерей. Тех, кого забирали для развлечения, обратно не возвращались. Чтобы не приглянуться фашистам и полицаям, девушки расцарапывали лица речным песком. В царапины попадала грязь, и вся кожа воспалялась.... Но были и такие немцы, которые приходили по ночам, приносили нам хлеб и говорили: "Мы не виноваты. Мы солдаты".

Однажды к нам пришла моя сестра Надя (Эстер). Она жила с мужем и двумя детьми в городе Августове под Белостоком. Ее муж был кадровым офицером и погиб в первые дни войны. Когда Надя добралась до Витебска, в городе уже были немцы. Она стала нас разыскивать. Наши бывшие соседи сказали, что мы в овощехранилище. Там она и нашла нас. Надя приказала выбросить одежду с желтыми латами и все наши документы. Мы решили уйти из города, туда, где нас никто не знает. Пошли на запад, в сторону Бегомля. Почему на запад, а не на восток? Почему не попытались перейти линию фронта и прорваться к своим? Во-первых, мы не знали, где линия фронта проходит, а немцы уверяли всех, что их войска уже подошли к Москве. К тому же, люди говорили, что тех, кто идет на восток, немцы очень тщательно проверяют. Во-вторых, под Бегомлем, в деревне Горожанке Мстижского сельсовета, жили Тарасевичи, родители Надиного мужа. Они оказались очень хорошими людьми, и мы у них остановились.

Когда в Мстиже появились полицаи, они стали разъезжать по деревням. Пришли и к нам, но Надина свекровь успела спрятать маму в бане. Мама выглядела, как типичная еврейка. Она боялась, что из-за нее нас всех расстреляют, и решила уйти в Витебск. Я ее проводила до Бегомля. До сих пор не могу себе простить, что мы ее отпустили.

В Витебске мама пришла жить к Леле. Ее прятали под кроватью. Но однажды, во время обыска, немцы нашли маму. Вывели во двор, тут же расстреляли, а тело бросили за уборную.

Надя крестила своих детей и сказала мне, что если я хочу выжить – надо креститься. Меня повели в церковь и крестили. А соседям объяснили, что я была католичкой, а теперь решила перейти в православие. Я стала Полиной Михайловной. Меня записали русской по фамилии Жданова.

У нас в доме бывали партизаны. Надя со свекровью пекли им хлеб. Я работала по хозяйству, пасла коров, делала все, что нужно было. Однажды к нам пришел полицай Саульский и начальник местной полиции Николай Омелькин (говорили, что он работал на партизан). Полицай говорит: "Где тут жиды?". Начальник ему отвечает: "Какие тебе жиды?". Саульский посмотрел на него, трижды выстрелил в пол, выругался матом и ушел».

После этого Полина уже боялась оставаться в деревне и попросила сестру, чтобы она переправила ее к партизанам. Это было летом 1942 года. Так 16-летняя Полина Жданова (Фрумсон) оказалась в отряде имени Чапаева бригады Дяди Коли. Она приняла партизанскую присягу и была зачислена в отряд. Полина ходила в аптеку в Мстиж за лекарствами для партизан, стирала, готовила, участвовала в охране лагеря. В ноябре 1942 года командование бригады отправило группу женщин и детей за линию фронта. «Шли пешком, очень долго, – вспоминает Полина Моисеевна, – главным образом, ночами. В начале января 1943 года добрались до линии фронта. Нас встретили наши солдаты, посадили на машины и отправили в Москву, в штаб партизанского движения. Оттуда я попала в Уфу, там окончила ремесленное училище. Весной 1945 года я переехала к сестре Наде в Витебск». Здесь Полина Моисеевна окончила школу медсестер, работала в роддоме, вышла замуж, воспитала дочь и внука.

Брат Полины Моисеевны Залман погиб на фронте в 1941 году, брат Борис после демобилизации вернулся в Витебск, брат Мотл после лечения в госпитале остался в Омске. Все они отмечены боевыми наградами.

20 июля немцы приказали всем мужчинам-евреям от 15 до 50 лет собраться в саду, который до войны носил имя Ленина. Здесь их стали избивать, потом выбрали из каждого ряда по тридцать человек и расстреляли за то, что не все исполнили приказ прийти с нашитыми на одежде желтыми знаками.[47]

Гитлеровцы гоняли евреев на работу. «В настоящее время, — сообщалось в донесении в Берлин от 26 июля 1941 года, — их используют на очистке завалов. Для устрашения 27 евреев, которые не пришли на работу, были публично расстреляны на улицах». А чтобы начальству не показалось, что сделано мало, здесь же — коротко и многозначительно: «Массовые экзекуции евреев последуют потом».

Не только на расчистке завалов использовался труд евреев. Сотрудник НКВД майор В.А. Машканов, прибывший по спецзаданию в оккупированный Витебск, писал в рапорте в ЦК КП(б)Б: «Витебские фабрики не работают, и вообще никто ничего не делает... На всех тяжелых работах работают евреи, за что им не платят. Русским, которые работают, дают хлеб по 200 граммов».

Еще до 1917 года Исаак Кабищер был хозяином магазина, где торговали посудой, роскошными сервизами, столовым серебром. Как рассказывает Ревекка Шадхина (жена Исаака и ее мама были родными сестрами), большевики забрали магазин, но вскоре наступил НЭП. Исаак Кабищер снова оказался при деле — открыл мастерскую по ремонту примусов, кастрюль и прочей домашней утвари. И тоже, как говорят, жил безбедно. У Исаака и его жены Ханы-Гиты было двое детей — Циля и Ефим (Хаим). В 1934 году, во время родов, Хана-Гита умерла.

Циля окончила школу, поступила в мединститут. Там она познакомилась с Аркадием (Абрамом) Гольдиным, тоже студентом мединститута. Жили Гольдины и Кабищер одной семьей в его доме на Падло. Так называли витебляне район на правом берегу реки Витьбы.

За год до войны у Гольдиных родилась дочь Аня. В первые дни войны Аркадий Гольдин, едва успевший сдать выпускные экзамены, был призван в армию и отправлен на фронт.

Когда к городу подошли немцы, Исаак Кабищер, несмотря на уговоры родственников, эвакуироваться отказался. То ли жалко было оставить свою мастерскую, то ли надеялся, что его, как пострадавшего от советской власти, немцы не тронут, и он сможет заниматься своим делом. Циля не знала, как поступить, потому что не хотела оставлять отца одного. Уступила лишь просьбам свекрови и сестер мужа, согласившись уехать с ними. Но вдруг перед самым отъездом у дочери Анечки поднялась температура, и Циля не решилась пуститься в дорогу с больным ребенком. Так она осталась в оккупированном немцами Витебске.

Циля была высокой, круглолицей, голубоглазой шатенкой с длинной косой, уложенной вокруг головы. И те, кто ее не знал, не мог и подумать, что эта молодая женщина – еврейка. Вскоре после оккупации Витебска она устроилась уборщицей в немецкий госпиталь, который находился в здании бывшего обкома партии на площади Свободы. Сегодня мы можем только предположить, что произошло в дальнейшем. Возможно, Циля установила контакт с одной из подпольных групп и ей поручили взорвать госпиталь. Известно только, что однажды, придя на работу, она по неосторожности выронила из сумочки взрывчатку. Циля не была ни опытным конспиратором, ни подрывником. Гораздо привычнее ей было выписывать рецепты для больных или измерять давление. Может, поэтому взрывчатка выпала в самый неподходящий момент, когда рядом стояли немецкие офицеры. Цилю схватили, пытали, допрашивали и вскоре повесили на дереве у старого обкомовского здания. Тело несколько дней не разрешали снимать. Так погибла дочь Исаака Кабищера. А его самого, как многих других евреев, гитлеровцы загнали в гетто. Знакомые Исаака Кабищера, пережившие оккупацию, рассказывали после войны его родственникам, как он и еще несколько евреев тащили в гору телегу, уставленную бочками с водой…

Старшего сына И. Кабищера Ефима еще весной 1941 года призвали на срочную службу в Красную Армию. Всю войну он пробыл на фронте, был награжден. После войны вернулся в Витебск и узнал страшную правду о своей семье.

Отец Ады Эльевны Ароновой (Райчонок) был евреем, мама Прасковья Николаевна – белоруской. Семья жила на Мало-

Ильинской улице. Когда началась война, Аде было всего четыре года. И сегодня она без дрожи в голосе не может вспоминать лето 1941 года.

«Когда город горел, мы почему-то были на другом берегу Двины. От дыма нечем было дышать, и детям прикрывали лица смоченными в реке платочками. Недалеко от нас находился хлебозавод. Охраны там уже никакой не было, и жители нашей улицы запасались хлебом, мукой и подсолнечным маслом. Это помогло нам выжить. В конце улицы находился спиртзавод, и люди тащили оттуда спирт и дрожжи. Мой отец принес домой только хлеб и подсолнечное масло. Этим он спас нас от голодной смерти, а сам погиб на дорогах войны.

...Однажды я осмелела и вышла погулять на улицу. Не заметила, как ко мне подошел немец в черном мундире, схватил за руку и поволок в здание бывшего овощехранилища. Эти минуты на всю жизнь останутся в моей памяти. В овощехранилище было много людей. Плакали дети, вместе с ними ревела и я. Другие дети были с родителями, а я оказалась одна среди незнакомых людей. И они делились со мной последним кусочком хлеба.

Каждое утро молодые мужчины запрягались в повозку и возили воду на хлебозавод. Там выпекали хлеб для немецких солдат. Не помню, сколько дней я там пробыла, но больше недели, пока не нашла меня моя мама. Она привела соседей, и они засвидетельствовали, что я не еврейский ребенок, а сосед Женя Рябов назвался моим отцом. И меня отдали маме».

24 июля оккупанты собрали около 300 юношей и молодых мужчин. Якобы, для расчистки территории города от завалов. Их погнали в сторону еврейского кладбища на Улановичскую гору. Ничего не подозревавшие люди с лопатами, кирками и метлами, охраняемые небольшой группой солдат, подчинились приказу. На Улановичской горе им приказали рыть ямы. И снова никому в голову не приходило, что эти ямы станут их собственными могилами. И только когда застрочили пулеметы, люди поняли, что обречены на смерть.

На следующий день, 25 июля, по городу были расклеены объявления немецкого командования. В них сообщалось, что

300 евреев расстреляны за поджоги, учиненные ими в городе во время вступления в него немцев.[48]

Немцы хорошо знали, что евреи не имели к этому никакого отношения, но им нужно было провести массовую карательную акцию и заодно показать населению, кто его враг.

Старая истина: чем наглее ложь, тем она кажется правдоподобнее. В городе были люди, которые поверили, что казнены поджигатели, в том числе и их домов. Люди не знали, что немцы действовали по строго разработанным в Берлине предписаниям, которые гласили, что вначале необходимо уничтожить ту часть еврейского населения, которая способна оказать сопротивление: юношей и мужчин.

25 июля генерал для особых поручений Мюллер при Главном штабе сухопутных сил направил всем командующим тыловых армейских областей «Обращение с неприятельскими и гражданскими лицами и русскими военнопленными». В этом документе штаб предупреждал о недопустимости «снисходительности и мягкости» по отношению к деятельности «представителей еврейско-большевистской системы» и указывал на то, что «всякого рода нападения (на немецких солдат — авт.)... нанесения материального ущерба и даже попытки такого рода следует беспощадно пресекать при помощи оружия, вплоть до полного уничтожения врага».

В этот же день, 25 июля, полевой комендант Витебска издал приказ, по которому все евреи должны были переселиться на правый берег Западной Двины в район бывшего Клуба металлистов.[49] С собой было разрешено брать ручную кладь, по одному узелку. Переселиться необходимо было до 27 июля. Тех, кто находился в пунктах сбора на правобережье Западной Двины, под охраной отправили в район Клуба металлистов. Проживавших на левом берегу заставили переправляться через Западную Двину.

Довоенные мосты были разрушены советскими войсками при отступлении. Немцы навели узкий понтонный мост, который соединил улицу Толстого и набережную в районе Клуба металлистов. Часть людей успела переправиться по нему. Боль-

шой поток перекрыл движение транспорта по этому мосту, и немцы закрыли его для евреев. Некоторая часть людей сумела перебраться через Западную Двину вброд. Лето 1941 года было жарким и засушливым. Река обмелела настолько, что человек среднего роста мог перейти ее в нескольких местах. Об этом нам рассказывал А.А. Ромашевский, дом которого находился буквально в двух десятках метров от берега на улице Бакунина (бывшая Успенская набережная). Он видел, как еврейские семьи, отыскивая обмелевшие места, переходили на правый берег к Клубу металлистов. Маленьких детей и свои пожитки они несли на поднятых руках.

Пожалуй, никогда раньше берег Западной Двины в районе Успенской горки не видел такого скопления людей. Немцы ходили среди собравшихся, выбирали молодых девушек, уводили их и насиловали. Солдаты отнимали у людей понравившиеся им вещи. Одну пожилую женщину фашисты привязали к лодке и таскали по воде до тех пор, пока она не захлебнулась.

Страшные, жуткие истории рассказывали очевидцы тех событий. Вот свидетельские показания, которые были даны следователям НКВД для ЧГК[50] сразу же после освобождения Витебска.

В.Д. Орлова: «Когда лодки с людьми отъезжали от берега, немцы, которые командовали переправой, начинали лодки раскачивать, и лодки переворачивались вверх дном. Сидящее в лодках еврейское население разных возрастов бросалось в воду. Физически более выносливые выплывали, а слабосильные, особенно старики, женщины с грудными детьми погибали. Выплывающих евреев немцы били веслами по голове с целью их потопления. Я сама видела, как немцы в момент переправы еврейского населения через реку связали несколько евреев веревкой во весь рост и связанных бросили в реку. Они утонули. Подобное повторялось несколько раз».

Потехи ради гитлеровцы заставляли беззащитных людей переправляться на бревнах.

Петр Кузьмич Бабочкин: «Я являюсь свидетелем того, как еврейское население переправляли через Двину от Куйбышева переулка к Клубу металлистов. На сколоченных двух бревнах

плыли люди. Посреди реки немцы, ехавшие рядом на лодках, притапливали бревна, и люди падали в реку и тонули. Кто пытался выплыть, того в реке добивали веслами. Я сам в то время стоял на берегу и наблюдал происходящее».

«Таким способом, — рассказывал Гавриил Петрович Оберенко, — немцы уничтожили около 2000 евреев — детей, стариков, женщин. Остальная часть еврейского населения, примерно 13000 человек, были помещены в лагерь, построенный на берегу реки у здания бывшего Клуба металлистов».

Немало людей погибло, переправляясь через Западную Двину, но многие сумели выбраться на правый берег.

Эмме Бабицкой (Никоновой) было всего десять лет. Но те дни остались в ее памяти на всю жизнь.

«Мама не была похожа на еврейку, и она решила не подчиняться приказу и вместе с нами, двумя детьми, не переправляться на тот берег реки. Наверное, в тот момент она больше думала о нас — обо мне и брате. Она знала, что творится на реке.

Какая это была страшная переправа! Я тоже все видела своими глазами, как переворачивались лодки с детьми, женщинами и стариками, как били их веслами по головам, как в них стреляли. В этом очень зверствовали полицаи; немцы на берегу стояли и кричали, смеялись и тоже стреляли.

А дедушка Мовша Янкелевич Железняк решил, что ему с бабушкой надо переправляться. Его перевезли знакомые наших соседей Машковских где-то в спокойном месте. Бабушку перевозили попозже, и вместе с ней была соседка Софья Андреевна Поташкина, которая кричала, что в лодке русские и показывала свой паспорт. Потому бабушка и осталась жива. Их высадили на берег не в районе гетто, а поодаль от него. Мешковские и Валюкасы помогли дедушке и бабушке устроиться на той стороне у своих знакомых по фамилии Кухто. Их домик был на окраине и остался цел.

Через пару недель мама решила забрать дедушку с бабушкой обратно, она боялась, что кто-нибудь их выдаст. Члены семьи Кухто оказались очень хорошими людьми, прятали стариков, помогали с пропитанием, жалели их. Мама о них мне рассказывала.

Назад стариков перевозили ночью. Опять помогли Валюкасы. До конца дней буду с благодарностью вспоминать наших соседей: литовца Валюкаса и его жену Юлю, его маму (ее звали Юрчихой), сына Валентина, который был моим другом.

Вспоминаю Софью Андреевну и ее мужа Фирса Поташкиных. Нина Шляпина помогала нашей семье. Семья Попеляевых общалась с нами».

В мае 1942 года семья Железняков с помощью подпольщиков и партизан вышла из оккупированного Витебска. Мы еще расскажем об этом подробнее. В том же году М.Я. Железняк прислал в редакцию газеты «Комсомольская правда» школьную тетрадь, исписанную убористым стариковским почерком, с надписью на обложке: «Что мы видели и пережили в оккупированном проклятыми немцами Витебске в 1941—1942 году». 27 ноября 1942 г. по материалам этой тетради была опубликована статья М.Я. Железняка «Ужасы Витебска. Письмо сыну на Ленинградский фронт». Тогда же свидетельства очевидца были выпущены издательством «Дальгиз» отдельной брошюрой «Зверства немецких оккупантов в Витебске».

После войны М.Я. Железняк в письмах в Витебск довоенному другу Иосифу Михелевичу Либерману вспоминал пережитое в годы войны. Здесь и далее приводятся фрагменты этих писем.

«Вся река от нас до самого моста была полна трупами. Вода была красной от крови, был такой крик и плач, что волосы становились дыбом. Эта картина не забудется никогда... Многие переплывали реку, однако на берегу их перехватывали и убивали».

В лодки сажали стариков и младенцев. Их трагическая участь была предрешена. При переправе через Двину погибла Геня Лерман (Шехтман), которая переправлялась в одной лодке с мамой Рохой и тремя малолетними дочками: Сарой-Башей — 6 лет, Катей — 4 лет, и годовалой Любой.

Гитлеровцы, стоявшие на противоположном берегу — на Успенской горке, смотрели в бинокли на эту трагедию, кричали: "Juden kaputt! Alle kaputt!" "Евреям конец! Всем конец!" и хлопали в ладоши. Другие солдаты развлекались тем, что стреляли по лодкам.

О кровавом побоище, устроенном гитлеровцами при переправе евреев через Западную Двину, докладывал в упомянутом рапорте А.В. Машканов: «Всех евреев стали собирать в Клуб металлистов. Население рассказывает, что насадят полную лодку евреев и заставляют ехать по реке, а сами купаются. Когда лодка доезжает до середины реки, ее опрокидывают и топят всех...»

Известны фамилии нескольких лодочников, которых немцы использовали для «переправы» евреев. Это Сергей Тихонов, до войны сотрудник пединститута, и некто Богданов, живший около бывшего здания НКВД. Перевозили они евреев не бесплатно, а за одну принудительную поездку брали с каждого от 3 до 5 рублей.

С.Я. Сарак вспоминала, что евреев, которые добровольно не приходили в гетто, немцы и полицаи ловили и приводили туда. «Например, Шапиро с нашей улицы. Жена его на юг уехала и детей ему оставила, двойня у него была. Их нашли где-то в трущобе и привезли в гетто. Их привезли, а Шапиро пришел сам».

Тех, кто по каким-то причинам не мог прийти или быть доставленым в гетто, расстреливали на месте. В большой семьи витебского балагулы Ицхака Когана было одиннадцать детей. Ицхак и жена рано умерли. Старшая сестра Эстер воспитывала младших.

«...Муж Эстер был летчиком и ушел на фронт в первые дни войны. К этому времени она уже была мамой шестерых детей. Из-за стресса, пережитого в результате бомбежек, у Эстер отнялись ноги. Фашисты приказали евреям прибыть в гетто. Эстер не могла двигаться. Немцы заставили соседей вырыть яму рядом с домом и заживо закопали ее вместе с детьми...»[51]

Вспоминает Анатолий Петрович Иванов, коренной витеблянин, подросток военного времени: «До сих пор в моих воспоминаниях встает страшная картина — убийство немецким солдатом еврейского юноши, нашего 18-летнего соседа Моськи Фрумкина. Всех евреев выгоняли из своих домов. Они должны были идти к Двине и переправляться на “тот” берег, где были только кирпичные стены сгоревших домов. Солдаты заходили

в еврейские дома и выгоняли семьи на улицу. У Фрумкиных в оккупации осталось двое — мать и сын. Не помню, как это произошло, но Моська лег ничком на землю и сказал:

— Я никуда отсюда не уйду.

Обхватил голову руками и не шевелился. Солдат вынул пистолет, приставил к спине Моськи и стал считать: "ein", "zwei", "drei". Он считал громко и быстро. Не подождал после слова "drei" и выстрелил. Ему было наплевать, что кругом стоят люди, что рядом — онемевшая Моськина мама. Он решил — пусть видят силу немецкого солдата, готового выполнять приказы своих командиров».

Вначале евреи еще могли выходить из гетто в город в поисках продовольствия. Они рисковали быть схваченными во время облавы, но голод гнал их в дорогу. В городе было все-таки несколько лучше: работающие получали 300 граммов хлеба пополам со свеклой.

Моисей Ефимович и Анна Вениаминовна Зарецкие со своими сыновьями — девятиклассником Зеликом и пятиклассником Юрой — ушли из Витебска 9 июля 1941 года. Пошли на Смоленск, надеясь оттуда эвакуироваться в тыл, но около города Демидова попали в окружение. Пришлось вернуться обратно.

В Витебск они пришли 18 июля, пошли в свой дом в Кропоткинском переулке, но там стояли лишь обгорелые стены. Несколько дней Зарецкие ютились, где придется. 24 июля во время облавы немцы схватили Зелика и расстреляли вместе с теми тремястами евреями, которых потом обвинили в поджоге города.

«Поскольку дом наш сгорел и жить нам негде было, — вспоминает Юрий Моисеевич Зарецкий, — как только вывесили приказ о сборе всех евреев в районе Клуба металлистов, мы в тот же день перешли мост. (Он еще был открыт для прохода, это на следующий день людей заставили переправляться на лодках — авт.) и поселились недалеко от гетто в подполле сгоревшего дома.

На Марковщине (юго-западный район Витебска — авт.) была маслобойня. Во дворе маслобойни лежала большая куча старой подгоревшей сои. Я пошел с мальчишками и собрал полмешка.

Таких, как мы, было много, и за несколько дней от старой сои и следа не осталось.

Я был похож на русского мальчика, или, вернее сказать, на лице у меня не было "написано", что я еврей. А значит, первый попавшийся немец не схватит и не расстреляет меня или не потащит в гетто. Я решил воспользоваться этим. Выбирался из подвалов и уходил в город, чтобы где-нибудь что-нибудь обменять или выпросить. Тем мы и жили. Родители из подвала не выходили. Все время шли облавы. Полицаи обшаривали все развалины, пустующие дома и сараи, даже канализационные люки — искали евреев. Кого находили, избивали до полусмерти. Однажды я видел, как в гетто вели бухгалтера Либермана, он был уже пожилой человек. Его избили так, что вместо лица было кровавое месиво.

Во время одной из облав полицаи зашли в подвал, обнаружили нас и дубинками погнали в гетто. ...Нижние этажи коробок сгоревших домов, выходивших на улицу, были затянуты колючей проволокой. Вдоль ограды ходили полицаи и стреляли по всем, кто пытался выбраться из гетто.

Основная масса людей располагалась под открытым небом. Вся территория гетто была занята сидевшими и лежавшими людьми. И если для стариков и детей еще находились места на узлах и узелках, что смогли принести с собой люди, то для всех остальных и креслом, и кроватью была голая земля. У большинства изможденных людей был голодный понос, и они испражнялись там же, где лежали...

Из гетто я выбирался практически каждый день — выпрыгивал из окон второго этажа, когда полицаи были подальше или полицай делал вид, что не видит детей, бегающих в город за едой. Этого полицая потом расстреляли якобы за взятки и сотрудничество с евреями. Вечером я возвращался обратно. Первые дни в гетто пускали через ворота. Позже мне приходилось пролезать под проволокой.

Когда мы попали в гетто, нас даже не зарегистрировали в юденрате. "А зачем? — спросили они. — Мы все равно вам помочь не сможем".

А когда начались расстрелы, юденрат вообще не мог вмешаться и спасти хоть кого-то. К воротам подходила крытая машина, полицаи хватали тех, кто был рядом, нагружали полный кузов и увозили. Немцы при этом даже не присутствовали».

После того, как сгорел дом, Розалия Мордуховна Быковская с дочкой Галей несколько дней ночевала во дворе, в землянке, а потом они решили идти в Хотиничи. Это в семи километрах от Витебска, не доезжая железнодорожной станции Княжицы. Там до войны была колония. Все заключенные разбежались, а бараки и административные здания остались. Кто-то из соседей сказал Розалии Мордуховне, что там можно поселиться.

На улице Винчевского (сейчас проспект Черняховского) жил извозчик Яша. До войны он работал извозчиком, возил грузы от речной пристани на Западной Двине. У Яши была лошадь, и он согласился отвезти Быковских и их соседей Измайловичей в Хотиничи. Поместились на подводе все, брать с собой было нечего, только то, что вынесли из дома в землянку. Поселились в административном здании колонии, Измайловичи на первом этаже, Быковские — на втором в маленькой комнате. А потом Яша перевез в Хотиничи и свою семью. Это был очень добрый и работящий человек. Еврей, женился на русской женщине Лизе, у которой от первого брака было двое детей. Яшина семья тоже поселилась на втором этаже. Жили дружно, делились тем, что было.

А потом в Хотиничи приехали немцы и полицаи, собрали людей и назначили старосту Лаптева. Немцы искали коммунистов, евреев. Староста все выведывал, узнавал, но, судя по рассказам людей, никого не предал. Был другой человек, его называли «приживалец». В Витебск он откуда-то приехал еще до войны. Жил с женщиной и с ней приехал в Хотиничи. Вот он то и выдал немцам и Яшу, и Быковских. Немцы редко приезжали в Хотиничи, но после доноса появились. Яша спрятался в большом сундуке, который стоял у них в комнате, днем сидел там и только ночью выходил. Некоторое время его не могли найти, а потом подсказали немцам, где он прячется. Яшу обнаружили,вывели во двор и расстреляли.

Вспоминает Галина Николаевна Быковская (Лапицкая).

«Нас с мамой повели в Витебск под конвоем полицейского. Шли пешком, через весь город в управу, которая находилась по улице Толстого.

В управе мама увидела высокого блондина с голубыми глазами. Столько лет прошло, а я бы узнала его и сегодня. Это был налоговый инспектор, который пытался оштрафовать папу за то, тот сапожничал без патента. Теперь высокий блондин служил немцам. Мама подошла к нему и говорит: "Ты же знаешь моего Николая, он белорус. Отпусти дочку. Пусть идет к бабушке. А со мной делай, что хочешь". А он ответил: "Извини, но, что будет с тобой, то будет и с ней. Раз есть капля жидовской крови, она пойдет туда, куда и ты".

С улицы Толстого полицай увел нас в гетто. У нас были торбочки и в них немного еды. Вот и все запасы. Когда съели их, голодали, как и все узники.

Район гетто был огорожен. Ворота за время моего пребывания открывались несколько раз, заезжали подводы. Они привозили грязную картошку, свеклу и выбрасывали это на землю. Люди бежали, и, кто успевал, тому доставалось немного еды. Кушали ее чаще всего сырую, готовить было негде.

Молодые ребята иногда выбирались в город и к вечеру возвращались обратно, приносили родителям хлеба, который давали им соседи, одноклассники. Кто-то из довоенных друзей подходил к гетто и передавал что-то из еды. Но голод был страшный.

В здании Клуба металлистов люди спали на лестницах, на чердаке, кто сидя, кто лежа. Тем, кому не хватало места, оставались ночевать на улице.

Каждый день в пять часов в гетто приходили немцы с плетками, и люди, увидев их, разбегались и прятались. Немцы избивали мужчин, молодых девушек до полусмерти, стариков они почти не трогали.

У спуска к Западной Двине стояли деревянная будка и шлагбаум. Около шлагбаума дежурил кто-то из узников гетто. Я запомнила бородатого еврея. Когда люди ходили за водой, он открывал шлагбаум и пропускал их. Узники набирали воду из

реки и ее пили. По берегу реки ходил полицейский с ружьем.

Однажды мама позвала меня и сказала: "Ты должна уйти отсюда. Вдвоем мы не уйдем, мне уже 49 лет, со мной, что будет, то и будет. А ты должна дождаться отца. Спустишься к реке, как будто за водой пошла, и уходи вдоль берега. Полицейскому скажешь, что приносила еду однокласснице, а тебя увидели немцы и сказали, приносила еду жидовке, будешь сидеть здесь. Иди к бабушке, у нее спрячься".

Я не была похожа на еврейку, светленькая, худенькая, чем-то напоминала отца. На мне был папин вельветовый пиджак зеленого цвета и в кармане метрика. Она у меня до сих пор сохранилась. Разорвана на шесть частей, я ее потом склеила. Там написано, что я – Быковская Галина Николаевна, папа – Быковский Николай Яковлевич, мама – Быковская Розалия Мордуховна. Но мамино имя и отчество мы подтерли, его видно не было.

Я пошла, а мама стояла на балконе Клуба металлистов и смотрела. Подхожу к шлагбауму, меня не выпускают. Я дождалась, пока подошли еще люди, спускавшиеся за водой, и вместе с ними прошла. Спустилась к реке и иду вдоль берега, а еврей, который дежурил у шлагбаума, наверное испугался за себя, и сверху закричал полицейскому: "Она отсюда, она отсюда". Я посмотрела на него и подумала: "Ну какая тебе разница, откуда я". Полицейский остановил меня и спросил: "Ты из гетто вышла?" – "Да", – ответила я. – "А как ты сюда попала?". Я ответила, как меня научила мама. Он спросил: "С кем живешь?" – "С бабушкой и тетей. Отца забрали в армию. А мама умерла". (Мне мама сказала, чтобы я так отвечала). Я полицейского запомнила – худощавый, небольшого роста, с бельмом на глазу. Показала метрику. Он посмотрел ее и сказал: "Уходи отсюда и не оглядывайся". Я только глазами повела, чтобы увидеть маму, и пошла по берегу реки. А потом побежала, чтобы скорее уйти с этого места.

Прибежала к бабушке, она уже и не ждала меня. Побыла немного у нее и ушла к папиной двоюродной сестре Ольге Фоминой, которая жила на Марковщине. Бабушкины соседи меня знали и могли выдать, в тринадцать лет я быстро повзрослела, а на Марковщине у тети меня никто не знал.

Через какое-то время у тети появилась и моя мама. Как она выбралась из гетто, я так и не узнала. Это было где-то в конце сентября. Мама умоляла меня, чтобы я спряталась у бабушки. Но я ответила, что уйду из города и пойду в колхоз Ленина, это рядом с Выдреей. Чувствовала, что мне надо уйти. Ушла одна, мама осталась в Витебске, снова оказалась в гетто и погибла там. Почему не пошла со мной? Может, решила, что в ней сразу узнают еврейку...

Остановилась у нашей довоенной знакомой Ольги Лобачевой. Месяц пробыла у них. В деревне стали поговаривать, что я на еврейку похожа.

В колхозе Ленина жила семья наших довоенных соседей Никодимовых. Тетя Маруся сказала: "Уходим отсюда. Пойдем в Хотиничи, там ваша швейная машинка осталась, заберем ее". Она была портнихой, и швейная машинка была ей нужна, чтобы заработать на хлеб, троих детей кормить. В Хотиничи мы шли уже по снегу. Забрали швейную машинку. И отправились в обратный путь. Шли через Витебск. Когда проходили по понтонному мосту через Двину, в гетто уже никого не было. Только тряпки какие-то болтались на колючей проволоке. Маруся Никодимова отвела меня к своим родственникам в деревню Заречки. Когда там стало опасно жить, я ушла в другую деревню. Уже наступила весна 1942 года. Понимала, что здесь не могу оставаться, соседи стали снова спрашивать, кто я такая. И я ушла пешком в Лиозно, оттуда подалась в Колышки и узнала, что рядом в Понизовье стоят наши войска».

Трудно себе сегодня представить тринадцатилетнюю девочку, которая одна едет неведомо куда по военным дорогам.

«В Понизовье стояли красноармейцы. Я добралась до своих, а мне никто не верил, хоть и рассказывала всю правду. В Ильино три ночи подряд допрашивали, говорили, что меня послали немцы... Потом поверили мне.

Когда летом 1944 года наши войска освободили Витебск, я снова оказалась в городе. Думала, приеду, и вернется довоенная жизнь. Но я уже была другая, взрослая, шестнадцатилетняя. В Лучесе стоял наш военный госпиталь, я пришла туда и попро-

сила взять меня санитаркой. С госпиталем прошла последний год войны и закончила ее в Германии.

Потом была послевоенная жизнь. В Витебск вернулась в 1952 году. Работала в автобусном парке. У меня четверо детей, внуки...»

Бывший бургомистр Витебска В. Родько во время допроса в августе 1945 года показал: «В подборе места для гетто и выселении еврейского населения из квартир принимал активное участие Л. Брандт, а в расстреле — местная полиция, во главе которой стояли В. Шостак и А. Туровский».[52]

На месте, отведенном для гетто, были сплошные каменные развалины. Оно занимало территорию в пределах улиц А. Ильинского (бывшая Нижне-Набережная) — Ф. Энгельса (бывшая Богоявленская) — Комсомольская (бывшая Верхне-Набережная) — Кирова (бывшая Вокзальная) до А. Ильинского. По периметру территория гетто была обнесена деревянным забором и опоясана колючей проволокой. С двух сторон набережной были установлены шлагбаумы. Со стороны улицы Энгельса, недалеко от шлагбаума, на небольшом возвышении находилась будка дежурного, примерно напротив нее был устроен узкий лестничный спуск, по которому узники спускались к воде. С двух сторон, напротив шлагбаумов, вниз по склону берега от набережной до самой воды были установлены заграждения из колючей проволоки. Ворота из гетто выходили на улицу Энгельса. Сюда подъезжали машины, увозившие на расстрел.

Узникам, согнанным в гетто, приходилось жить на развалинах под открытым небом, на берегу реки, во дворах разрушенных зданий, под навесами, в конурах из кирпичей, жести и обгоревших кроватей. Тысячи несчастных ютились в здании бывшего Клуба металлистов. Люди размещались на лестничных клетках и под лестницами, сотни набились на балконы и лоджии, был занят каждый сантиметр на полу в зале.

Даже трудно представить, что всего несколько месяцев назад этот клуб был одним из любимейших мест отдыха витеблян. Сюда в будни и праздники приходили на концерты,

вечера отдыха, выставки, занимались в театральных и музыкальных студиях.

В оперативной сводке № 42, посланной в Берлин 9 августа 1941 года, гитлеровцы отчитывались: «Основной упор в карательной деятельности на первых порах делался на уничтожение еврейской интеллигенции. Белорусы уничтожаются только в том случае, если безупречно было доказано, что они являются убежденными большевистскими активистами или агентами...

Где было необходимо и возможно, по договоренности с соответствующими местными и полевыми комендатурами были созданы гетто, еврейские советы старейшин, проведена внешняя маркировка евреев, сформированы еврейские трудовые группы».

Рассказывает Лев Абрамович Флейш: «В первых числах августа я после неудачной попытки эвакуироваться вернулся в Витебск. Пришел на улицу Замковую к своему дому и увидел на его месте одни развалины. Повсюду были расклеены листовки с приказом, чтобы евреи шли в Клуб металлистов. Деваться мне было некуда, и я пошел туда...

Дома по теперешней улице Энгельса были разрушены. В клубе были теснота и грязь. Людей, как селедок в бочке. Кушать нечего. Дети плачут. Картина жуткая. Молодых гоняли на работу. Днем я обычно уходил на берег Западной Двины и отсиживался там в кустах, потому что по городу ходить было опасно.

Одна женщина, находившаяся в гетто, предложила мне сходить на Юрьеву горку к ее знакомым. Дала записку. Я должен был принести ей еду. Сказала, что поделится. Я сходил, принес. И это спасло меня от голодной смерти.

Иногда я уходил в город поменять что-нибудь из вещей на продукты. Вещи мне давали люди и, если я что-нибудь обменивал, они делились со мной едой».

Главным палачом Витебского гетто стал руководитель айнзацкоманды-9 доктор Альфред Фильберт, фигура одиозная даже для фашизма. Он появился в Витебске в первых числах августа 1941 года. На судебном процессе над группой военных преступников его же сослуживцы показывали: «Усердие в этой

деятельности Фильберт проявлял не только по приказу, а также по своим убеждениям. Он заботился о том, чтобы каждый еврей, которого схватили, был расстрелян. Он не ограничивался тем, что расстреливал евреев в рамках возможного в городах, а даже посылал офицеров и сам ездил прочесывать маленькие деревни и убивал все еврейское население...»[53]

На его совести тысячи евреев – женщин, детей, стариков, расстрелянных, повешенных, заживо закопанных в ямы в Витебске и Полоцке, Невеле и Сураже, Яновичах и Городке, других городах и местечках.

В автобиографии А. Фильберт писал: «Я родился 8 сентября 1905 года в Дармштадте в семье телеграфного инспектора Петера Фильберта и его жены Кристианы Кюннер. После перевода моего отца в Вормс на Рейне я посещал верхнюю ступень реальной школы. На Пасху 1922 года я покинул школу в Вормсе с аттестатом об ее окончании. 1 апреля 1922 года я поступил учеником в филиал частного коммерческого банка в Манхейме... Для завершения учебы работал год в торговле. С ноября 1925 года я готовился к сдаче экзаменов на аттестат зрелости, которые сдал экстерном на Пасху 1927 года в реальной школе Майнца».

А. Фильберт не забывает в автобиографии о Пасхе. Кстати, в персональном опросном листе, который он заполнил, когда решался вопрос о присвоении ему звания штурмбанфюрера СС, А. Фильберт напишет: «Конфессия – верующий». Но ведь наверняка не мать и не церковь научили его садизму, не ученые книги лишили жалости к детям и старухам. А. Фильберт в Гиссене и Гейдельберге изучал государство и право. В университете Гиссена он сдал референтный экзамен по юриспруденции, а потом в этом же университете сдал экзамены на степень доктора юридических наук.

Высокообразованный палач и садист – гораздо страшнее, чем садист, не умеющий читать и писать. Причем, он не собирался ни перед кем оправдываться за содеянное. Был убежден в своей правоте.

С 1 марта 1935 года А. Фильберт начинает работать сотрудником службы безопасности Главного управления рейхсфюрера

СС. За десять лет этот садист и палач сделал неплохую карьеру. Он понимал: чем больше крови и трупов оставит на своем пути, тем выше будет должность и звание, чем меньше жалости останется в нем, тем легче будет ему жить.

Как руководитель айнзацкоманды А. Фильберт знал, что предстоит делать его подручным на территории Советского Союза. Остальным офицерам было в общих словах сказано, что «они будут действовать в особо трудных условиях, прежде никогда не пережитых ими». Но можно не сомневаться в том, что и они догадывались о характере будущей работы. И не только не стеснялись своей профессии — палача, но и гордились ею. До них уже донеслись слова, записанные Геббельсом в своем дневнике 16 июня 1941 года после длительной беседы с Гитлером: «Фюрер говорит: правы мы или не правы, мы должны победить. Это единственный путь. И он правильный, нравственный и необходимый. И если мы победим, то кто спросит нас о методах». Эти слова звучали как разрешение на убийства, пытки, насилия. И не надо ни о чем думать, ни в чем не надо сомневаться. Раздумья и сомнения не достойны сильных людей.

На судебном процессе, который состоялся в Западном Берлине в мае 1962 года над шестью офицерами айнзацкоманды-9 группы «Б», принимавшими активное участие в уничтожении еврейского населения, в том числе и Витебска, было установлено: «В последние дни июля, самое позднее 2 августа 1941 года, айнзацкоманда-9 достигла сильно разрушенного Витебска. Она расквартировалась в достаточно хорошо сохранившемся здании политехникума. Отсюда было видно находившееся у Западной Двины гетто, огражденное забором... Айнзацкоманда-9 занялась тотчас тем, что стала вылавливать евреев, живших в окрестностях Витебска, доставлять их в и без того переполненное гетто. Этими акциями были затронуты евреи, жившие в деревнях. Их хозяйство, в том числе и скот, оставались без присмотра. Доктор Альфред Фильберт распорядился соорудить хлев, куда загоняли коров, лошадей, овец, отобранных у евреев».

На том же судебном процессе свидетель Вольтерс показал:

«Подвал дома, где была расквартирована айнзацкоманда-9, был постоянно переполнен арестованными евреями, которых пытали, а потом расстреливали».

Видимо, душераздирающие крики матерей, на глазах у которых насиловали их детей, предсмертные стоны и рыдания были настолько приятны и ласкали слух эсэсовцам, что они были готовы их слушать и днем и ночью. А в перерывах между вечерним кофе и сигаретой, между рассуждениями о музыке Вагнера и философии Ницше можно было спуститься в подвал и снять кожу с живого человека, или выколоть ему глаза, или просто расстрелять, если на другое не хватало садистской фантазии.

А. Фильберт любил демонстрировать подчиненным свою эрудицию. А в «еврейском вопросе» доктор юридических наук считал себя специалистом первой величины.

— Многие думают, что «гетто» — это итальянское слово. Мол, рядом с еврейским кварталом в средневековой Венеции был то ли пушечный, то ли литейный заводик. По-итальянски этот заводик назывался «ghetta». Но это не так, — повышал голос Фильберт. — Нас пытаются отодвинуть на вторые роли. Не получится. Мы, немцы, всегда были первыми в решении этого проклятого вопроса. И слово «гетто» происходит от немецкого «gitter» — решетка. Но наши предки были слишком сентиментальны с этим ползучим племенем. Они создавали гетто, чтобы евреи могли там жить. Это глупо. Мы создаем гетто, чтобы евреи могли там умирать.

На высоком берегу Западной Двины на Верхне-Набережной улице был установлен столб с табличкой «гетто».

Гетто днем и ночью охранялось полицейскими. Выйти можно было лишь с ведома старосты юденрата, который подавал письменное прошение об этом в городскую управу. Разрешение выдавалось только при наличии на прошении письменной резолюции начальника уголовного отдела горуправы. Затем прошение вместе с резолюцией поступало в общий отдел управы, после чего выписывался пропуск на право выхода из гетто. Один из таких документов обнаружен нами в витебском архиве: «В Витебскую Городскую Управу. По предложению немецкой полиции просим

выдать члену Еврейского комитета Цодикману Евсею Шмуйловичу, 1884 г. рождения, пропуск на право хождения вне черты гетто по делам службы. Староста Евр. к-та (подпись неразборчива) 6/X-41 г.» В левом верхнем углу на этом прошении стоит верноподданническая резолюция начальника уголовной полиции А. Туровского: «Распоряжения немецкой полиции никем не могут быть отменены, а поэтому пропуск Цодикману необходимо выдать. 6/X-41 г. (подпись)». Мол, я бы не выдал, но...

Получить пропуск на право выхода из гетто могли, как правило, лишь те, кого требовали к себе немецкие власти. В случае невозвращения получившего пропуск староста юденрата мог ответить за это собственной жизнью. В других случаях выйти из гетто имели право те, кого гоняли под конвоем на черновые работы. Правда, подростки умудрялись по ночам убегать из гетто, чтобы обменять что-нибудь из вещей на продукты и вернуться обратно к своим родным.

Мы встретились с внучкой Евсея Шмуйловича Цодикмана — витебского кузнеца, который попал в юденрат, скорее всего потому, что в годы Первой мировой войны был в германском плену и знал немецкий язык. Ирина Абрамовна Цодикман (Купченок) рассказала нам о ничем не примечательной еврейской семье из Витебска.

«Мой дед, Евсей Шмуйлович был кузнецом. Его жена Циля — домохозяйкой. У них был свой дом в районе сегодняшнего элеватора. Жила семья неплохо. Евсей Шмуйлович никогда не сидел без работы, а с 14 лет ему помогал в кузне мой папа. В семье был еще один мальчик Илья, и Ася — поздний ребенок. К началу войны ей было всего 9 лет.

Папа — Абрам Евсеевич Цодикман, 1911 года рождения. Илья на пару лет моложе его. Папа был летчиком, принимал участие в Великой Отечественной войне. Был ранен. Демобилизовали его в 48 лет. К этому времени служил заместителем начальника штаба Забайкальского военного округа, подполковник.

Илья Цодикман перед войной с семьей уехал на работу в Минск, был специалистом по радиотехнике. Его семья: жена Дора и двое детей погибли в Минском гетто.

Дед по материнской линии Петр Дерябин тоже жил в Витебске, служил машинистом на железной дороге. И хотя уже был пенсионного возраста, с началом войны его вернули на работу. Он отводил железнодорожные составы из Витебска до Смоленска. Петр Дерябин предлагал Евсею Цодикману вывести его и семью из Витебска. Но Евсей Шмуйлович, которому уже было под шестьдесят, отказался. Сказал, что пережил Первую мировую войну, был в плену, знает немцев и ничего они ему не сделают».

Инесса Гдальевна Аронсон (Иванова) родилась в Витебске. Семья жила на Могилевской площади. Дом стоял на берегу Двины. Жили спокойно и тихо. Было хозяйство, коза. Родители работали бухгалтерами. Глава семьи Гдалий Абрамович Аронсон и его жена – Сима Самуиловна Ронинсон. С ними жил дедушка Инессы. Когда началась война, ей было 6 лет.

Вспоминает Инесса Гдальевна Аронсон (Иванова): «Папу призвали в военкомат, чтобы он помогал регистрировать призывников. Папа пришел ночью, принес несколько книг, которые накануне мне купил. Помню, как он меня поцеловал. Мама потом сказала, что за нами должна прийти машина. Машина почему-то не пришла, и мы остались в городе. Прятались в землянке, которую выкопали недалеко от дома. Когда однажды вернулись домой, то увидели яму вместо дома, – бомба попала.

Я запомнила людей в какой-то серой форме, чужую речь слышала, потом нас пустили в какой-то сарай спать, хорошо, что лето было и еще тепло.

К нам за три недели до начала война приехала из Москвы рожать тетя Марьяся Шмуйловна. Началась война и на руках у нее грудничок.

Как сейчас вижу, мама сидит на пороге сарая, где мы жили, и разрезает тетину желтую шелковую кофточку, нашивает круги на нашу одежду. Все евреи должны были носить одежду с такими отметками.

Потом пришли люди с белыми повязками на рукавах – полицейские, по-моему, среди них один был немец, нас забрали и повели на Комсомольскую улицу дома №№ 30 и 32. Эти дома с подвалами, они и сейчас там стоят. Загнали в подвал дома

№ 30. Свободного места не оставалось. Спали сидя. Приходили полицейские, брали, что им нужно было, и уходили.

Тетин ребеночек плакал, кричал, и ее выпускали на улицу, чтобы она там его успокаивала. Младенца еще даже назвать не успели. Однажды пришел немец, офицер, это я уже понимала по его фуражке. Тетя с ребеночком стояла на тротуаре. По воле судеб, я хожу сейчас почти каждый день по этому двору. И, конечно, все вспоминаю. Живу напротив дома, где мы раньше жили, на берегу Двины. Немецкому офицеру что-то не понравилось, может, пьяным был, он взял мальчика, развернул пеленки, схватил его за ножки и дернул изо всех сил. Младенец прокричал-прокричал и умер. Там его в углу двора и закопали. Похоронили — уже не то слово.

Тете Марьясе с дедушкой как-то удалось уйти из подвала. Потом дедушка затерялся и, скорее всего, погиб. Деда звали Шмуйла, отчества его я не помню, фамилия — Ронинсон. Тетя Марьяся была медиком по специальности. Она после бегства из Витебска перешла линию фронта и пошла служить в мобильный госпиталь. Провоевала до конца войны, потом была на японском фронте.

Мы остались в Витебске. Мама не могла уйти, у нее было воспаление почек. Ей было всего 28 лет, папа был ее старше на 12 лет. Она была ловкая, сообразительная. Мама за всю свою жизнь никого не встретила из тех, с кем мы вместе сидели в подвале. И ничего не знает про судьбу этих людей.

Иногда нас выпускали из подвала. Я — ребенок, любила бегать, хотела все увидеть. Я внешне была типично русский ребенок, с голубыми глазами, светленькая. Однажды увидела что-то круглое, блестящее, посередине двора. Побежала туда и стала вязнуть, не могу ноги выдернуть, не могу дальше шага ступить. Это был гудрон или битум. Стала кричать: "Мама, мама". Она услышала мой крик, но пока подоспела, ко мне подошел немец-офицер. Я его, как сейчас, вижу. Полный, розовощекий, улыбающийся. Немцы редко заходили во двор к нам. Чаще приходили полицейские. Кричали на нас: "Жиды. Заткнитесь". И вот этот немец стал меня из черного месива вытаскивать. Он, конечно, видел и

понимал, кто я, по желтым нашивкам. Мама уже стояла рядом. Он к маме обратился, она понимала немецкий язык, потому что хорошо знала идиш. Немец улыбнулся и у мамы спросил: "Как зовут ребенка?". Мама ответила: "Инна". "О!", — это "о" я хорошо помню. Немец говорит: "У меня жена Инна, Инесса". Вынимает из кителя фотографию и показывает. На снимке молодая красивая женщина, мужчина и двое детей — их семья. Были разные немцы.

Однажды полицаи выгнали нас из этих подвалов и повели к Новому мосту через Западную Двину (с 1974 г. мост носит имя Блохина[54]). У моста было немного немецких солдат. Там стоял дом. Когда мы вернулись после войны в Витебск, пошли смотреть это место — одна коробка стояла. Я маме сказала, что хочу писать. Мама посмотрела по сторонам, потом резко дернула меня за руку и пихнула в эту коробку, а потом — и сама туда. И никто нас не заметил.

С крыши дома упали листы жести. Мама эту жесть постелила, на земле были кирпичи и битые стекла. Легла сама, меня положила сверху на себя и закрылась еще одним листом жести.

В это время зашел немец. Как говорится, от трагического до смешного один шаг. Он там какал, "кормой" повернувшись к нам. Мама боялась, что я пошевелюсь и жесть загремит. Я все понимала и замерла. Немец сделал свое дело и ушел.

Мы дождались темноты и выбрались из этой коробки. Пошли к маминой подруге, портнихе Екатерине Тимофеевне. Они жили в своем доме. Там теперь поликлиника по улице Шрадера.

Они знали, что мы евреи. Мама у нее до войны шить училась. Мы пробыли у Екатерины Тимофеевны два дня. А потом пошли по Оршанскому шоссе. Пришли к маминой однокласснице. Отец ее сразу пошел служить к немцам и потом после войны был осужден. Помню, мама сказала: "Накорми нас и уложи спать". Она говорит: "Симочка, конечно. Все сделаю". Накормила, напоила. Мама еще слабая была после болезни и сразу пошла спать. Я отправилась с сыном хозяйки играть. Вдруг слышу крик: "Инночка! Инночка!" Выбегаю, стоят немцы пьяные, бьют маму плетками и хохочут. Я подбежала к ней, и меня ударили плеткой по голове. Немцам это доставляло

удовольствие. Одноклассница, оказывается, привела немцев и сказала им: “Заберите эту нищенку. Выгоните ее из дома”. А я говорила маме: “Надо благодарить ее, она не рассказала немцам, что мы — евреи”.

Мы ушли из города. Где-то днем отлеживались, а ночью — шли. Тепло еще было. Заходили иногда в деревни, где-то нас пускали ночевать, а где-то — гнали. Где-то давали кусок хлеба, а где-то — прогоняли.

Мама где-то достала перекись водорода, и она подкрашивала волосы, чтобы они были светлые.

Я не выговаривала букву “р”. Мама очень боялась, и когда мы шли, она меня скороговоркам учила, например, “Шел Грека через реку...” Однажды мы остановились на ночлег в какой-то деревенской хате, нас пустила многодетная семья. Вдруг пришли немцы. А мы на печке. Хозяйка села на край печки, а мы укрылись разным тряпьем с головой. Я слышала русскую речь и немецкую. Немцы кричали очень, а потом ушли. И я с перепуга стала выговаривать “р”.

Потом мы попали к еще одной женщине в дом. Она нас оставила ночевать, накормила, а ночью пришел ее муж. Он до войны был директором местной школы, а во время оккупации стал бургомистром. Вместе с ним пришли полицаи. Они выпивали. Когда все разошлись, он увидел нас и выгнал среди ночи. Спасибо, что выгнал, а не сдал. Тогда всех подозревали, и мы, конечно, были подозрительными.

Мы немцев не боялись. Они не понимали, кто мы по национальности. Мы боялись полицаев. Они нас однажды выгнали из дома. Я помню этих полицаев очень хорошо. Они были в светлых полушубках, розовощекие, сытые. Один сказал: “Жидовская морда”, а другой: “Ты на детенка посмотри. Какие они тебе жиды! Убирайтесь отсюда, чтобы духа не было”. Стреляли нам вслед. Или не попали, или напугать нас хотели.

Однажды нас прятал православный священник. Мы ночевали в церкви. Знал ли он, кто мы? Кто-то из беженцев в одной из деревень забыл справку, выданную на имя Соколовой Серафимы Николаевны. Мама ее забрала и всем говорила,

что она Соколова. Имя в справке и мамино имя совпадали. Это тоже судьба.

Наконец, мы попали в деревню Большое Озерецкое. Это по дороге из Витебска в Сенно. Там жила бабка Платониха. Она пустила нас к себе жить. Рядом жила молодая женщина Брончиха. У нее было двое детей. Она к нам очень хорошо относилась.

Мама, молодая горожанка, устроилась пасти коров. Много было военных, попавших в окружение, ходивших по лесам. Они стали подходить к маме. А мама в это время познакомилась с Леоновым. Он формировал партизанский отряд. Сейчас в Витебске есть улица, которая носит его имя. И мама этих людей отправляла к Леонову. Так она стала связной в его партизанском отряде. Потом отряд перерос в партизанскую бригаду.

Мы пробыли в партизанском отряде с августа 1941 года до декабря 1942 года. Когда началась блокада партизанских зон, нас решили переправить за линию фронта. Правде, маме предлагали остаться в отряде. Но она сказала, что где будет дочь, там – и она. Наш переход длился почти три недели. Шло много людей, у нас был проводник.

В начале 1943 года попали в Торопец. Потом мы оказались с мамой на Урале на станции Монетной. В 1944 году папа разыскал нас и прислал свой офицерский аттестат. Один раз в месяц мы ходили на базар, покупали хлеб, бидон молока, и мама для меня сто граммов хороших конфет покупала в буфете железнодорожной станции. Это я тоже запомнила на всю жизнь.

Когда папу демобилизовали в 1946 году, он приехал к нам на Урал. Пользовался там большим авторитетом, первый вернувшийся с войны офицер. Воевал под Сталинградом, был контужен. Ему предлагали должность главного бухгалтера на золотых приисках. Но его тянуло на родину.

Мы вернулись в Витебск.

Окончила школу. Работала на заводе. Вышла замуж, родила сына. Заочно окончила педагогический институт и 32 года отработала в школе».

К началу войны Евгению Иосифовичу Мацкевичу исполнилось семь лет, и конечно, на его собственные воспоминания

наложились послевоенные рассказы мамы о событиях августа 1941 года.

Отца Евгения Иосифовича репрессировали в 1937 году. Его жена Зинаида Антоновна от греха подальше с детьми уехала в пригородную деревню Поляи. Когда наши войска отступали, к Мацкевичам пришли три человека. Они дали задание Зинаиде Антоновне следить за перемещением немецких войск, за появлением новой техники и обо всем рассказывать председателю сельсовета. Говорили: «Ты подозрения не вызовешь — муж репрессирован Советской властью, будешь ходить в Витебск с детьми, как будто обменивать продукты на вещи или наоборот».

Однажды Зинаида Антоновна с сыном в очередной раз отправилась на Могилевский базар. И попала в облаву. Немцы построили людей в колонну и повели в сторону Нового моста.

Женя Мацкевич и его мама были брюнетами, и немцы кричали на них: «Юде! Юде!».

Семилетний Женя уже понимал, что слово «юде» означает смерть. Он заплакал: «Я не юде, я — поляк». Во время войны дети взрослели не по годам быстро. Немецкий офицер услышал крики мальчика и что-то сказал солдату. Тот выхватил Женю из колонны. «Мама, — закричал мальчик, — вот моя мама». Зинаиду Антоновну тоже выхватили из колонны.

На берегу реки, рядом с мостом, немцы собрали евреев из гетто, людей, пойманных во время облавы, сюда же пригнали военнопленных.

Всех разделили на две группы.

«Кто переплывет на другой берег, останется в живых», — сказал эсэсовец и, чтобы нагнать больше страха, выстрелил в воздух.

Кто умел плавать и кто боялся даже входить в воду, бросились в Двину. По слишком энергичным пловцам стреляли немцы.

Это была или запланированная показательная акция устрашения, или офицеру-эсэсовцу захотелось развлечься, а тут евреи, военнопленные.

Другую группу людей погнали в сторону Витьбы к ветеринарному институту.

В гетто оказалась 90-летняя Лейрана Шевина. Одиннадцать ее детей были коммунистами. Когда фашисты узнали про это, они жестоко расправились со старой женщиной.

У Бориса Зисерсона было шестеро детей, и все получили образование, пошли работать, стали достойными людьми. Когда началась война, оба сына Бориса ушли на фронт. Самуил погиб в первые же месяцы войны, где-то в районе Смоленска. Израиль прошел всю войну, воевал под Москвой, освобождал Польшу и закончил в Германии. Награжден орденами, медалями.

Борис с дочерьми Дорой и Хайей остался в Витебске. Дора окончила Витебский еврейский педагогический техникум и работала в школе, Хайя была бухгалтером. Впрочем, в гетто, куда они попали с отцом, никто не интересовался их специальностями. Выжили те, кто были сильнее, решительнее. Дора и Хайя совершили побег из гетто и перешли линию фронта. После войны они вернулись в Витебск.

Борис остался в гетто и погиб. Но последний час он встретил спокойно, вместе с ним в этом аду не было его детей.

Узенькая ветхая лесенка вела к реке. Наверху деревянная будка, шлагбаум. Люди пытались чаще спускаться к воде. Они старались много пить и тем самым заглушить чувство голода. Иногда полицаи не обращали внимания на тех, кто спустился к Двине, а бывали случаи, когда стреляли. Немало людей полегло на берегу.

Люди не выдерживали, в гетто появились сумасшедшие. Один из них, старый еврей, чью семью расстреляли во время переправы, все время кричал, когда видел людей, набирающих речную воду: «Не смейте пить, это кровь моего Янкеля». Фашист, который вначале, усмехаясь, смотрел на сумасшедшего, не выдержал этих криков и застрелил старика.

Создавая многотысячное гетто, оккупационные власти понимали, что ликвидировать его придется по частям. А для этого понадобится подходящее место, куда можно будет систематически вывозить узников на расстрел. Таким местом стала противотанковая траншея, вырытая витеблянами вдоль левого склона Иловского оврага в первые дни войны.

Безусловно, место для массовых расстрелов фашисты выбрали неслучайно, учтено ими было все: район находится за городом, а значит, убивать можно скрытно, подальше от свидетелей; не нужно рыть могилы, к тому же, траншея достаточно глубокая, и можно будет уложить в нее не одну тысячу обреченных; расстояние от города до оврага лишь пару километров, поэтому доставка узников к месту казни не потребует много времени; наконец, расход топлива на их перевозку будет небольшим.

Первые расстрелы в противотанковом рву у деревни Иловка происходили в конце июля 1941 года, еще до прихода айнзацкоманды-9. Об этом свидетельствует Мария Игнатьевна Прохорова:

«Вместе с Павлиной Константиновной Болейшиц шла в совхоз Журжево. В двух километрах от совхоза Тулово мы видели раздетых донага людей, поставленных на краю ямы по 10 человек в ряд. Мы были свидетелями, как этих людей расстреливали немцы из пулеметов. Мы проходили от места расстрела в 500 метрах. На наших глазах одна раненая женщина убегала от ямы в поле. Она была совершенно нагая. Немец нагнал ее на поле и на месте убил. В тот же день гражданин Болейшиц Константин Константинович ходил в город за солью. По дороге его задержали и заставили зарывать расстрелянных. Расстрелы продолжались при нем. Когда мы были в доме Болейшиц Казимира, он, вернувшись к 11 часам ночи, под секретом сообщил нам, что в этот день было расстреляно 300 человек. Расстрелянные были зарыты в две большие ямы, заранее приготовленные. По его словам, детей бросали в ямы живыми. Некоторых детей немцы брали вдвоем за ноги и разрывали на части. Многие расстрелянные падали в ямы ранеными и были зарыты. Над ямами стояли вопль и стоны истекающих кровью еще живых людей. Когда их засыпали землей, земля превращалась в кровавое месиво, так как сотни людей в страшных муках ворочались в ямах. После того, как ямы зарыли, земля долго вздрагивала. Через несколько дней я сама видела торчащие из ямы руки, ноги, земля была потрескавшаяся. Видно было, что люди уми-

рали мучительной смертью, силясь вырваться из-под тяжести насыпанной на них земли».

Попытка оккупантов натравить местное население на евреев снова провалилась: «Инспирировать погромы против евреев, – сообщалось в Берлин 3 августа 1941 года, – все же до сих пор... оказалось невозможным».

3 августа молодежь из гетто отправили на работу. Хотя немцам уже не верили, но люди хотели иметь хоть какую-нибудь надежду – это единственное, на что они могли рассчитывать. И на работы за пределами гетто шли в надежде встретить кого-то из довоенных знакомых, которые помогут убежать, укрыться.

Через пару дней в гетто стало известно: всех расстреляли в районе известкового завода в поселке Верховье.

Семья Лебедевых жила в самом центре города, в полуподвальном помещении во дворе кинотеатра «Спартак». Глава семьи Лебедев Константин Ануфриевич был одним из руководителей городского почтамта. Его жена Бисер Софья Исааковна, коренная витеблянка, воспитывалась в детском доме. К началу войны работала медицинской сестрой в больнице.

В семье было две дочери: Людмила – 1931 года рождения, и Тамара, на два года моложе ее.

Вспоминает Тамара Константиновна Лебедева (Шайбель): «Отца в армию не взяли. Когда немцы подступали к Витебску, он пришел домой и сказал: "Я закрыл почтамт на замок".

Эвакуироваться наша семья не стала. Отец попытался увезти всех в деревню Вороны, это недалеко от города, там жили его родители. Но недолго мы побыли там. Соседи стали шушукаться, мол, евреи живут рядом. Стало опасно там находиться, и мы вернулись. Отец все время был с нами.

Мамина сестра Паша до войны вышла замуж за военного. Он был на фронте, и Паша с грудным ребенком переехала к нам. Ребенок вскоре умер.

В августе или сентябре отец решил нас спрятать. Ему стало известно, что кто-то из соседей донес про нас немцам. Но полицаи опередили его и в четыре часа утра пришли к нам домой.

Арестовали маму, тетю Пашу и отца. Нас с сестрой не тронули.

Сестре Людмиле рассказали, что маму и тетю забрали в гетто. Она утром побежала туда. Увидела маму в грузовике, который увозил людей. Теперь я понимаю, что увозили их на расстрел. Мама чувствовала это и кричала дочке: "Уходи отсюда". Сестра долго бежала за грузовиком, но, переехав мост через Западную Двину, машина скрылась из вида. Больше мы маму и тетю Пашу не видели.

Отец вернулся домой через две недели. Его держали в тюрьме. Пришел весь избитый, в синяках и кровавых подтеках.

Эти две недели нас сестрой подкармливали соседи. Отец снова увез нас в деревню. Потом мы вернулись в Витебск. Так и жили, то в деревне, то в городе.

Отец деньги на еду добывал тем, что варил гуталин, разливал его в маленькие баночки и продавал на базаре. Потом он женился второй раз на Ольге Карловне, польке. Ее мужа немцы расстреляли. У нее не было своих детей, и к нам она относилась хорошо.

Перед освобождением Витебска нас забрали в концлагерь "5-й полк". Взрослые копали окопы, дети укладывали дерн. Кормили какой-то баландой. Когда немцы стали отступать, они сделали так: по дороге шли их войска, потом узники, потом снова их войска, потом узники. Решили, что советские самолеты не станут бомбить. Но наши бомбили все равно. Я это хорошо помню. Мы разбегались по кустам, прятались. Однажды я потерялась. Отец с моей сестрой и мачехой уже вернулись в Витебск, а я все странствовала. Наконец, меня подобрали уже наши войска, приютили в медсанбате. С первой же машиной отправили в Витебск. Привезли прямо к дому. Меня не видели две недели и решили, что я, наверное, погибла».

Вскоре после своего прибытия в Витебск руководитель айнзацкоманды-9 Альфред Фильберт начал отдавать приказы о проведении еврейских расстрелов. В первые десять дней было проведено не менее двух акций, в каждой из которых было расстреляно более 100 человек. Служащие полицейского взвода использовались в качестве команды заграждения (блокирования)

места расстрела. В качестве стрелков использовались чиновники гестапо из полицейского реферата... На сборном пункте жертвы должны были снять с себя верхнюю одежду, и затем, группами по десять человек, их доставляли к месту расстрела. Расстрел во время первой акции осуществлялся с применением карабинов, во второй акции — с применением автоматов выстрелами в затылок и беспорядочной стрельбой. Теперь отказались от завязывания глаз жертвам, также не обращалось больше внимание на то, чтобы место убийства было вне видимости жертв, находящихся на сборном пункте в ожидании расстрела. Обе акции проводились по прямому приказу А. Фильберта.

В начале августа 1941 года Христина Павловна Гавриленко жала рожь в поле у Иловского оврага. Ближе к полудню она увидела гитлеровцев, которые гнали колонну евреев. Палачи стали прогонять местных жителей, грозя им автоматом: «Не уйдете отсюда — убьем». Потом Христина Павловна слышала одиночные выстрелы и автоматные очереди, а после обеда, когда она вернулась обратно, увидела, что траншея, проходившая вдоль Иловского оврага, недавно была закопана. На земле валялись документы, одежда, фотокарточки расстрелянных.

В августе машины стали все чаще и чаще останавливаться около Иловского оврага. Во время одного из расстрелов палачи заставили раздетых догола людей танцевать.

«28 августа 1941 года, — свидетельствовал Мефодий Егорович Федосенко, — я охранял бывший колхозный огород и увидел, как стали на машинах возить советских граждан. Не довозили до Иловского рва 150—200 метров, высаживали и партиями водили по 10—15 человек через кусты к Иловскому рву. Были слышны выстрелы. Сначала я полагал, что немцы обучают молодежь стрелковому делу. После того, как прекратилась стрельба и уехали машины, я решил посмотреть, что они там делали. Подошел к Иловскому оврагу и увидел зарытый противотанковый ров. Тогда я стал копать и увидел трупы. Ров мною был обмерен: длина его была 43 шага, ширина 2 шага, глубина около 2 метров. Оглянувшись, я заметил в сторонке от рва дым. Когда подошел, увидел, что там догорала одежда и много валялось

разных документов, часть из них была просмотрена, фамилии были все еврейские, большинство – интеллигенция: учителя, врачи, студенты и другие профессии».

Он же видел, как к Иловскому оврагу фашисты пригнали военнопленных. Большую часть из них составляли командиры Красной Армии. Всех было человек пятьсот. Их расстреляли там же, в яме.

Однажды к этой траншее привели трех русских людей. Один был хромой, двоих вели со связанными руками. Скорее всего, это были подпольщики. И снова прогремели выстрелы над Иловкой.

Зинаиде Федоровне Шабашовой (Селезневой) было в 1941 году одиннадцать лет. Она жила с родителями, братьями, сестрами в небольшом поселке Тулово. Их дом находился на перекрестке дорог в пятидесяти метрах от того места, где она живет сегодня.

Зинаида Федоровна Шабашова (Селезнева) вспоминает: «Мы, деревенские мальчишки и девчонки, пасли на лугу за деревней коров. Немцы вряд ли заметили нас, а мы видели, как к Иловскому оврагу подъехала крытая черная машина. С кузова выталкивали детей. Потом их заставили раздеться. Мы слышали выстрелы. Когда машина уехала, мальчишки сказали: "Давай сбегаем, посмотрим". Увидели траншею, идущую вдоль оврага, присыпанную землей. И земелька тряслась. А невдалеке лежала куча детской одежды. От нее шел дым, одежду сжигали. Я испугалась, убежала и больше к тому месту никогда не подходила.

Около Иловского рва было засеяно поле, наши бабы гряды пололи. Однажды они услышали, как кричала женщина: "Спасите, спасите", а потом услышали выстрелы.

Днем в нашей хате двери всегда были открыты. Мы были в коридоре, а в нашем доме – немцы. Их много было в Тулово, воинская часть здесь стояла, и кухня со столовой была, и танцы они по вечерам устраивали. Вдруг к нам зашел человек в окровавленном ватнике. И к моему отцу: "Дяденька, спрячь меня как-нибудь, может, на чердаке". А как его спрячешь, если немцы кругом? Да и видели они, наверное, как он заходил в наш дом. Папа отдал ему свой ватник, а его, окровавленный, закопал. И сказал, что не может его спрятать. У

него полный дом детей, а за это всех расстреляют. Ушел этот человек. На улице его поймали, может следили за ним, и тут же расстреляли».

Евдокия Николаевна Бавтуто жила недалеко от оврага. В один из дней она услышала плач и решила выяснить, в чем дело. Когда подошла, увидела трех женщин, которые переворачивали трупы. Они сказали, что ищут свою сестру, которую фашисты арестовали и расстреляли за то, что была партийной и орденоносцем. Они хотели бы похоронить ее по-человечески. Наверху лежало 60—70 трупов, забросанных навозом. Это были женщины, мужчины, дети. После долгих поисков труп сестры был найден. Отвезти его в город и похоронить на кладбище не было никакой возможности. Это было очень опасно. Женщины в этом же овраге выкопали могилу и похоронили расстрелянную.

На одну землю пролилась кровь людей разных национальностей, людей, даже не знавших и не слышавших никогда друг о друге. Теперь эта земля стала общей памятью о них.

Существует несколько версий происхождения названий Иловка, Иловский овраг. Одна из этих версий имеет отношение к евреям. Здесь проходил Тадулинский тракт, который вел к церкви, стоящей на берегу озера недалеко от местечка Яновичи. Летом там собиралась большая ярмарка. Одним из самых приметных мест на этом тракте была лавка старого Гирши. Никто мимо лавки не проходил, обязательно заглядывали и делали покупки. Отсюда, как предполагают, и возникло название хутора. Достопримечательностями деревни были ярмарка И ЛАВКА.

Как ни жутко об этом писать, оккупантами учитывалось все. Звериное лицо фашизма, умноженное на немецкую педантичность и обстоятельность, дало дикое, варварское сочетание. Согласно разработанному гитлеровцами положению, верхняя одежда людей, идущих на расстрел, складывалась в одну стопку, нижняя — в другую, обувь — в третью. Как показывал на допросах в 1945—1946 годах бывший бургомистр Витебска В. Родько, «имущество расстрелянных было изъято и перешло в собственность немецкой армии».

Все ценности и часть одежды лучшего качества были высланы айнзацкомандой в Берлин в адрес своего управления. Большую часть расхитили сотрудники СД и полицаи.

Об этом говорил на допросе 25 января 1946 года бывший сотрудник горуправы М. Рогулько: «Имущество еврейского населения, после его истребления, оккупанты считали собственностью немецкой армии. Небольшую часть одежды передали городскому управлению, и я отдал указание оценить ее и реализовать через комиссионный магазин».

Представители «нового порядка» не гнушались тем, чтобы извлечь как можно больше выгоды из трагедии народа. Они стремились прибрать к рукам все, до копейки, что было нажито людьми за долгие годы. Уже в сентябре 1941 года, сразу же после создания гетто, горуправа составила списки домов, принадлежавших евреям. Затем последовал приказ по жилотделу о проведении до 1 января 1942 года инвентаризации всей принадлежавшей им жилплощади. В сводном «Отчете о продаже еврейских строений» читаем, что во второй половине 1941 года за продажу домов только лишь с 13 улиц было выручено 24214 рублей 20 копеек. За первые месяцы 1942 года строения, расположенные на 9 улицах, были проданы за 28092 рубля. В этом же документе читаем дальше: «За проданное бывшее жидовское имущество к 10.04.42 года составляет сумму 233 тысячи 891 рубль 23 копейки. В этой сумме имеется 52 тысячи 306 рублей 20 копеек от продажи домов, остальное от реализации разного рода имущества... Указанная сумма перечислена 21.03.42 на текущий счет ф.(ин) о.(тдела) № 27/11 в общей сумме)»[55]. То, что названо «разного рода имущество», это детские кроватки, медные тазы, простыни и подушки, тарелки и кастрюли, пиджаки и шляпы. На продажу шло все, что могло принести властям даже копеечный доход, и подсчитывалась в жилотделе горуправы многотысячная сумма с точностью до копейки. В расчет не бралось только одно — человеческая жизнь.

Цинизму марионеточных «отцов города» не было предела. Деньги от продажи одежды они распорядились пере-

дать отделу социального обеспечения городской управы «с целью употребить их как пособие для инвалидов-беженцев». К тому же, этим хотели показать, что уничтожение евреев необходимо не только для того, чтобы очистить землю от неполноценной расы, но и приносит конкретную пользу. Как, например, в данном случае — помощь инвалидам. Правда, никто не видел тех беженцев, что получили помощь. Но зато многие слышали и про «честность» городской управы, и про ее «бескомпромиссность», и про ее «заботу» о местном населении.

В сентябре 1941 года из Берлина на «практику» в Витебское гетто, не без ведома А. Фильберта, прислали двух молодых эсэсовских офицеров. Эти выродки «специализировались на убийстве детей. Во время расстрелов они вырывали малышей из рук обезумевших матерей, и как только ребенок начинал плакать, выстрелом в горло убивали его, а потом тело бросали в яму».[56]

Те из узников гетто, у кого сохранилось хоть немного сил, пытались вырваться. Среди них была и Софья Иосифовна Гольдина (Голубовская). «Однажды, собравшись с духом и силами, я решила бежать. Думала спасти себя и принести хоть какую-нибудь еду родителям. Понимала, если не решусь на этот шаг, погибнем все. Меня подтолкнули снизу, и я перескочила через проволочное ограждение. Внизу стоял охранник. Я выхватила у него винтовку, отбросила ее в сторону и стала убегать. Наверное, охранник, не ожидавший от меня такой прыти, не сразу опомнился. А может быть, у него были другие причины, но он не погнался за мной и не стал стрелять вслед. Я бежала куда глаза глядят. Оказалась в деревне Вымно. Одна женщина дала мне иголку с ниткой, чтобы я смогла привести в порядок разорванную одежду. Другая — стакан молока с куском хлеба. Я выпила молоко, а хлеб спрятала и пошла обратно в город, надеясь передать хлеб родителям. Мне это удалось. Я неоднократно совершала такие рейды по окрестным деревням. Помню, как однажды принесла своим родителям несколько картофельных оладий.

Если охранники видели, что узникам передают еду, они прогоняли дающих, а в тех, кто не выполнял их команду, стреляли».

Не только Голубовская пыталась бежать из гетто. Такие попытки предпринимали десятки узников. Не всем удавалось выжить, даже выбравшись за колючую проволоку.

Сестры Бася, Хая и Соня Зельдины пытались уйти из гетто по туннелям городской канализационной системы. Однако гитлеровцы поймали несчастных и натравили на них свору овчарок. Тренированные псы разрывали женщин на куски...

Отец Льва Хаймовича — Михаил Рувимович, выходец из Польши, во время Первой мировой войны служил в царской армии ездовым в артиллерии. В 1918 году его часть перешла на сторону Красной Армии. В 1922 году красноармейцы попали на отдых в город Витебск, где Михаил Рувимович познакомился со своей будущей женой — Софьей Абрамовной Козлянской.

Семья была дружной, росло пятеро детей. Лева был средним. Хаймовичи жили недалеко от вокзала в тесной квартире, площадью 12 квадратных метров, и надеялись, что придет время и все наладится. В городе строились новые дома, и семья надеялась получить более просторное жилье.

На следующий день после объявления войны Михаила Рувимовича мобилизовали, он попал в зенитную батарею, которая отражала налеты фашистских бомбардировщиков на Витебск. Последний раз Лева увидел отца несколькими днями позже. Зенитчики меняли позиции и передвигались к железнодорожной станции, чтобы защитить ее от авианалетов и обеспечить эвакуацию витеблян. Михаил Рувимович на несколько минут забежал домой. Семья не смогла уехать, всего на один час они опоздали к последнему эшелону.

Михаил Рувимович погиб в октябре 1941 года под Можайском.

Мама и пятеро детей попали в гетто.

Вспоминает Лев Михайлович Хаймович: «Мне было двенадцать с половиной лет. В ночь с 29 на 30 сентября группа узников совершила побег из гетто. В этой группе был и я. Когда уходил, мама была без сознания, пятилетняя сестренка Дашенька — мертва, девятилетний брат Толик сидел обессиленный. Мама, все сестры и братья погибли в гетто».

Лева первым пролез под колючей проволокой, за ним —

двоюродная сестра Соня Кац и ее мама Хана, родная сестра Левиной матери. За ними ушли и другие люди. Выйдя из гетто, решили рассредоточиться. Хана повела детей вдоль берега Двины. Им удалось найти рыбака с лодкой. Женщина отдала ему припрятанное на черный день обручальное кольцо, и он переправил их на другой берег. Они пошли в сторону Лиозно, где жили их дальние родственники. Шли по ночам. К счастью, родственники были живы, и беглецы пробыли у них несколько дней. После этого Хана с детьми направилась на восток к линии фронта.

...К концу 1942 года бежавшие из гетто были измождены. Ночевать приходилось в стогах сена, а, если повезет, в банях. Питались подаяниями. Когда случалось, Хана шила (она была хорошей портнихой), и тогда их кормили. Подойдя к деревне, узнавали, нет ли там немцев, и только после заходили на окраину. Так беглецы шли от деревни к деревне. В одной из них погибла Хана. К крестьянке ворвались полицаи и стали забирать корову. Хозяйка плакала и умоляла ее оставить, у нее трое маленьких детей, которые умрут с голоду. Полицаи кричали, что у них приказ немецкого офицера, который они обязаны выполнить. И тут из соседней комнаты вышла Хана с гневными словами: «Наши придут, вы будете отвечать».

«А это кто такая?» — удивились полицаи. Они схватили Хану и тут же, возле крыльца, расстреляли. Левы и Сони в доме не было, они ходили в соседнюю деревню собирать милостыню. Когда дети возвращались, увидели, что хозяйка выбежала на крыльцо и машет руками, предупреждая об опасности. Дождавшись темноты, дети вошли в деревню и там узнали о гибели Ханы. Обливаясь слезами, Лева и Соня пошли дальше на восток.

В феврале 1943 года они подошли близко к фронту. Остановившись в деревне Облецово Тумановского района Смоленской области, стали дожидаться освобождения. Здесь русская женщина Анна Пахомова спасла еврейских детей от голода и от смерти. Она сама рисковала жизнью, ведь у нее было трое своих детей.

В деревне часто бывали облавы. Во время одной из них полицаи схватили Соню. Она выглядела старше своих лет, была

рыженькой, на еврейку не похожа. Ее не расстреляли, а вместе с другими, молодыми людьми, угнали в Германию. О том, что случилось с Соней, Лев узнал, когда нашел родственников, то есть спустя почти четверть века.

Когда освободили деревню, Лева весил всего двадцать семь килограммов. Потом был детский дом в Оренбургской области. После войны — школа юнг в Кронштадте. Выучился на радиотелеграфиста, стал хорошим специалистом, награжден шестью медалями. После службы Лев Михайлович окончил педагогический институт, работал учителем, военруком, директором школы в поселке Сенном Темрюкского района Краснодарского края.

Наверное, с годами, с опытом пережитого, к людям приходят осмотрительность и страх. Во всяком случае, в критические минуты дети были настроены куда решительнее своих родителей. Эти воспоминания написаны Григорием Залмановичем Темкиным, уже в Израиле, в 90-е годы. Но относятся они ко времени, когда Грише было 14 лет.

«Я родился 9 апреля 1927 года в Витебске. Мама — Темкина Рахиль Гиршевна, коренная витеблянка, 1895 года рождения. Жили мы в доме дедушки Темкина Хаима-Арье, по улице Троицкой (Куйбышева).

Мой отец — Темкин Залман Хаимович, 1895 года рождения, тоже витебский, плавал капитаном на пароходе на реке Западная Двина. Брал меня с собой на пароход двухлетнего. В 8—10 лет отец давал мне штурвал и говорил, что доверяет больше, чем любому члену своей бригады. Когда мне исполнилось 7 лет, меня отдали учиться в 23-ю среднюю еврейскую школу, которая находилась на улице Ленина, у моста через реку Витьба. Летом 1941 года я окончил пять классов.

...Началась война. Семьи речников, по-моему, 4 июля погрузили на баржу и хотели отбуксировать до Велижа. Ночью, когда отплыли, начался проливной дождь, молнии разрезали небо, от них было светло, как днем, гремела гроза. Не знаю почему, но вскоре, мы вернулись в Витебск. Узнали, что отец добровольцем ушел на фронт. Я с мамой остался в доме деда.

9 июля немцы подошли к городу, была слышна артиллерийская канонада. Мама сложила в противогазную сумку буханку хлеба, документы, подарок от дедушки — серебряные часы. Но когда мы уже собрались уходить, противогазной сумки не оказалось, ее украл мой ровесник — Нульев Михаил. Ушли на Сураж в чем стояли. Ночью увидели на небе отблески пожара — горел город. Нас догнали ехавшие на подводах мой двоюродный брат Айзик (1910 г.р.) с семьей, двоюродный брат Залман (1905 г.р.), Лиза Стерензат с тремя детьми. Мы добрались до Велижа и остановились в каком-то доме на ночлег.

Почему-то взрослые решили, что немцев отогнали от Витебска. Откуда они взяли такую информацию — не знаю. Но, раз так, можно возвращаться домой. Я умолял маму не делать этого, но был в одиночестве, меня никто не слушал. У мамы в Витебске оставалась любимая сестра Злата с тремя детьми, и она хотела вернуться.

Наш дом и соседние дома сгорели. Мы с мамой устроились на огороде в землянке, которую с отцом выкопали для бомбоубежища.

Я подкапывал картошку. Но пришла соседка и сказала, что огород мы обрабатывали вместе — две семьи, и урожай делим пополам. А так как картошка еще не созрела, ее копать нельзя, мы наносим убыток. Если не прекратим, она пожалуется немцам и нас расстреляют.

Евреям запретили жить на левом берегу Западной Двины. Мы с мамой пошли на правый берег и в районе пристани встретили своих родственников. Недалеко от моста стояла брандвахта. В ней нашли приют водники.

Немцы объявили, чтобы все евреи старше 14 лет пришли на работы. Собралось человек 300. Их отвели в Мазурино и расстреляли. Там погибли все мои родственники.

Я с мамой пробыл еще немного времени на брандвахте. Однажды появились немцы и убили 80-летнего отца жены моего двоюродного брата Залмана за то, что он не ответил им. А что мог ответить глухой человек?!

На правом берегу напротив Песковатиков находилось овощехранилище. Туда согнали евреев со всего город. Во

время переселения «отличился» наш сосед Владимир Бойко. Он сажал в лодку женщин с детьми, на середине реки избивал их веслом, они падали в воду, а их вещи Бойко забирал себе. Его расстреляли потом за мародерство.

За эти недели я усвоил, что если приказывали идти направо — надо было идти налево, если вперед — значит надо назад.

Руководствуясь этими правилами, я нашел аппаратную кинотеатра «1 Мая», который находился недалеко от вокзала. Там уже прятались семья Лейкиных из Ленинграда, Хая Стерензат — жена парикмахера Льва Стерензата, начальник отделения милиции с женой еврейкой и какой-то бессарабский еврей, который успел награбить в дни, когда в городе было безвластие, три ящика шоколада.

Те, у кого были какие-то вещи, меняли их на продукты, но у нас не было ничего. Еду можно было найти у солдатской кухни. Остатки отдавали нам. А мы несли ее в кинобудку. Заставили поделиться шоколадом бессарабского еврея, а взамен ему давали еду, которую приносили от солдатской кухни.

Начальник милиции сделал из каблука печать. У него были чистые бланки, и он выдавал липовые справки нашим военнопленным, а их было очень много.

Потом появился приказ, чтобы все евреи явились в Клуб металлистов — там было организовано гетто.

Я понимал, что в гетто идти нельзя — это смерть. Надо уходить из Витебска. Я был не очень похож на еврея, но не выговаривал букву «р». Мама совершенно не похожа на еврейку, но говорила по-русски с таким еврейским акцентом, что сразу становилось ясно, кто она. Тогда мы решили, что мама притворится немой.

25 августа в 5 часов утра по понтонному мосту, мимо немецкого часового, мы перешли на левый берег реки и вышли на Смоленскую дорогу. Ходило много побирушек, но немая женщина с ребенком вызывала особую жалость и нам подавали милостыню, пускали на ночлег. Мы шли день и ночь. К октябрю вышли к городу Рославль. Оттуда отправились в деревню Соболевка в 25 километрах от Вязьмы.

Был в деревне единственный колодец и он засорился, хотя был достаточно глубокий – более 50-ти метров. Староста приказал почистить колодец. Я ничем подобным не занимался, но делать было нечего. Меня опустили в колодец, даже без защитного деревянного бруса. Нужно было накладывать жижу в бадью, ее поднимали наверх, а грязь, которая выплескивалась при этом с высоты 40-50 метров, падала на меня. Все обошлось, и я добрался до воды. Каков я был, когда меня подняли из колодца, выразила жена полицая: «Надысь хоронили десантника, у него было такое же лицо, как у тебя сейчас». Но деревня получила воду, и староста подарил мне сапоги.

В деревне прятались окруженцы, которые пристроились к местным женщинам в «мужья». Заводилой у них был некий «Москвич». Когда я зашел к ним и сказал: «Подайте милостыню Христа ради», в ответ услышал издевательское: «Тр-роцкий. Керр-ренский» и злой смех. Они издевались над тем, что я картавил.

Я решил пойти в комендатуру. Рассказал, что мы беженцы, у нас неподалеку живет родня. Мне выписали пропуск, он был действителен всего на одни сутки. Этим пропуском мы пользовались продолжительное время, пока не выдали маме немецкий паспорт, где вместо фотографии значились приметы человека.

Один год и восемь месяцев мы находились под оккупацией. Красная армия освободила нас в марте 1943 года».

«Эта синяя тетрадь когда-то принадлежала витебчанке Дине Хотяновой. Будучи уже неизлечимо больной, она доверила бумаге свои воспоминания о пребывании в оккупированном Витебске, куда она пришла из-под Жлобина (где была на каникулах) в поисках родителей. Глазами 12-летней девочки мы видим разбитый город и опутанное колючей проволокой гетто. Дина осталась жива потому, что ее спасали и укрывали (зачастую рискуя собственными жизнями) простые советские люди.

“Я пришла в город 17 июля 1941 года, – пишет она. – Его трудно было узнать – весь в развалинах, пепелищах; безлюдные улицы, пустые магазины... Никогда не забыть мне тех страшных дней – исковерканного, оскверненного Витебска, где возле каланчи и Смоленского рынка стояли виселицы с повешенными”...

От соседки по дому девочка узнала, что родители Дины эвакуировались и что в городе остался ее дядя, который сейчас находится в гетто. Соседка накормила меня, дала кое-какую одежду и сказала, чтобы я приходила к ней. Но ночевать меня не оставила, объяснив, что тут есть люди, которые следят за всеми, и велела идти на ту сторону Двины, в Клуб металлистов. У меня не было выбора, и я пошла туда. Евреи были согнаны в клуб и прилегающие к нему здания. Охраны еще не было — только вечером на понтонном мосту стояли немецкие часовые; днем он не охранялся. Я пришла в клуб, где люди сидели, тесно прижавшись друг к другу; лежать было негде. С трудом пробираясь между ними, я искала кого-нибудь из знакомых. Тревожная, настороженная тишина висела под мрачными сводами помещения".

Наконец, Дина встретила знакомую женщину с двумя грудными детьми и шестилетней девочкой. "Женщина уступила мне одну полку в книжном шкафу, где я и разместилась. Начались страшные дни... Каждый узник гетто должен был пришить к своей одежде спереди и на спине круг из желтых лоскутков. Если человек с таким знаком попадался на улице или на мосту, над ним издевались. На моих глазах немцы заставили одного старого еврея переползти на коленях от одного конца моста до другого и, наконец, сбросили его в Двину. После этой страшной картины я дала себе зарок никогда не надевать на себя это "отличие"... Продукты я доставала у соседей и кормила семью, приютившую меня".

Помощь девочке оказывали соседки по дому, где Дина жила раньше и куда время от времени наведывалась из гетто. "В нашем доме жила пожилая русская женщина, которую звали Елена Ивановна. Муж ее был попом, его посадили, и она жила одна. Часто до войны я приносила ей хлеб, керосин и помогала, как могла. Теперь она стала помогать мне...

Иногда удавалось достать немного хлеба, чечевицы или черной фасоли... Елена Ивановна давала мне деньги, и я ходила кушать в столовую, которая находилась под мостом, возле каланчи. Обед стоил 70 — 80 рублей и состоял из супа и хлеба. Но там я ела очень мало, а сколько могла — уносила с

собой... Несколько дней я наблюдала такую картину: больная, не в своем уме женщина, которую все называли Бася, стояла с протянутой рукой и просила кусочек хлеба. Если кто ей подавал, то она пела песенку: “Ох, маленькая Нелли, побудь со мной”... Однажды, смеясь, немецкие офицеры дали ей пистолет, и она в упор убила одного из них, не понимая, что делает. Немцы набросились на помешанную, стали ее бить, потом застрелили, а труп бросили в Витьбу.

В гетто заканчивались продукты, и его обитатели стали умирать от голода... Люди, измученные голодом и болезнями, озверели и стали тащить друг у друга последние крохи. У полумертвых отбирали остатки вещей, снимали одежду...

Однажды в гетто пришло человек семь немцев и полицаев, которые потребовали несколько еврейских богомольных костюмов (вероятно, талесов – авт.), объясняя, что они нужны для артистов. Старики не хотели отдавать их, но после обыска полицаи отняли у них облачения, после чего детям и старикам было приказано идти в театр. “Я тоже решила пойти – меня привлекал не театр, а возможность вырваться из гетто. Когда мы пришли в театр, мне удалось убежать. Первой, к кому я пришла, была Елена Ивановна. Она встретила меня с испугом и удивлением, но очень обрадовалась. Накормила и стала уговаривать как можно скорее уходить из Витебска... Вернувшись в театр, я увидела конец постановки: будто бы к раввину во сне пришел Бог и позвал евреев на тот свет. После постановки полицаи зааплодировали и стали петь частушки: “При советской власти пахали тракторами, а при немцах – жидами”...

Так потекли дни. Через лаз в “колючке” Дина пробиралась на огороды за овощами или на сгоревший пивзавод за патокой. “Однажды во время такой прогулки я встретила соседку – медсестру тетю Нюру Юдашкину, которая помогла мне с продуктами и уговаривала уходить в деревню. Она научила меня говорить, что отец мой русский и находится в плену, а я его разыскиваю”...

Немцы наглухо закрыли выход из гетто. “Два дня я была голодной. Выхода не было... 22 августа послышался шум с вок-

зала – это немцы гнали большую колонну наших измученных пленных. Женщины бежали за ними следом, надеясь что-то узнать о своих. Колонна продвигалась к гетто. Я поняла, что это мой последний шанс спастись. И решила лучше принять смерть от пули, чем умереть от голода".

Дина вылезла в одну из дыр в заборе и присоединилась к колонне, после чего дошла до дома, зашла к соседке и сказала той, что уходит в сторону Жлобина.

Во дворе Дина встретила знакомого мальчишку, который пообещал вывести ее из города. "Он сожалел лишь о том, что я похожа на еврейку и не могу быть в Витебске. Потом Шура сказал мне, что у него есть граната и что он будет бороться с фашистами сам; что он уже сейчас вредит им, прокалывая шины у машин, которые стоят у нас в садике. Мы расстались с ним на развилке шоссе Орша – Смоленск в два часа дня".

Так окончилось ее пребывание в оккупированном Витебске...

В июне 1945-го Дина вернулась в Витебск и стала разыскивать тех, кто помогал ей в годы войны. Оказалось, что Елену Ивановну за укрывательство евреев и партизан расстреляли фашисты; мальчика Шуру они схватили тоже. Дядя Гриша был в партизанах и сложил свою голову в бою где-то под Суражем. Единственной из знакомых, кто остался в живых, была медсестра Нюра Юдашкина...»[57]

8 сентября 1941 года заведующий жилотделом горуправы Голосовский писал начальнику отдела охраны Витебска: «По Нижне-Петровской улице (ныне Комсомольская – авт.) возле новой бани, на углу рядом со сгоревшим домом в подвале, находится пять жидовских трупов, а поэтому прошу сделать соответствующие распоряжения об уборке таковых».

Возможно, речь идет о пяти узниках гетто, которым каким-то чудом удалось вырваться из-за колючей проволоки. Но обессиленные, измученные голодом и болезнями люди не смогли далеко уйти. На это просто не хватило сил. И они спрятались недалеко от гетто в подвале дома, который и стал их последним убежищем.[58]

Следователь уголовного отдела Витебской горуправы Романовский в эти же дни сообщает начальнику витебской тюрьмы:

«Направляется жидок Зингер Иохим для содержания под стражей до распоряжения».

Еще и сегодня не высказаны все слова благодарности тем мужественным и благородным людям, которые спасали евреев, рискуя собственной жизнью. Они делали это осознанно. Приведем документ, хранящийся в Витебском госархиве. В своем распоряжении от 24 октября 1941 года комендант полевой комендатуры (V)244 полковник фон Швайдниц объявлял: «Я наказываю Варвинского Михаила, арестованного 21.10.41 в Витебске, на 1 месяц тюрьмы, потому что он в письменной форме присягал перед горуправой, что эта еврейка – русская, хотя ему было известно ее еврейское происхождение. Этим фальшивым заявлением он хотел помочь еврейке при установлении ее личности».

В семье Мойши Берковича Гиндерова и его жены Сони жила домработница Ефросинья Силантьевна Тимошенко. Родилась она в селе Большая Ржавка Велижского района. Рано умерла мать, жених ушел с белогвардейцами, и, не поладив с мачехой, Фрося подалась в город. В это время Соня Гиндерова заболела туберкулезом, и семья решила взять домработницу. Впрочем, это слово совсем не подходит для Фрузы – она была членом семьи, а после смерти Сони полностью взяла на себя хозяйство.

3 июля 1941 года Мойшу Гиндерова призвали в ополчение. Хая по совету отца – ей шел тогда девятнадцатый год – уехала с соседской семьей Юдкиных в местечко Колышки.

Там она пробыла почти до конца июля. Когда в местечке появились гитлеровцы, Юдкины сказали Хае: «Иди в Витебск к Фрузе, там ты сойдешь за русскую». По дороге Хая встретила Фрузу, которая уже шла ее разыскивать, и они вместе вернулись в Витебск.

После того, как евреев загнали в Клуб металлистов, дом Гиндеровых занял полицай со своей семьей. Его жена хорошо относилась к Фрузе и иногда давала ей вещи Гиндеровых, которые Фруза передавала в гетто. Фруза приносила в гетто и еду, которую отрабатывала у знакомых крестьян в Иловке.

Иногда Хая сама надевала поверх одежды с желтыми латами

свитер и украдкой, чтобы никто не видел, уходила к Фрузе. Та давала еду, и Хая относила ее в гетто бабушке и тете.

Фруза видела, как в Иловку пригоняли евреев, приказывали копать ямы, а потом расстреливали. Она знала, что крестьян сгоняли засыпать ямы. За это им давали полотенца и мыло, которые гитлеровцы заставляли евреев брать с собой «на работу». Фруза предупредила Хаю, чтобы на работы она не ходила.

Каждое утро в гетто вывешивали списки людей, направляемых на работы. 2 сентября 1941 года Хая оказалась в этих списках. Она снова поверх одежды надела свитер и украдкой вышла из гетто. Бабушка и тетя остались там.

Идти Хае некуда было. И она пошла к Фрузе, которая спрятала ее за уборной в кустах крыжовника. Оставаться на улице было опасно. Рано утром Фруза решила пойти к себе на родину, в деревню Большая Ржавка, и спрятать Хаю в доме своих родителей. Проходя мимо гетто, они увидели бабушку, которая сидела, закутавшись в одеяло. Но окликнуть ее побоялись. В деревне Фруза сказала отцу, что Хая — ее дочь. В Большой Ржавке было спокойно, немцы появились там лишь пару раз.

Беда не приходит одна. Ослабленная Хая заболела тифом. Фруза не спала ночами, выхаживая ее.

2 февраля 1942 года Большую Ржавку освободила Красная Армия. Образовались знаменитые «Суражские ворота». Фруза с Хаей ушли на Большую Землю. Причем, Фруза взяла с собой и 17-летнюю Машу, дочь арестованного немцами деревенского старосты. Добрались до Вольска. Девочки учились в ФЗУ. Фруза подрабатывала. После окончания училища Хаю направили на работу в город Саратов. Там она вышла замуж, туда же переехала и Фруза.

Она жила вместе с Хаей (Анной) Гиндеровой (Качановой) до самой смерти. Умерла Фруза в Саратове в январе 1980 года.

Софье Яковлевне Сарак удалось бежать из гетто накануне его ликвидации. Она предполагала добраться до деревни Орехово, где жила ее знакомая, попросить у нее кое-какие продукты и отнести обратно в гетто умирающим от голода родственникам.

Когда она возвращалась, увидела свою бывшую соседку Клавдию Осиповну Белоусову. Как оказалось, Клавдия Осиповна специально ждала ее, чтобы предупредить — в гетто идти нельзя.

Почти девять месяцев Белоусова, Старовойтова, Ильины прятали С.Я. Сарак, делились с ней куском хлеба. Потом Старовойтова и дочка Клавдии Осиповны Белоусовой Шура прошли с Софьей Яковлевной тридцать шесть километров через леса и болота, чтобы вывести ее за линию фронта.

Розу Брускину прятали в Витебске от фашистов ее одноклассники Тамара Ломоносенко и Василий Солодкин. Совсем недавно они ходили в одну школу, стоявшую на высоком берегу Западной Двины. Гуляли, мечтали, сдавали выпускные экзамены. Ни в одном сне не могло им присниться, что буквально через несколько месяцев жизнь примет у них еще один самый трудный экзамен — на человечность, на порядочность. И они выдержат его с честью. Сначала Розу Брускину прятали в деревне Толкуны, потом в Витебске. А когда стало совсем опасно, достали документы на имя Лидии Голубевой, и с ними девушка ушла на восток.

Друзья-одноклассники прятали и Михаила Берлина, красноармейца, попавшего под Витебском в окружение. Они выхлопотали ему «русские» документы на фамилию Кольцов. Для этого нужно было подтверждение двух свидетелей. Ими стали Владимир Козловский и Владимир Морозов. Казалось бы, чудом уцелевший человек должен был переждать время, отсидеться. Но Миша Берлин рвался в бой. Он уходит в Яновичи и пытается там организовать партизанский отряд. По местечку пошел гулять слух «о недобитом еврее, который, вместо того, чтобы схорониться, как мышь, поднимает людей на борьбу». Об этом узнали фашисты. Мишу арестовали и расстреляли.

Исай Хаимович Гауфман работал на маслозаводе и готовил оборудование предприятия к эвакуации. Посадив семью в эшелон, уходивший на восток, он остался в Витебске. Сражался в народном ополчении, оборонял город. Исай Гауфман не успел уйти из Витебска и остался в оккупированном городе. В один из дней он шел по Витебску и увидел женщину, которая

когда-то еще в «холостые» времена имела на него виды. Она решила отомстить Исаю за неудавшуюся любовь, подбежала к немцам, указала на него и закричала: «Юде, юде». Исай не был похож на еврея, немцы засомневались, что женщина сказала им правду, но Гауфмана все же арестовали и отправили в концлагерь «5-й полк».

В деревне Казаки, недалеко от Богушевска, жила женщина Домна Орлова. Видно, у нее и Исая были какие-то особые чувства друг к другу. Кто-то сообщил Домне, что Саньку (так его называли русские) посадили в лагерь.

Домна передала Гауфману, чтобы он держался и верил: она его спасет. Орлова стала в Казаках собирать подписи, что заключенный в лагерь Санька — белорус, его оклеветала женщина за то, что он на ней не женился. Его настоящая фамилия Гофманский Александр Григорьевич. Под заявлением подписались многие жители деревни, уж не знаю, как смогла их уговорить Домна Орлова. Немцы приняли заявление. Исая вызвал к себе врач и сказал: «Снимай штаны». Гауфман был необрезанный. И его выпустили из лагеря. Исай прожил в Казаках у Домны Орловой всю войну. Когда освободили Белоруссию и стали шерстить тех, кто находился на оккупированной территории, Исая Хаимовича на 1,5 года поразили в правах и выслали на станцию Узловую, теперь это в Тульской области (тогда относилась к Московской). Работал он в строительной организации.

После войны Исай Гауфман продолжал жить с Домной. Они вернулись в Казаки. Сначала Исай Хаимович был бригадиром в колхозе. Потом перебрался в соседнюю деревню и стал заместителем председателя колхоза «Сцяг сацыялізма». Там в 1959 году и умер. Похоронили его на Красном берегу.

После окончания фабрично-заводского училища швейников Евдокия Степановна Спиридонова (Пирожкова) работала на фабрике имени «КИМ». Когда началась война, 18-летнюю Дусю Спиридонову назначили командиром санитарного взвода МПВО. 9 июля, после вступления немцев в Витебск, Е.С. Спиридонова вместе с родителями уехала в деревню Трехнивку под Суражем. Там и началась ее подпольная ра-

бота под руководством А.П. Максименко, возглавлявшего спецгруппу МГБ.

Вскоре после начала оккупации Витебска знакомая Е.С. Спиридоновой попросила ее вывести евреев из города. Во время следующей встречи Евдокия Степановна сообщила знакомой, что есть возможность евреям спастись, и сказала, чтобы они собрались по дороге к Барвину перевозу. «И когда я пришла к условленному месту и времени, — писала в своих воспоминаниях Е.С. Спиридонова, адресованных на имя секретаря Витебского обкома партии Н.И. Пахомова, — их оказалось 25 семей. С помощью подруг я перевела их к своим подпольщикам на торфзавод "20 лет Октября", в полутора километрах от деревни Красный Двор, а оттуда они были переправлены за линию фронта в советский тыл».[59]

Е.С. Спиридонова одна из первых в июле—августе 1941 года создала подпольную патриотическую группу, которая активно действовала на протяжении всего времени борьбы против оккупантов. О мужестве этой девушки знали не только товарищи по подполью. Она была связной и разведчицей штаба Калининского и 1-го Прибалтийского фронта. Дважды была тяжело контужена и всякий раз после выздоровления снова возвращалась в строй. После войны Е.С. Спиридонова (Пирожкова) жила в Витебске. Потом с мужем Н.И. Пирожковым, бывшим партизаном отряда (позже — партизанской бригады) М.Ф. Бирюлина и детьми переехала на Украину.

К сожалению, наша попытка выяснить подробности уникальной операции по спасению витебских евреев, установить имена спасителей и спасенных оказалась безуспешной. Но главное — сам факт спасения десятков человеческих жизней. Подвиг, оставшийся в памяти Витебска.

Трудную полуголодную зиму 1941—1942 года Мовша Янкелевич Железняк, его жена Рахиль Мовшевна, дочь Эсфирь и двое ее детей прожили в своем доме на Песковатиках. Помогали соседи, особенно погорельцы Мешковские, которые жили в доме Железняков. Они продавали и меняли вещи на рынке и в деревнях. Добывали для всех еду. Когда спрашивали: «Где

Железняки?», уверенно отвечали: «Ушли в гетто». Иногда с проверкой приходили немцы и полицаи, но и им отвечали: «Евреев здесь нет».

Вспоминает внучка Мовши Железняка – Эмма Францевна Бабицкая (Никонова): «В кухне под столом был погреб, который накрывался ковриком. Если на улице был какой-то шум или стучали в дверь, дедушка с бабушкой сразу прятались туда.

Мама внешне не была похожа на еврейку, и ей удалось устроиться работать в больницу. Там она и познакомилась с врачом туберкулезного отделения Ксенией Сергеевной Околович. Именно она помогла достать русские паспорта для мамы и дедушки с бабушкой. В оформлении документов помогали и другие люди.

Ксения Околович была связана с партизанами, спасла многих евреев и советских военнопленных. В какой-то период, когда в городе участились расстрелы, облавы, мама с помощью Викентия Мешковского отправила меня и моего брата в деревню (не помню названия) к родственникам Мешковских – Жижневским. Там нам было очень хорошо. Мыли в деревенской бане, катали на велосипеде.

Потом мама нас забрала в город. Несколько раз у нас ночевали девушки-партизанки, которые приходили на задание. Помню имя одной девушки – Витя.

Ксения Сергеевна сказала маме, что нам всем надо уходить из города в партизанский отряд, а там нас переправят через линию фронта. Нам стали готовить документы, "аусвайсы".

Когда мама сказала бабушке и дедушке, что надо уходить к партизанам, они ответили, что им никто ничего не сделает плохого, что они не хотят бросать свои вещи. Мама была настолько разгневана, что взяла длинную палку и стала бить старинное трюмо, буфет с сервизами, люстру из стеклянных висюлек.

Бабушка с дедушкой притихли и согласились.

Первым ушел дедушка 20 мая 1942 года. Его сопровождали до самого партизанского отряда, который находился в 15 км от Витебска. Через несколько дней с партизанами ушла бабушка и последними пошли моя мама и я с братом, без сопровождающих.

Нас встретили за городом и проводили в отряд. Там мы увидели бабушку. А дедушка уже был отправлен к линии фронта. Ушли в лес еще несколько еврейских женщин – зубных врачей, которые тоже прятались в городе. Их привели уже позже нас.

Уже после войны в письме из Витебска нам сообщили, что через несколько дней после нашего ухода к партизанам к нашему дому подъехали немцы и расспрашивали о враче Бабицкой и ее детях.

В партизанском отряде работала НКВД. Нас несколько раз допрашивали, проверяли одежду, отрывали подкладки. Вещи у нас с собой были, но немного. Ведь мы шли, как бы менять в деревню вещи на продукты.

Потом нас переводили партиями от пункта к пункту, где не было немцев, размещали ночевать в деревнях. Иногда давали лошадь везти детей и тех, кому было трудно. Шли через леса, болота. Так перешли линию фронта. В каждом пункте работало НКВД, и всех проверяли.

Перед уходом из Витебска наши соседи продали наши вещи на советские деньги. У дедушки и у мамы было с собой по 30 тысяч рублей. В первом же партизанском отряде НКВД конфисковало эти деньги и у дедушки, и у моей мамы. В городе Калинине нас посадили на поезд, и мы приехали в г. Горький, где в эвакопункте встретились с дедушкой. Затем нас отправили в эвакуацию в Башкирию. Дедушка работал в колхозе сторожем, а мама – врачом. У нас не было ни денег, ни одежды. Мама написала письмо на имя Берии. Все деньги, которые у нас забрали в НКВД, вернули».

16 сентября 1941 года уголовный отдел Витебской городской управы издал приказ: «Всем гражданам нежидовского происхождения категорически запрещается пребывание на территории “ГЭТТО”. Одновременно всем жидам запрещается хождение по неуказанной им территории. Уголовный отдел города Витебска».[60]

Жил до войны в Витебске красивый и высокий парень Вася Корсак. Было ему лет двадцать пять. Работал он землемером. И жил с мамой почти в центре города в маленьком чистом домике. Перед самой войной Вася познакомился с еврейской девушкой

Идой. Она работала счетоводом. Ей было тогда около двадцати.

Нежная красота Иды приворожила Василия, и они поженились. Ида переехала жить к Васе, в маленькую комнатку за печкой. Они были самыми счастливыми людьми на Земле. А потом началась война, в город пришли фашисты. Ида оказалась в гетто. Вася просил ее: «Не иди туда. Я спрячу тебя. Никто не узнает, не найдет». «Не могу, — ответила Ида, — там мама, папа, сестры. Они подумают, что я их бросила». И она ушла. Через несколько дней к ней в гетто пришел Вася. Русский парень, который мог бы обходить гетто стороной и не думать, не вспоминать о нем. Но там была Ида — женщина, которую он любил. Василий Корсак остался в гетто. Фашисты расстреляли его вместе с тысячами других ни в чем не повинных людей.

Однажды фашисты проявили «заботу» об узниках — привезли мелкой гнилой картошки. Когда голодные люди, узнав о еде, кинулись к машине, конечно же, забыв о правилах хорошего тона, фашисты смеялись и фотографировали их. Потом они отправляли эти фотографии домой и писали, с каким диким народом им приходится иметь дело на Востоке.

От голода и холода ежедневно погибали десятки узников гетто. Однажды на улице умирала девочка 6—7 лет. Она лежала на куче тряпья, из горла вырывались какие-то хриплые звуки. Мать металась рядом и, обезумевшая от горя, кричала: «Кто-нибудь, помогите». Привели доктора, такого же узника гетто. Он посмотрел девочку, развел руки и сказал: «Дайте ей спокойно умереть». Потом рядом с девочкой села на землю старушка и стала молиться. Она говорила на идише: «Ты, безгрешная душа, сейчас окажешься перед Богом. Попроси у него за наших детей, за наших внуков... Пускай он облегчит их страдания».

Фрида Бенсман работала до войны врачом. Она не успела эвакуироваться. До самого прихода немцев, как могла, помогала больным. А когда решила уйти из города, было уже поздно. Фрида оказалась в гетто вместе с сыном Ромой. Другие брали с собой на черный день самое драгоценное, что было в доме: золотые украшения, деньги. Надеялись, а вдруг поможет. Фрида

взяла с собой на черный день флакончик с ядом. И спрятала его так же надежно, как другие прятали драгоценности. Она пыталась уйти из гетто. Но как это сделать, когда на руках ребенок? А оставить его одного? Об этом она не хотела даже думать. Когда Фрида поняла, что их ждет, она достала свою драгоценность — пузырек с ядом. Дала отпить сыну, а потом приняла яд сама.

2 сентября 1941 года немцы, решив развлечься, посадили в баржу около 150 человек и, когда она выплыла на середину Западной Двины, потопили ее. Обреченные пытались вплавь добраться до берега, но не тут-то было. Фашисты баграми добивали людей. Из 150 человек никто не спасся. В числе жертв оказались Лебентова, Каган, Лебенсон, Левенрад.

«Водные развлечения» были любимыми у фашистских изуверов. Река была рядом и, пользуясь этим, изощрялись в садизме. Это выдержка из газетной статьи, подготовленой в Москве, в Еврейском антифашистском комитете. Там писались многие газетные, журнальные тексты — часть из них публиковалась в СССР — на идише в газете «Эйникайт», они переводились на разные языки и отправлялись в Палестину, США, Канаду, Латинскую Америку, Австралию, страны Азии, чтобы мир знал о преступлениях фашистов на оккупированных территориях Советского Союза.

«Клуб металлистов в Витебске — одно из красивейших зданий. Немцы превратили его в мертвый дом. В городе знали, что тот, кто попал в это здание, назад не вернется. Отсюда было два пути: на дно Двины или в ямы Духовского рва. В этот дом пыток немцы сгоняли тысячи жителей города и окрестных деревень: заключенным не давали ни есть, ни пить. От голода, холода несчастные ежедневно умирали десятками и сотнями.

Пелагея Яковлевна Себешко, проживавшая в Витебске, рассказывает об изуверстве немцев:

— Вышла я на рассвете из дома к берегу Двины. Было очень тихо, вдруг послышались страшные крики и вопли. Прошла я два квартала и увидела неподалеку от бани толпу заключенных. Старики, женщины, дети. У берега стояли лодки. Немцы

загоняли в них по 8—10 человек. Люди отчаливали к противоположному берегу. Потом с середины реки раздались душераздирающие крики. Я посмотрела, и сердце оборвалось. Немцы встали на лодках и прикладами сталкивали людей в воду. Что только там ни творилось... Женщины прижимали к себе детей, цеплялись друг за друга.

— Я никогда не забуду, — продолжала Пелагея Яковлевна, — как с лодки поднялась молодая женщина с ребенком. Немец занес над ней приклад, а она вцепилась руками, хватается за штык. Откинулась назад и повисла над водой. А ребенок обхватил ручонками шею матери. Раздался выстрел, и оба они, и мать и ребенок, скрылись под водой...

А вот что рассказывает Максим Демьянович Баранов, проживавший в Витебске на 3-й линии:

— ...Немцы свезли на машинах к Духовскому рву до тысячи жителей. Взрослых людей немцы выстраивали в ряд. Ставили на край рва и расстреливали из автоматов. А детей бросали в яму живыми. Земля шевелилась, и немцы укатывали это место автомашинами. В тот день немцы расстреляли двух моих соседок»[61].

В конце лета немецким армейским службам стало известно, что в гражданских концлагерях, находящихся на территории Витебска, среди заключенных есть евреи. Гитлеровцы провели фильтрацию и обнаружили 397 евреев или людей, внешне похожих на евреев. Их передали «специалистам» из айнзацкоманды. Ни в чем не повинных людей обвинили в актах саботажа и даже в том, что они атаковали немецкие войска. И расстреляли, о чем сообщалось в донесении в Берлин 4 сентября 1941 года.

Фашисты придумывали пытки, изощрялись, как могли, чтобы не только унизить людей и показать превосходство арийской расы над «недочеловеками». Они пытались сломить дух узников.

Однажды вечером эсэсовцы пришли в гетто. Приказали первым попавшимся им на глаза мужчине и женщине раздеться и продемонстрировать половой акт. Когда из этого ничего не вышло, они расстреляли мужчину и женщину и, смеясь, пошли дальше.

На улице Гоголевской несколько евреев, запряженных в телегу, тянули бочки с водой. Одним из них был парикмахер Арон Волчок. Видно было, что тянуть бочку узникам не под силу, тем более, что дорога шла в гору. Но немцы на это не обращали внимания, они подгоняли людей и били их палками. Не выдерживая такой «работы», люди падали на мостовую. Вместо того, чтобы дать им передохнуть, палачи добивали упавших. На улице осталось лежать несколько трупов.

В довоенном Витебске многие знали Софию Исидоровну Ратнер. До революции у ее мужа Исаака Григорьевича Ратнера был богатый двухэтажный особняк в центре города, который стоит и поныне на улице Суворова под тем же № 7/8[62]. После революции семья Ратнеров оставила себе три смежные комнаты и коридор. Исаак Григорьевич умер в августе 1940 года, и София Исидоровна осталась жить в квартире с 6-летним внуком Витей Зархом и Надеждой Фоминичной Шидловской. В этом особняке разместилось также государственное учреждение, поселился учитель Лебедев с семьей и еще одна многодетная еврейская семья, а в годы войны некоторое время жил художник В. Хрусталев, человек порядочный, державшийся в стороне от оккупационных властей.

София Исидоровна получила хорошее образование. В молодости она была своенравной девушкой, открыто поддерживала социал-демократов, за что ее отчислили из гимназии. Родители[63] настояли, чтобы она продолжила образование в частном пансионе Ивановой-Заливкиной. София Исидоровна великолепно владела французским и английским языками, в совершенстве знала немецкий язык и литературу, историю Германии. Много лет она преподавала в художественном училище, вела уроки немецкого языка. К началу войны Софии Исидоровне было 72 года.

Надежда Фоминична Шидловская долгие годы вела хозяйство у Ратнеров. Ратнеры любили Надежду Фоминичну, как самого близкого человека, и называли ее Наденька.

За три дня до войны в гости к Софии Исидоровне из Ленинграда приехала внучка Атта Аскназий с мамой. Дедушкой Атты по отцовской линии был академик живописи Исаак Львович Аскназий. Жизнь этого художника в свое время тоже была

тесно связана с Витебском. Он дружил с родителями Ратнеров.

6 июля Атта Аскназий с мамой ушли пешком в Ленинград, забрав с собой 6-летнего Витю. Они сумели добраться до дома. София Исидоровна отказалась идти с ними, потому что боялась стать обузой для дочери и внуков, понимала, что с больными ногами далеко не уйдет и не даст уйти от фашистов остальным. «Вы идите, а мы останемся здесь втроем — я, Надежда Фоминична и Фаня Григорьевна» (Фаня Григорьевна Яппу — сестра И.Г. Ратнера. — Авт.), — сказала она на прощание.

Через несколько дней после прихода немцев в Витебск в квартире Ратнеров появились первые непрошенные гости. Пришел немецкий офицер. Он спросил: «Кто здесь живет?».

И София Исидоровна ответила ему на отличном немецком языке. Они говорили целых полчаса. Офицер удивлялся, откуда у этой старой еврейки, никогда не жившей в Германии, такой прекрасный немецкий язык. Немец держался учтиво с Софией Исидоровной, показывал ей карту Советского Союза и сказал, что через две недели германские войска будут в Москве, а с евреями будет покончено навсегда.

После этого дня София Исидоровна не произнесла больше ни слова по-немецки. Она говорила: «После того, что я услышала, я забыла этот язык и не хочу его больше вспоминать. На нем говорят убийцы».

Потом в квартиру стали ломиться разные «темные» людишки. Одни норовили что-то стащить, другие требовали вернуть несуществующие долги, третьи угрожали и требовали отдать все добро по-хорошему. Надежда Фоминична каждый раз, не открывая двери, говорила, что евреев в квартире нет.

Вскоре на квартиру Ратнеров пришли погорельцы. Они сказали, что теперь будут тут жить. Это были заведующая городской библиотекой Нина Баранова и Фруза Удалая, которая до войны приходила в дом к Ратнерам.

Когда появился приказ всем евреям переселиться в гетто, мудрая София Исидоровна все поняла. Она послала Надежду Фоминичну к доктору И.Е. Ривашу, другу покойного мужа, и попросила, чтобы ей прислали яд. Доктор И.Е. Риваш отпра-

вил снотворное и успокаивающее. Не мог он, врач, всю жизнь спасавший людей, убить кого-то своими руками.

Однажды в дом пришел немецкий офицер. Он потребовал отдать все дорогостоящие вещи Нине Барановой. Таких вещей оказалось немного. Немец был вне себя. Он вырвал из рук Софии Исидоровны сумочку, в которой были лекарства, и растоптал их ногами. Затем открыл сейф и стал доставать из него ценные вещи и раздавать их Н. Барановой и Ф. Удалой. София Исидоровна, обращаясь к нему, спокойно сказала: «Почему все одним?». Тогда немец сунул Надежде Шидловской посеребренные вилки и ложки. (После войны Надежда Фоминична передала их семье Аскназий).

Потом было гетто. Надя, как могла, помогала Софии Исидоровне и Фане Григорьевне. Приходила в гетто, приносила продукты. Где брала хлеб, свеклу, картошку? Недоедала сама. Относила то, что зарабатывала, и то, что выпрашивала у знакомых и незнакомых людей. Передавала продукты и Ф. Удалая. Она мыла полы, обстирывала немцев и часть заработка отдавала Ратнерам.

Сначала Надя свободно проходила в гетто. Потом ее предупредили, что будут убивать любого русского, которого поймают на территории гетто. Надя все равно приходила к своим друзьям. Однажды, когда она была в Клубе металлистов, вошел немец. Надю успели накрыть простыней, и немец ее не заметил.

Зато все замечала Надина соседка Н. Баранова. Пытаясь выслужиться перед немцами, она донесла на Надежду Фоминичну. Надю трое суток продержали в камере смертников, но, ничего от нее не добившись, отпустили. За это время Н. Баранова распродала все вещи, оставшиеся от Ратнеров, и деньги, естественно, забрала себе. Позже она переселилась в дом № 1 по улице Толстого.

Н. Баранова при новом режиме сделала карьеру. Стала организатором и директором городской библиотеки. Борец за «настоящую культуру», она не брезговала доносами. Главное было — выбиться в люди, добиться благосклонности новых хозяев. Н. Баранова достигла таких «высот», что смогла под-

писывать некрологи на убитых фашистских прихвостней рядом с такими известными предателями, как В. Родько, М. Рагуля.

Наде Шидловской появляться в гетто стало совсем опасно. Но она не могла оставить в беде людей. И, приходя на берег Западной Двины, садилась и ждала. Иногда Фаня Григорьевна Яппу умудрялась подходить к Наде, а однажды передала ей два письма.

Вот их полный текст: «Дорогие детки! Марусенька, Аточка, Витенька, Ниночка, прощайте. Умираю. Что мы тут переживаем в гетто, не поддается описанию: лучше умереть. Надя — единственный человек, который с наступлением катастрофы и до конца заботилась о нас с большим риском для себя. Она чистый, кристально чистый человек. И сохранилась такой, несмотря на жуткое окружение, грабежи, насилие, издевательства, подлости и предательства. Не забудьте этого никогда. Сделайте все для нее, что можете, если она будет нуждаться в чем-нибудь. Она для нас самый, единственно близкий, единственно родной человек нам. Дорогие, любимые, бесконечно любимые, прощайте. Живы ли вы все, этого не знаю. Ничего мы не знаем, что кругом делается, отрезаны от всего мира. Мы здесь с тетей Фаней. Плюс, конечно, все оставшееся в Витебске еврейство. Прощайте же еще раз, дорогие. Как тяжело расставаться с вами навсегда. Бесконечно любящая.

6.IX.41 г. МАМА

Мы еще живы. Наше гетто обводят проволокой. Мы обречены на голодную смерть.

8.IX.41 г.».

В тот же день София Исидоровна обращается с письмом к Надежде Фоминичне Шидловской: «Дорогая Наденька! За все спасибо. За все, что Вы сделали для нас в последние, самые тяжелые дни нашей жизни. Не плачьте о нас. Смерть — самый лучший, единственный исход для нас. Будьте здоровы, дорогая моя Наденька. Если господь Бог есть на небе, пусть благословит Вас, Ваших сестер и близких, пусть даст Вам дожить до лучших дней. Если увидите моих и Фани Григорьевны детей, расскажите им о наших последних минутах.

Любящая Вас София Ратнер».[64]

Сразу же после освобождения Белоруссии Надежда Фоминична Шидловская каким-то чудом разыскала Атту Абрамовну Аскназий в Ленинграде. Первое письмо Надежда Фоминична написала 13 ноября 1944 года. Она писала (сохраняем стиль автора письма): «13/XI.44 г. Дорогая моя Атуничка, я очень обрадовалась, что узнала про вас, что вы живы и здоровы... Про бабушку и тетю Фаню я все знаю до последнего дня их жизни. Они трагически погибли из-за проклятых, а писать все это очень тяжело, но немножко я тебе напишу. К двадцать восьмому июля 1941 г. было объявлено всем евреям (перебраться) на западную сторону Двины к 8 ч. утра. Поверь, моя дорогая, с каким чувством, со скорбью, я их провожала, а вернувшись домой, я без памяти сутки пролежала, им был отведен Дом металлистов, ну, там не было куда и палец всунуть, сели они около Двины на горке. Я им варила обед, носила, тетя Фаня меня встречала и брала у меня обед, и сама заходила к ним и все рассказывала, что дома делали новые хозяины. Это продолжалось так более месяца, а потом обнесли забором и колючей проволокой, и мне это угрожало тюрьмой и расстрелом, но я прокрадалась тихо, договаривалась с Фаней, она меня встречала и провожала, и ко мне приходила за продуктами, я ее провожала. Бабушку я видела за две недели до ихной смерти, крепко расцеловались, распрощались, и она просила меня не плакать, а помолиться Богу, так как я верующая. Чтоб им была смерть, а не мученье, расцеловались навсегда, вид ее был ужасный, с лестницы она не могла спуститься, а мне уже нельзя было к ней зайти, сразу там русских убивали, они очень за меня беспокоились, чтоб я не зашла к ним, а то меня убьют, всегда смотрели в окно и махали, чтоб я не подходила. Это продолжалось около 3-х недель, Фаня приходила ко мне за продуктами, последний раз была и обещала, у моей сестры Врублевской. Это было 7-го сентября 1941 г. Вид у ней был ужасный, плакали вместе, сердечно было все, и она говорила, что живет на свете только из-за бабушки. Я ее просила не оставлять.

И вот, моя дорогая, их начали вывозить 8—9 сентября 1941 г. и убивали, но слабых, таких, как бабушка, на месте расправлялись,

проклятые фашисты. Много есть что писать, тяжело напомнить, больше не могу.

Дорогая моя Атунька, когда тетя Фаня последний раз была у меня, принесла письмеца для меня от бабушки и для вас, письма эти прощальные, очень трогательные и благодарственные за мою услугу в тяжелое время и рискованность моей жизни, и я их сохранила, три года носила у себя на шее, прислать я его не могу, боюсь, чтоб не затерялись, только в руки отдам, весной, если буду жива, приеду к вам в Ленинград, повидаемся, много чего есть поговорить, все не напишешь.

Дорогая, любимая, про себя и описать не могу, как я осталась жива, стала стара и слаба, и всех растеряла, ни одной сестры не имею, одна осталась... В Витебск ехать незачем, все разрушено, сгоревши...

Крепко целую вас всех, пишите, жду ваших писем. Надя Шидловская».

На самодельном конвертике — штампы военной цензуры и почтовые штемпели с датами.

Надежда Фоминична с риском для себя хранила эти письма четыре военных года, не предав память близких людей — слишком драгоценными они были. Только в августе 1945 года, когда Атта Абрамовна Аскназий приехала в деревню Кривино под Бешенковичами, Н. Шидловская отдала ей письма из гетто. Даже трудно представить себе, какие чувства испытывали обе женщины...

В начале войны евреи из крупных городов искали прибежище у родственников в местечках. Когда начались массовые расстрелы, евреи из местечек стали убегать в крупные города. Они думали, что там, где живет много евреев, им удастся затеряться.

Блюма Тумаринсон пришла из Добромыслей в Витебск, где жили ее дети. Почему пошла на запад, а не на восток? В эти страшные дни не могла оставить детей одних, направление движения подсказывала ей не логика, а материнское сердце. Да и, кроме того, надеялась, что всех евреев не убьют. «Евреев в Витебске много. Что будет со всеми, то будет со мной», — так или приблизительно так говорила она своим довоенным соседям. Наивная вера в лучшее стоила ей жизни.

23 сентября. В городе задержаны трое евреев, живших вне гетто. Все трое были расстреляны на месте.

1 октября. Айнзацкоманда-9 подвергла «особому лечению» 52 еврея, которые перебрались из Городка в Витебск, где они «беспокоили население, распространяя слухи...»[65]

Какая трогательная забота о людях! Оказывается, их, чудом спасшихся от смерти, расстреляли в Витебске за то, что они тревожили людей, рассказывая им про ужасы нового гитлеровского порядка. Эти рассказы названы «распространением слухов», а расстрел — «особым лечением».

Конечно, сейчас можно говорить о том, что 52 городокских еврея, искавших спасения в Витебске, были наивными людьми и не понимали, что всюду, где хозяйничают фашисты, евреев ждет смерть. Но тогда, осенью 1941 года, куда им было пойти, где спрятаться? Конечно, и в Городке, и в Витебске были мужественные русские, белорусы, которые прятали евреев. Но их было немного. Большинство боялось за своих детей, их можно понять. В лучшем случае, они давали кусок хлеба и просили уйти, чтобы не навлекать гнев фашистов. А в худшем случае, и таких примеров было немало, за два килограмма соли, а то и просто за благожелательное похлопывание по плечу, сдавали фашистам своих довоенных соседей.

Не верьте тем, кто говорит, что в гетто все жили в ожидании смерти, были подавлены. Мол, поэтому не оказывали сопротивления. Да, с оружием в руках в Витебском гетто никто не выступал против ненавистных оккупантов. Оружия не было. Прямо скажем, из женщин, стариков и детей солдаты плохие, а мужчины были расстреляны в первые же дни. Но чувство собственного достоинства оставалось у людей. И было их единственным оружием. Подчас фашисты не понимали, откуда оно берется.

Жил до войны в Витебске извозчик Эля-Хаим Либенштейн. Любил своего коня, любил на праздник выпить сто граммов и еще любил, когда после работы его встречали внуки, усаживались на колени и просили: «Дед, расскажи сказку». Он рассказывал им сказки, которые слышал еще от своей бабушки, и гладил шершавой ладонью их головы.

Незаметно подросли внуки. И дед ждал их свадьбы, ждал, когда прибегут к нему правнуки и попросят рассказать сказку. А потом началась война. И 72-летнего Эли-Хаима Либенштейна, никого не обидевшего за свою жизнь, отправили в гетто.

Однажды, в конце сентября, когда уже выпал первый снег, в гетто пришел офицер СС. Ему, видимо, было скучно. Он хотел зрелища. Он хотел веселиться.

— Эй ты, старый жид, танцуй босиком на снегу, — сказал он Эли-Хаиму Либенштейну.

— Можно и босиком, можно и на снегу, — ответил старый извозчик. — Только перед тобой танцевать не буду. Много чести для тебя.

К несчастью для Э.-Х. Либенштейна, они хорошо понимали друг друга. Идиш и немецкий — схожие языки. Но даже если бы они говорили на совершенно разных языках, они бы все равно поняли, что между ними может быть только ненависть.

— Что ты сказал, юда? — фашист вытащил из голенища сапога металлическую трость, с которой ходил по гетто, и ударил старика по голове.

Э.-Х. Либенштейн сделал шаг навстречу фашисту и плюнул ему в лицо. В ответ из пистолета была выпущена вся обойма. Фашист продолжал стрелять, когда Эли-Хаим уже лежал на красном от крови снегу.

А через три года в Польше в бою под Кельцами смертью храбрых погиб внук Эли-Хаима Либенштейна 21-летний Иосиф, тот самый, который больше других любил слушать дедушкины сказки. Он отомстил за деда, за всю свою родню. И ради этого не пожалел даже собственной жизни.

Осенью на открытой машине несколько высоких немецких чинов объезжали гетто. Когда они проезжали мимо разрушенного кирпичного дома, его единственная стена обрушилась и накрыла обломками пассажиров автомобиля. Сегодня никто не может ответить: это произошло случайно или была продуманная операция. Фашисты ответили массовыми расстрелами, целой волной насилия и крови.[66]

Евреи уходили в леса и пытались оказать сопротивление

фашистам. Вот строки из отчета № 73 айнзацкоманды-9, отправленного в Берлин 4 сентября 1941 года: «После того, как три немецких солдата были убиты вблизи Витебска, была проведена усмирительная акция немецкой армией. По этому случаю, мы нашли 19 евреев и евреек, бродивших в лесу, где было совершено убийство. Они были наказаны по явному подозрению в участии в нападении на солдат и совершении поджога в Витебске».[67]

Узница гетто Дина Хотянова написала в своих воспоминаниях, что был организован комитет из евреев-узников, который тайно переправлял людей на свободу. «Мужчин... русские выводили за город, чтобы спасти. Проводилась большая работа по спасению молодежи из гетто. Многие не хотели уходить потому, что не могли расстаться с родными». Дина Хотянова пишет, что в состав комитета входил и ее дядя Гриша, а также другие коммунисты и комсомольцы. «Когда я узнала такие подробности, мой дядя с другими мужчинами уже ушел из гетто. Много людей ушло в то время. Передавались русские документы тем, кто мало был похож на еврея. Самые активные члены комитета были выданы, и немцы во дворе гетто повесили четверых руководителей»[68].

Вооруженные до зубов фашистские вояки боялись безоружных евреев, людей самых мирных профессий. Командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау 10 октября 1941 года издал секретный приказ «О поведении войск на Востоке». Этот приказ был оценен Гитлером как образцовый и впоследствии принят многими командующими. Вот строки из этого приказа: «...солдат должен сознавать необходимость жестокого, но справедливого наказания еврейских недочеловеков. Другая задача — задушить в зародыше восстания в тылу вермахта, зачинщиками которых, как показывает опыт, всегда являются евреи...»

В 1941 году в составе отдельной санитарной роты немецкой армии в Витебске проходил службу солдат Карл Шрадер. Свидетель тех страшных событий, он запоминал и записывал все увиденное. Карл Шрадер понимал: когда-нибудь фашизму

придет конец, и он, как немец, обязан будет рассказать миру всю правду о зверствах, творимых гитлеровцами.

После окончания войны журналист, писатель Карл Шрадер (псевдоним Пауль Кернер) написал ряд пьес, поставленных немецкими театрами, издал несколько книг. В них рассказана правда о фашизме. Одним из наиболее заметных литературных трудов Карла Шрадера стал «Дневник немецкого солдата». Память о Витебском гетто, как незаживающая рана, не давала ему, свидетелю этой трагедии, спокойно жить.

«28 сентября. Время от времени эсэсовцы наносят удары винтовками. Толпа рассыпается, шарахается со слезами на глазах из стороны в сторону по свободной территории. Выкрикивают чьи-то фамилии, имена. Слышны слова молитвы. Кто-то обматывает тряпкой голову человека. На берегу моются. Около акации сидят четверо или пятеро человек и что-то едят. Проезжая мимо, вижу совершенно голого человека, которого избивают двое или трое эсэсовцев в форме.

30 сентября. Мужчины, женщины, дети сидят у костра. Доедают какие-то крохотные остатки пищи. У кого совершенно нет еды, кушают листья. Идет холодный со снегом дождь.

4 октября. Акация дает все: листву она отдает для питания, древесину — для костра. Уставшим, искалеченным людям ее ствол служит опорой. Насколько позволяет рост человека, кора на деревьях ободрана. Видно, как люди становятся один на одного, чтобы дотянуться до коры, которая осталась выше. Внизу стоят в отчаянии с протянутыми руками голодные люди. Худые, белые руки хватают последние кусочки коры. К дереву подходит солдат с черепом на фуражке и начинает бить женщину. Она не отворачивается от ударов, не защищается. Словно вкопанная стоит, принимая на себя удар за ударом. Дубинка ломается. Кусок ее летит в воздух, за ним другой. Палач сжимает кулаки и безжалостно наносит удары в грудь, лицо. Он бьет ее тяжелым кованным сапогом. Теперь она падает и больше уже не встает. Солдат в черной униформе продолжает наносить ей удары».[69]

8 октября. Немцы приказали узникам гетто грузиться на машины. Причем, сказано было брать с собой все вещи. Мало

того, вещи должны быть аккуратно подписаны. Говорили, что всех перевезут в другое место, где подготовлено жилье, но фашистам уже почти никто не верил. За невыполнение приказания – смерть. За выполнением приказа следовало то же продолжение – смерть. Так что выбора не оставалось.[70]

У узкого понтонного моста через Западную Двину, где двум машинам или телегам негде было разъехаться, можно было в те дни наблюдать такую картину. Среди машин и подвод выделялся грузовик. Рядом с шофером на переднем сидении сидел немец с винтовкой. В кузове по углам места заняли полицаи в уставной форме с красно-белой повязкой на рукаве: начищенные сапоги, синие галифе, гимнастерка. У их ног сидят, скрючившись, люди. Хотя людьми их трудно назвать. Это, скорее, тени. В основном, женщины и дети. Некоторые, время от времени, начинают плакать. Таких полицаи бьют палкой, ногами. У края кузова, взявшись за борт машины, стоит белокурая девочка в плюшевом пальтишке. Она машет свободной ручкой всем прохожим и радостно улыбается, не обращая внимания, что кого-то рядом бьют. К этому она уже привыкла. Избиения и убийства для нее не новость. Это она видела каждый день. Девочка радуется, что едет на машине, что тут река, много людей, подвод – весело, не то, что было в гетто. Проходящие люди стараются не смотреть на эту машину: им уже известно, что пассажиров везут на расстрел. Только при виде радостной, улыбающейся девочки некоторые смахивают невольно набежавшую слезу.

Проехав мост, грузовик нигде уже больше не останавливается. Он мчится мимо казарм, трамвайного парка, пересекая широкое поле, к Иловскому оврагу.

Люди понимали, что их ожидает. Они хотели проститься с городом, со своими знакомыми, передать весточку родным, чтобы их не ждали.[71]

В один из этих дней Наталья Семенчукова проходила по улице и видела, как вышла из гетто машина. На ней среди прочих евреев была и одна ее знакомая. Она узнала Н. Семенчукову, высунула голову, стала что-то говорить, но полицай начал ее

бить по голове, по лицу резиновой палкой. Женщина закричала и упала на дно машины.[72]

Узников гетто вывозили на расстрел на машинах. Три машины, использовавшиеся для этой цели, принадлежали городской управе, остальные грузовики были из СД. Известны и некоторые имена шоферов из горуправы, принимавших участие в вывозе евреев на расстрел: Вишневский, проживавший по улице Гоголя, Мелехов Петр, проживавший на 2-й Стадионной улице, Жасперовский Александр, проживавший в районе второго отделения милиции.

«Жителям лагеря было объявлено, что они переводятся в теплые лагеря. Несчастные не подозревали, что их увозят на смерть. В первый день не сопротивлялись и добровольно сажались в грузовики. В каждой автомашине помещалось по 25—30 человек. Их привезли к месту экзекуции в деревню Иловка и велели всем слезать с автомашин. Их окружила большая толпа полицейских и солдат. Стали их раздевать, оставлять в одном белье. Только на женщинах оставляли юбки. Одежду и обувь складывали в кучи, затем нагружали ими автомашины и отвозили их на склад — бывшее помещение цирка.

На расстоянии 100—200 метров от места экзекуции мимо проходившие наблюдали ужасное зрелище. В 50 метрах от того места русский сторож охранял снятый урожай и овощи. Он опустился под холмик, спрятав голову, чтобы не видеть этого кошмара, но он продолжал слышать отчаянные крики и рыдания женщин и детей.

По пять человек выводили евреев к заранее вырытым рвам. Многие из них сопротивлялись, некоторые падали в обморок, другие плакали, рыдали, ругали кровавых псов-гитлеровцев. Немецкие палачи не проверяли, убиты ли расстрелянные ими люди, и многих бросили в ров еще живыми. Детей также бросали в ров живыми. Шолохова и некоторые другие, наблюдавшие расстрел, известили об этом оставшихся в лагере. Несмотря на неимоверные трудности, часть людей все же убежала. Куда они пропали, неизвестно. По немецким данным, бежало около 200 человек. В следующие дни многие в лагере стали сопро-

тивляться при посадке в автомашины. Сопротивляющихся били прикладами и насильно таскали в автомашины...»[73]

Каждая смерть — это страх и ужас. Но, наверное, самые черные дни Иловский овраг видел осенью 1941 года, когда казалось, что на земле не хватает места от криков и стонов и они поднимаются к небу.

В первую десятидневку со 2 по 12 октября ежедневно работал смертоносный конвейер. Конкретных распоряжений, в какой день и в какой час следует расстреливать евреев, высшее начальство не отдавало. Это было доверено руководителям айнзацкоманд. И надо признаться, они с отменным садизмом подходили к возложенному на них делу. Самые массовые, самые страшные и жестокие расстрелы проводились в канун праздников, так сказать, для «поднятия общего настроения».

22 сентября 1941 года на землю пришел еврейский Новый год — Рош-Гашана, 5701-й год по иудейскому летоисчислению. В этот день надо было трубить в шофар — ритуальный музыкальный духовой инструмент. В гетто не было шофара, не было и белых одежд, в которые следует одеваться. А вот миньян собрался. И было не десять человек, необходимых для молитвы, а гораздо больше. Даже те, кто никогда не ходил в синагогу, собрались под лестницей Клуба металлистов. Всем очень хотелось верить, что кто-то за них заступится, что у них появится какая-то надежда... В этот день обычно желают сладкого и хорошего Нового года. Никто из тех, кто собрался под лестницей, не загадывал на год вперед. Они желали друг другу дожить до Йом-Кипура, который будет через десять дней.

Когда молитва закончилась, старый Эли Коган, дед и прадед которого были раввинами, достал из кармана маленькое яблоко и отдал своему внуку Роману.

— Сегодня положено есть яблоки с медом. Меда нет. Его не достанешь. А яблоко ты съешь, — он сказал и заплакал, потому что понимал: это яблоко последнее в жизни его пятилетнего внука.

— Дед, откуда оно у тебя? — может, в первый раз за последние месяцы Рома улыбнулся.

— Сегодня праздник, — уклончиво ответил дед. Он не

хотел рассказывать внуку, что за это яблоко отдал полицаю свое золотое обручальное кольцо, которое прятал на самый черный день. Он не хотел говорить внуку, что эти черные дни уже наступили.

8 октября.

Началась очередная массовая акция по ликвидации Витебского гетто «из-за грозящей опасности эпидемии». Евреев, которые прошли «особое лечение»[74], было около трех тысяч человек.

Опасность возникновения эпидемии в гетто, конечно, была. Но она сознательно провоцировалась всем режимом содержания узников. Кроме того, это был, вероятно, единственный факт в истории медицины, когда методом борьбы с болезнями становилось поголовное уничтожение людей.

Впрочем, «борьба с эпидемией» была только поводом. Фашистские изверги пытались, на всякий случай, прикрыться «медицинской терминологией». Причем, на примере уничтожения других гетто в Белоруссии можно утверждать, что подобный маневр был неоднократно апробирован. И, вероятнее всего, был разработан и утвержден в Берлине.

В первый день октябрьской акции А. Фильберт лично руководил расстрелом. В этот день было убито 750 евреев.

Неделей позже, по приказу А. Фильберта, расстрелом руководил Х. Штрук. Число жертв было больше — около 800 человек. Среди них были женщины с грудными детьми. Детей сбрасывали в могилу, когда матери были уже расстреляны. Х. Штрук бегал, раздавал приказы членам команды стрелков и оцепления, всем своим видом показывания служебное рвение.

Вначале Х. Штрук служил в штабе группы «В» под руководством А. Нэбэ. Он очень хотел остаться в штабе, даже однажды заявил, что не способен к деятельности в айнзацкоманде, то есть не может своими руками убивать, душить, вешать. Такие признания не помогали офицерам СС делать карьеру. А. Нэбэ отклонил просьбу Х. Штрука и послал его в айнзацкоманду. При этом он заявил: «Каждый должен хоть раз побывать там». То есть каждый должен был запятнать себя невинной кровью.

Со временем Х. Штрук не только привык к виду крови, к

предсмертным агониям, к пыткам и издевательствам. Он понял, что на массовых расстрелах беззащитного населения можно быстрее сделать карьеру, чем сидя в штабе. И показал отменное рвение в этом садистском деле.

Об этих расстрелах рассказывал их очевидец Мефодий Егорович Федосенко: «В октябре, не помню какого числа, немецкие карательные органы семь дней подряд проводили расстрелы советских граждан. Первые четыре дня проводили расстрелы с утра и примерно до 14 часов дня, а остальные три дня проводили расстрелы с утра до темной ночи. Людей возили из Витебска на машинах. Машины часто ходили. Одна придет, людей ссадят, и через 5 минут приходила вторая, в общем, одна за другой шли машины. Машины не доходили до Иловского рва примерно двести метров. Людей ссаживали, после чего водили партиями в Иловский ров, где проводили расстрелы. Были хорошо слышны крики людей и плач маленьких детей, я лично видел, как одна женщина несла ребенка на руках. Не донесла до противотанкового рва и положила, а немец схватил его и бросил в ров».

Когда знакомишься со свидетельскими показаниями людей, которые были очевидцами этих кошмарных преступлений, кажется, что наступил «сон разума», который рождает чудовищ. Из Германии в Витебск (вероятно, и в другие города) специально приезжали группы туристов, чтобы посмотреть, как убивают, издеваются над несчастными, фотографировать их.

Об этом рассказывала Эсфирь Свердлова. Одиннадцать месяцев она находилась в оккупированном Витебске. С помощью партизан ей удалось вырваться из фашистской неволи и перейти линию фронта. Она выступила по радио в программе Еврейского антифашисткого комитета и рассказала американским слушателям о страшных днях ее родного города.

«От голода, тесноты ежедневно умирало много человек. Более молодых и крепких оттуда изымали и уводили на расстрел...

8 октября в Витебск приехал специальный карательный отряд. В течение четырех дней погибло около 10 тысяч человек — все, кто к этому времени оставался жив. Все они были брошены в Туловский ров. Хоронили раненых вместе с мертвыми... Стар

и млад, грудные дети и беременные женщины — все были похоронены в одной общей могиле... От всего еврейского населения города в Витебске осталось в живых 11 человек — 8 медицинских работников и 3 члена их семей. Четверым из них, мне и трем моим товарищам — Пальман, Ноткиной и Косухкиной удалось с помощью партизан бежать из Витебска».[75]

Конечно, Эсфирь Свердлова могла знать судьбу только тех людей, с которыми общалась или была знакома. И расстрелы, в которых погибло около 10 тысяч евреев, продолжались не четыре, а все десять дней октября.

Казалось бы, время сглаживает остроту ощущений. И ко многому относишься как к жуткой, кошмарной, но уже свершившейся истории. Но есть показания, от которых и сегодня становится не по себе. Среди тех, кого привезли на расстрел, была работница витебской больницы Шубик вместе с двумя детьми. Один из них был грудной, второй — мальчик 3—4 лет. Когда Шубик и других высадили из автомашины на землю, к ней подошел фашист и дернул за одеяло, в которое был завернут младенец. Из одеяла выпал ребенок, фашист наступил ногой на него и раздавил. Грудных детей в большинстве случаев закапывали живыми.

Были дни, когда привозили полные машины с детьми. Однажды привезли сразу две машины — человек 50. Когда детей высадили, они разбежались по полю. Их собрали, раздели и стали расстреливать прямо в яме. Некоторых закопали живыми в противотанковый ров.

Когда проходили расстрелы, территория оцеплялась немецкой охраной и полицаями примерно в радиусе одного километра. Патрули стояли метрах в 30-ти друг от друга и никого близко не подпускали, а в тех, кто все же осмеливался подходить, стреляли без предупреждения. С огородов и полей, прилегающих ко рву, местных жителей прогоняли. Немцы смотрели в бинокли, чтобы никто из окон домов не подглядывал.

Чего боялись садисты в черной униформе? От кого скрывали свои преступления? Ведь все равно весь город знал о гетто, о расстрелах. Думаем, что это было естественное поведение бандитов, которые, совершая преступления, обязательно оглядываются по

сторонам: нет ли свидетелей. И если свидетели есть, в них надо стрелять, убрать их. Без свидетелей бандитам легче жить.

Рассказывает Евдокия Николаевна Бавтуто: «...Когда велись расстрелы с утра и до вечера, близко подойти к тому месту невозможно было, потому что немцы выставили оцепление. И не только на левом берегу Витьбы, где евреев стреляли, но и на правом берегу. Сейчас рельеф на правом берегу реки изменился. Раньше здесь была горка (со стороны деревни Себяхи), и на горке немцы стояли вдоль берега. По правой стороне Витьбы немцы ходили с псами, а расстрелы велись на левой стороне. Немцы, которые были на правом берегу, приходили к нам в Себяхи. Они были пьяные, едва держались на ногах, просили шнапс. Отсюда было довольно большое расстояние до места расстрела, и видеть люди не могли, как гитлеровцы людей гнали к траншее. Близко к Туловской дороге немцы людей не подпускали. А как стреляли, я слышала.

На левом берегу лес был не сплошной стеной, а редколесье. Здесь раздевали людей, складывали их одежду кучей, а после ее сортировали. Я это знаю, потому что был один житель Себяхов, который тогда работал сторожем. Его звали Мефодий, фамилию не помню. Этот сторож однажды спрятался в кустах и видел, как проходил расстрел.

Убивали не на краю траншеи: раздетых людей заставляли бежать цепочкой друг за другом к этой траншее, а потом прыгать в нее. Человек по шесть—семь бежали друг за другом. В траншею прыгали живыми, и по ним немцы стреляли из автоматов очередями.

На левом берегу Витьбы жил Павел Михайлов, которого немцы выселили в Себяхи. Осталась их усадьба. Когда раздевали людей, немцы там находились. С той стороны и проходили основные расстрелы».

После очередной акции А. Фильберт объявил выговор одному из своих подчиненных за то, что тот приказал евреям, идущим на смерть, складывать свою одежду на видном месте. Это бросалось в глаза местному населению, которое стало, как выразился А. Фильберт, «очень внимательным».

Даже в своих сообщениях начальству в Берлин, которое отлично знало о массовых расстрелах, убийцы избегали называть вещи своими именами, обозначая массовые расстрелы словами «особое лечение».

В середине октября смертоносный конвейер на неделю сбавил обороты, а потом вновь закрутился с бешеной скоростью. В «Акте о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Витебского района», составленном Чрезвычайной Государственной Комиссией 24 марта 1945 года, записано: «...детей, стариков бросали в ров и закапывали живыми, а потом по этим могилам проходила немецкая грузовая автомашина по несколько раз. В октябре 1941 года, с 20 по 25 число подряд, немцы привозили людей на автомашинах. Не доезжая метров сто до рва, группами в десять—пятнадцать человек подводили ко рву и расстреливали, а также бросали в яму живых людей, раздетых догола...»[76]

Во время одного из этих расстрелов погибла большая семья витебского портного Шифрина. Только чудо помогло уцелеть ему самому. Эту историю мы узнали от Эльфриды Михайловны Красс (Столяренко). В одну из октябрьских ночей ее отец Михаил Яковлевич Красс услышал во дворе чьи-то шаги. Он с трудом приподнялся — уже который день его мучила стенокардия — и сел на кровать. Раздался слабый стук в дверь, сквозь сон его, пожалуй, бы и не услышать. Михаил Яковлевич вышел в коридор.

— Пустите, — услышал он голос своего соседа Шифрина.

— Заходи, — сказал Михаил Яковлевич, открывая дверь.

Войдя, Шифрин замер у порога. Он плакал. Нет, не плакал, а буквально рыдал.

— Эля, — позвал Михаил Яковлевич дочку, — нагрей воды и дай помыться.

До войны все на этой улице знали большую семью Шифрина: стариков и их дочерей Фаню, Шифру, Зелду, ее мужа и дочку. Старик был первоклассным портным. Почти все артисты, приезжавшие в театр Тихантовского, шили свои наряды у него. Соседские ребятишки заглядывали в окна, когда к Шифрину приходили на примерку лилипуты. Портной ставил их на табу-

ретку, долго снимал мерку, а потом садился рядом с заказчиками и о чем-то беседовал.

Вскоре после прихода немцев всех евреев с улицы Парковой (ныне 3-я Бебеля) загнали в гетто. Его узниками стали Шифрины, Шапиро, Левины, Сапир, Пальмины. Несколько раз Михаил Яковлевич и Эльфрида Михайловна приходили к ним на берег Западной Двины.

Во время расстрела в октябре 1941 года в Иловском овраге Шифрин вместе с убитыми и ранеными упал в яму. Пролежал там, пока не стемнело. Вдруг рядом кто-то зашевелился, и он увидел, как молоденькая девушка, с трудом выбираясь из-под трупов, выползает наверх. Шифрин тоже вслед за девушкой выполз из ямы и стал звать жену, детей. Никто не отзывался. Девушка побежала в сторону Витьбы и скрылась в кустарнике. Шифрин решил пойти на свою улицу, к соседям. Он верил, что эти люди его не выдадут. Но в первые два дома портного не пустили. И только Крассы открыли соседу двери. У них он прожил несколько дней. Как вспоминает Эльфрида Михайловна, Шифрин все время рыдал, он не мог прийти в себя от горя. Однажды он сказал, что пойдет к знакомым в деревню, там есть хорошая швейная машинка, может, что-нибудь заработает. Он уходил на несколько дней, возвращался и снова уходил. Приносил Крассам кусок сала, хлеба, картошки. Но однажды Шифрин ушел и больше не вернулся.

Как-то вечером у одного молодого руководителя акции начались конвульсии с криками — звал свою мать. Он впервые участвовал в уничтожении, впервые убивал детей. К нему сначала подошел Вильгельм Грайфенбергер, успокаивал и утешал его. Потом подошел А. Фильберт и заметил: «И вот этот еще хочет быть руководителем СС. Его надо с соответствующей характеристикой сразу отправить домой».

27 декабря 1945 года в Хоссбурге Андреас фон Амбургер, который в годы войны служил переводчиком при штабе группы «В», показывал следователям: «Люди, которые участвовали в расстрелах, потом страдали душевно. Один, к примеру, вставал ночью и начинал копать ямы. Другой кричал, третий рубил мебель, обливал бензином и пробовал поджечь. При

расстреле один так потерял голову, что чуть не застрелил своего сослуживца».[77]

Этот факт не был единственным.

В одной из подобных акций на оккупированной территории СССР принимал участие рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. После этой акции он начал проявлять заботу об участниках расстрелов, полагая, что душевная нагрузка на тех, кто расстреливает, очень велика. И для них были организованы Дома отдыха. Одна из таких «здравниц» была устроена в Витебске на восточной окраине города, в Задвинье. За 14 дней палачи здесь должны были отвлечься и забыть о своих впечатлениях. Какой гуманизм, какая трогательная забота о людях!

А. Фильберт считал нужным демонстрировать свою ненависть к евреям. Он понимал, что это полезно для его будущей карьеры, делал все так, чтобы это видели, об этом знали. Например, он запретил членам айнзацкоманды-9 общаться с еврейскими рабочими. Страшное возмущение вызвало у него то, что евреям дали попить воды из кружки, из которой должны пить немцы.

На судебном процессе всплыл такой факт: А. Фильберт приказал русским женщинам расстреливать еврейских женщин, работавших на уборке помещений, сразу после того, как они заканчивали свою смену.[78]

20 октября 1941 года А. Фильберта возвращают на службу в Берлин. Это было наградой за успешную работу в айнзацкоманде, наградой за расстрелы, виселицы, рвы, в которых закапывали живых людей. К осени 1943 года А. Фильберт работал в V управлении службы безопасности рейха, где он до конца войны возглавлял отдел по хозяйственно-уголовным преступлениям.[79]

На смену ему руководителем айнзацкоманды-9 был назначен палач — штурмбанфюрер Освальд Шефер.

Время от времени берлинское руководство обновляло и состав айнзацкоманд. Трудно сказать, чем это было обусловлено: стратегической необходимостью или какими-то другими причинами. В конце августа вторая рота резервного полицейского батальона под руководством Нойберта из айнзацкоманды-9 была отозвана

и передана айнзацкоманде-8 (под руководством штурмбанфюрера СС Брадфиша). Вместо нее прибыла вторая рота первого батальона 14 армии СС под руководством Шрайбера.

Из членов айнзацкоманды от 12 до 15 человек имели звание офицера СС или СД, от 30 до 40 были сотрудниками гестапо или криминальной полиции в звании унтер-офицеров, в команде было 15—20 шоферов и обозного персонала, взвод так называемого резерва — 30 эсэсовцев и взвод полицейских по поддержанию порядка такой же численностью. Распределение функций в айнзацкоманде-9 было скопировано у службы безопасности Рейха: персональный референт, руководитель администрации, референт СД и референт полиции, в чьей компетенции было выполнение заданий гестапо и некоторых заданий криминальной полиции.

У каждого были свои обязанности. Например, полицейский референт должен был вести книгу расстрелов евреев и регулярно сообщать о количестве расстрелянных руководителю команды. Данные, полученные от айнзацкоманд, собирались в штабе айнзацгруппы и отправлялись в службу безопасности Рейха, которая использовала их для «Сообщения о событиях в СССР». Сообщения были доступны только узкому кругу лиц, имеющих отношение к высшему управлению государством.

Под руководством В. Грайфенбергера было расстреляно примерно 250 человек — мужчин, женщин, детей. Сам В. Грайфенбергер утверждал, что это была первая плановая акция по уничтожению гетто. Жертвы вывезли около 9.00 утра на грузовых автомобилях за пределы города в район, поросший деревьями и кустарником. Их расстреливали пять эсэсовцев выстрелами в затылок на краю могилы глубиной 2—3 метра и длиной 6—7 метров. В. Грайфенбергер дал необходимые для проведения акции указания, но все равно стоял у могилы.

Однажды он услышал, что из кучи трупов слышны стоны, которые доносились из глубины могилы. Он обратил внимание одного из стрелков на это и сказал, что ему кажется невозможным прострелить из пистолета трупы и убить стонущего. Эсэсовец несколько раз выстрелил из карабина в могилу. Стоны

прекратились. Сменявшаяся во время акции команда стрелков имела возможность у одного из грузовиков выпить шнапс.

Двое молодых людей из айнзацкоманды-9 после ухода Генриха Тунната (заместителя руководителя айнзацкоманды-9) расстреляли семь еврейских детей. Личности этих двоих установить не представляется возможным. Они брали детей за руку, подводили к краю могилы и убивали выстрелом в затылок из пистолета. Тела потом бросали в могилу. К окончанию акции, которая длилась до 16.00, тела наполнили могилу на 30—40 сантиметров ниже ее верхнего края.[80]

Об октябрьской акции фашистов подробно рассказывал советским следственным органам в 1950 году А.В. Цыпкевич, бывший полицейский местной службы охраны порядка, представший перед военным трибуналом в Краснодаре. Он — свидетель и соучастник преступления, и его показания раскрывают весь ужас происходившего: «В. Шостак сказал: "Мы должны быть в гетто. Будем участвовать в перевозке евреев в лагерь". В 9 часов мы строем прибыли в гетто.., а вскоре прибыло 15 грузовых машин. Затем подкатила легковая, из которой вылез начальник СД, наверное, Вибенс.

В. Шостак, переговорив с ним, от имени последнего предупредил, чтобы мы, полицейские, никому ничего не говорили о перевозке евреев в лагерь... Нам стало ясно, что будет расстрел, а не этапирование в лагерь.

Узникам уже объявили, что они перемещаются в другой лагерь. Большинство обреченных, доверившись, захватило с собой вещички.

Погрузив на машины по 20—25 человек детей, стариков, женщин, мужчин, мы выехали. За городом, в пяти километрах на юго-восток, есть большой овраг. Название его не помню. К этому оврагу и прибыли машины. Когда мы подъехали к оврагу, я увидел, что он оцеплен немецкими солдатами...

Когда немцы стали отбирать у евреев вещи и ценности, последние окончательно убедились, что их привезли на расстрел. Поднялся страшный шум, крик, плач детей и женщин. Что произошло дальше, я не видел... До двух часов я трижды

выезжал к месту расстрела, а затем был отпущен на пост.

Массовые расстрелы продолжались и в последующие три или четыре дня... В гетто проживало, как я слышал, около 10 тысяч евреев, в том числе были старики, женщины и дети, и все они расстреляны. Со слов других полицейских знаю, что расстреливали из пулеметов».[81]

Свидетели расстрелов в один голос утверждают, что полицаи натворили кровавых дел не меньше, чем фашисты. А порой, пытаясь выслужиться, получить лишние рейхсмарки, лишнюю бутылку шнапса, первыми добраться до чужого добра, демонстрировали откровенный садизм. Немцы плохо ориентировались в чужой для них стране и не всегда понимали, какие фамилии еврейские, какие нет. И уж тем более они не могли знать, у кого мама, у кого бабушка или дедушка были евреями. И тогда им на помощь приходили местные «знатоки». Они знали и помнили все и, дождавшись момента, выложили свои знания.

Рассказывает Гиндина (Новицкая) Светлана Исааковна: «У родителей моего отца Исаака Израилевича Гиндина была большая семья — 11 человек. Я даже не все имена знаю. Была очень маленькая, когда они погибли. Многих фашисты и полицаи утопили в Западной Двине, когда евреев заставляли переправляться на тот берег в гетто. Войну пережил только его старший брат Гиндин Арон Израилевич, которого забрали в действующую армию. Он попал в плен, но никто не выдал, что он еврей. После войны Гиндин Арон Израилевич жил в Витебске.

Меня прятали в русской семье моей мамы Елены Романовны Кузьмук.

Когда отца расстреляли в гетто, нас все равно постоянно преследовали полицаи и какой-то комендант. Когда они приходили, меня прятали под печкой, в подвале, в погребе. Я была кучерявая, похожа на еврейского ребенка. Каждый раз, когда кто-то приходил к нам, мама расплачивалась, чтобы меня не забрали и не рассказывали обо мне. Она снимала с себя золотые часы, кольца, отдала шубу, что-то еще, швейную машинку — в общем, из дома вынесли все.

В 1943 году маму арестовали. Меня в это время прятали у каких-то людей. Фамилии их не знаю. Никто мне об этом не говорил. Эти люди боялись за свою жизнь и когда маму выпустили, они тут же отправили меня к ней. Нам помогли, и мы уехали из Витебска. Ездили по всей Белоруссии, как только узнавали, что где-то есть знакомые, которые готовы приютить нас — тут же ехали к ним. И таким образом скрывались до самого освобождения».

Одним из тех, кто верой и правдой служил фашистам, был небезызвестный Юрка Витьбич, он же Юрий Стукалич, патологически ненавидевший евреев. Его настоящие имя и фамилия Георгий (по другим сведениям Серафим) Щербаков. Перед войной работал в газете «Віцебскі рабочы». В одной из статей, опубликованной незадолго до войны, он сокрушался, почему в Витебске нет улицы Энгельса. Вскоре после прихода фашистов Ю. Витьбич предложил им свои услуги — стал штатным сотрудником ряда профашистских газет и все годы оккупации служил нацистской идее. [82]

Фашистские прихвостни были не только отпетыми антисемитами. Они также люто ненавидели и свой собственный народ. Ведь в случае победы фашистской Германии разговор с уцелевшим населением Белоруссии был бы коротким. По планам Главного имперского управления безопасности, 75 % белорусов предполагалось выселить с занимаемой ими территории, оставшиеся 25 % подлежали онемечиванию. В Витебске намечалось поселить 20 тысяч немцев и оставить для использования в качестве рабочей силы 40 тысяч местных жителей.[83]

Годы оккупации оставили кровавый след в судьбах всего населения Витебска. Бесконечные облавы на улицах и базарах в поисках «врагов рейха». Комендантский час, запрещавший жителям под угрозой смерти появляться на улицах с 8 часов вечера до 5 часов утра. Аресты и расстрелы ни в чем не повинных людей. Виселицы для публичных казней в самых людных местах для устрашения жителей города. Многочисленные специальные места принудительного содержания граждан, организованные в разных частях города: лагерь для военнопленных и гражданского населения на территории 5-го железнодорожного полка; трудовые

лагеря на территории фабрик: очковой, «Знамя индустриализации» и «КИМ», кирпичного и игольного заводов; при немецких 4-ой авиаполевой дивизии 53-го армейского корпуса, 206-ой и 246-й пехотных дивизиях; арестантское помещение Управления СД в здании политехникума; гражданская тюрьма по Суражскому шоссе; пересыльный лагерь на территории зеркальной фабрики, откуда с сентября 1943 по июнь 1944 года витеблян отправляли на принудительные работы в Германию. Все это места унижения человеческого достоинства и гибели десятков тысяч витеблян.

26 июня 1944 года, когда советские войска вошли в Витебск, в городе оставалось немногим более 100 человек.

Эти факты хотя бы изредка следует вспоминать всем, и прежде всего тем, кто сегодня готов увековечить память о фашистских пособниках, кто не прочь натянуть на себя черные эсэсовские мундиры, кто любит рассуждать о том, как бы им хорошо жилось, если бы победил фюрер.

Летом 1945 года органами безопасности в Белостоке был арестован некий молодой человек, имевший при себе паспорт на имя польского гражданина Яна Ермоловича. На деле под этим фальшивым именем скрывался опытный агент немецкой разведки, завербованный Абвером весной 1941 года в Варшаве, работавший под псевдонимом Рак, бывший гитлеровский бургомистр Витебска, член президиума Белорусской центральной рады в годы оккупации, майор войск СС Всеволод Филаретович Родько.

В.Ф. Родько родился в 1920 году в Пинской области в семье учителя. В 1939 году, сражаясь против немцев в рядах польской армии в районе Новогрудка, В. Родько был взят в плен и отправлен в лагерь военнопленных. После освобождения отправился в Киев к украинским националистам, в работе их организации принимал самое активное участие. Там же В. Родько установил контакт с немецкой разведкой. «Я согласился на это (сотрудничество – авт.) и дал подписку, после чего получил кличку Рак». Вскоре он переехал в Варшаву.

В начале июля 1941 года из Варшавы в Минск прибыла спецгруппа СС в составе 30 белорусских националистов, отобран-

ных по заданию Абвера (немецкая разведка и контрразведка — авт.) председателем Белорусского Центрального Комитета в Варшаве Н. Щорсом для работы в учреждениях, создаваемых оккупантами на советских территориях. В этой группе был и хорошо знакомый немцам В. Родько. 14 июля он по предложению Н. Щорса выехал в сопровождении немецкого офицера в только что захваченный Витебск. Во время одного из допросов В. Родько рассказывал: «Я являлся немецким агентом, поэтому и доверили мне организацию городского управления в таком важном стратегическом пункте, каким являлся Витебск.., где был представлен военному коменданту генералу фон Швайдницу, от которого получил указание связаться с СД и местной комендатурой и организовать в Витебске городское управление».

Однако должность бургомистра он получил не сразу: комендант города, как признавался в ходе следствия В. Родько, принял его как «совсем ненужного...» Но «когда с политической точки зрения им понадобился белорус в городском управлении, во главе которого стоял всеми любимый немец Брандт», снова вернулись к В. Родько.

Л. Брандт, несомненно, был у немцев своим человеком. Но гитлеровцам позарез нужны были белорусы, чтобы показать населению, что немцы вовсе не оккупанты, а истинные радетели белорусского народа. В. Родько отлично знал, что на первые роли гитлеровцам нужны были не новички и самоучки в заплечных делах, а обученные профессионалы, в совершенстве владеющие приемами борьбы с неугодными нацистскому режиму. А сказанная им фраза — «Всеми любимый немец Брандт» — была всего лишь всплеском обиды за неназначение с первого захода его, абверовского агента, бургомистром.

В августе окружной комиссар Фишер назначил В. Родько бургомистром Витебска. Теперь можно было с готовностью доносить начальству в Берлин. «...Белорусы, предназначенные для создания городского управления, — читаем в одном из донесений, — по согласованию с комендантом города приступили к созданию горуправления».

Во время одного из допросов В.Родько признался: «Как

бургомистр города я оказывал всяческое содействие в проведении карательных и других мероприятий на оккупированной ими территории».

Вместе с Л.Г. Брандтом он создавал в Витебске гетто и принимал непосредственное участие в уничтожении его узников. Во время следствия он показывал: «Я дал полицейских, с помощью которых было расстреляно 5000 евреев». Кроме того, по приказу В.Родько за время его правления «на каторжные работы в Германию было вывезено около 10000 человек».[84]

В уголовном деле В. Родько имеется несколько таких подписанных им распоряжений: «Начальнику Витебской тюрьмы. Посадить под стражу Клару Кетлинскую в возрасте 6 лет как жидовку», «Начальнику Витебской тюрьмы. Направить в германскую полицию арестованную жидовку Рябухину А.А.»[85]

Витебская городская управа, как и везде на захваченной немцами территории, играла лишь вспомогательную роль и полностью подчинялась оккупационным военным властям, распоряжения которых выполнялись беспрекословно.

При горуправе была создана своя полиция порядка (орднунгсдинст), во главе которой стоял В. Шостак. Она состояла из местных жителей, добровольно служивших немцам: антисемитов, крайних националистов и предателей, отпетых уголовников и просто авантюристов. С первого и до последнего дня своей деятельности она находилась в подчинении у офицеров СС. Подручные В. Родько освобождали жилые дома для немцев, выбрасывая людей на улицу, обеспечивали оккупантов продовольствием, собирали с жителей налоги, проводили различного рода реквизиции, охотились за всеми, кто казался им подозрительным, бросали в тюрьмы ни в чем не повинных людей. Вместе с оккупантами полиция горуправы создавала гетто, загоняла туда евреев, грабила их имущество, участвовала в расстрелах.

Была создана при горуправе и уголовная полиция во главе с А.А. Туровским.

В уже упоминавшейся статье «Витебское гетто»[86] Ив. Иванов писал: «Витебскую полицию пришлось вновь вспомнить осенью

1945 года... В той французской газете, которую я читал, была небольшая заметка, озаглавленная "Гуманность Советского суда". В ней описывается судебный процесс по делу начальника Витебской полиции (А. Туровского – авт.) во время немецкой оккупации. Преступления этого начальника не конкретизировались – просто судили за коллаборационизм с немцами. Суд присудил его к семи годам лишения свободы... Почему так снисходительно? Я вспомнил его "гуманность" (А. Туровского – авт.) при "похоронах" еврейских детишек. О "подвигах" полиции кричал весь Витебск, эту полицию ненавидели больше, чем немцев. Зачем же Советской власти понадобился такой снисходительный суд и приговор, когда в то же время рядовых полицейских вешали даже не спрашивая?

Объясняли это тем, что начальник Витебской полиции был послан на эту должность не немцами, а НКВД, как и многие члены управы. Возможно, что он лишь перестарался и превысил "данные ему полномочия"».

Верой и правдой служила новым властям семья Брандтов. Заместителем бургомистра Витебска и руководителем юридического отдела городской управы был Лев Георгиевич Брандт.

Лев Георгиевич родился в Петербурге в семье русского посла. Мать была дочерью известного финансового деятеля царского правительства Н.Н. Кутеера. Л.Г. Брандт получил хорошее образование и был преуспевающим юристом. В 1936 году он вместе со своей семьей был выслан из Ленинграда как «классово чуждый элемент». Местом его нового жительства стал Витебск. До июля 1941 года Л.Г. Брандт преподавал в музыкальном училище. Его публичные лекции по истории музыки пользовались неизменным успехом.[87]

Неприязнь к Советской власти, личные обиды вылились в то, что в первые же дни оккупации Л.Г. Брандт пришел на службу к фашистам.

Новым властям нужны были подручные. И совсем не важно, что Л.Г. Брандт в самом начале войны писал в газете «Віцебскі рабочы» в статье «Бить фашистов без жалости»: «...Мы все, работники науки и искусства, горим огнем гнева и уверены,

что этот народный гнев испепелит фашистских мерзавцев во главе с обер-палачом Гитлером».[88]

Но когда пришли немцы, Л.Г. Брандт не замедлил предложить им свои услуги.

Бывшая студентка музучилища Нина Власовна Ковалева рассказывала, что когда он встречал своих бывших студентов, то всем своим видом показывал, что их не знает и никакого отношения к ним не имел и не имеет. Работники управы его побаивались, хорошо зная его вспыльчивый характер. Он ценил больше всего беспрекословное подчинение, исполнительность, требуя соблюдать не только букву, но и дух распоряжений по управе.

Однако верная служба была недолгой. 30 января 1942 года глубокой ночью в своей квартире по улице Смоленской, д. 13 он был убит вместе с женой Александрой Николаевной. Л.Г. Брандту было 52 года.

В некрологе в фашистской газете «Новый путь» его друзья-сподвижники написали: «...покойный поражал всех своей исключительной работоспособностью и бурной энергией. Если к тому же принять во внимание его всестороннюю эрудицию и организаторские способности, то не случайно Л.Г. Брандт считался одним из самых крупнейших работников по строительству новой жизни в городе Витебске. От Льва Георгиевича нам неоднократно приходилось слышать, что он считает себя солдатом германского командования. Своим поведением он на каждом шагу подчеркивал, как должен вести себя любой работник, чтобы иметь право именоваться солдатом армии, несущей нашей стране освобождение... Погиб он, служа общему знамени А. Гитлера..."[89]

До сих пор остается неизвестным, кто убил Л.Г. Брандта. Чаще говорят о том, что смертный приговор ему вынесли партизаны, как и многим другим предателям. Прошло более семидесяти лет, но об исполнителях этого акта возмездия до сих пор не известно.

Существует еще одна версия, рассказанная теми, кто жил тогда в оккупированном Витебске: фашистского подручного Л.Г. Брандта в его квартире застрелили евреи, скрывавшиеся где-

то в городе. Это было актом возмездия за уничтоженное гетто. Вполне возможно, что этот акт был совершен одиночками, которые потом, видимо, погибли. И мы уже никогда не узнаем их имен.

В подтверждение этой версии можно привести сообщение в Берлин № 178 от 9 марта 1942 года: «...Ситуация и настроение в Витебском районе значительно ухудшились... Заместитель бургомистра Витебска был убит в ночь с 29 на 30 января. Этот инцидент, естественно, вызвал чувство беспокойства и ненадежности среди населения. С одной стороны, население рассматривает это убийство как акт мести евреев, с другой – как работу партизан».[90]

Спустя десять месяцев, неподалеку от своего дома на Пролетарском бульваре (ныне улица Богдана Хмельницкого), был расстрелян сын Льва Георгиевича – Александр Брандт. Он также верой и правдой служил фашистам.

Александр Львович Брандт, преуспевающий учитель, хорошо знал русскую литературу, до войны блестяще ее преподавал. Организовал в школе драмкружок и работал с ребятами увлеченно. Ученики любили своего учителя и тем болезненнее переносили его предательство.

Но теперь все, что было до войны, осталось для А. Брандта далеко позади. Он настолько вжился в новую роль, что ему самому казалось, что он другим и не был. Его взгляд исподлобья стал особенно неприятен. Рассказывали, что А. Брандт стал груб и бесцеремонен, давая всякий раз понять, что он выше своих новых сослуживцев не только по должности. В этом он был похож на своего отца.

Акт возмездия совершили подпольщики.

Уже в начале августа 1941 года молодой А. Брандт возглавил в Витебске профашистскую газету «Витебские ведомости», переименованную в начале декабря того же года в «Новый путь». Работал главным редактором и директором издательства. Вот что писали о нем в некрологе, опубликованном в газете «Новый путь»: «С приходом немецкой армии он совместно со своим отцом Л.Г. Брандтом, бургомистром В.Ф. Родько и другими полностью отдался организации нового порядка на освобож-

денной земле».[91] За свое усердие он был премирован месячной поездкой в Германию.

На страницах возглавляемой им газеты процветал ярый антисемитизм, было опубликовано немало материалов, которые утверждали в сознании местного населения ненависть к евреям. Достаточно привести заголовки хотя бы некоторых статей, опубликованных на страницах газеты в 1941–1942 годах: «Добрые души и воинствующее жидовство», «Жид правит в Москве», «Тревога жидовского кагала», «Жиды в Витебске», «Отечественная война советских жидов».[92] Впрочем, дело не только в евреях: эта газетенка изо всех сил пыталась столкнуть витеблян на «новый» путь, уготованный им фашистами.

Более половины каждого газетного номера занимала информация о событиях на фронтах войны с непременным подчеркиванием «освободительной миссии» вермахта и «захватнических» целей антигитлеровской коалиции. Потом шли директивы оккупационных властей и рядом – откровения местных писак, замешанные на юдофобии и русофобии, на идеях крайнего белорусского национализма, подброшенных фашистскими хозяевами. Все это бережно сохранял главный редактор газеты.

Ранним утром 26 ноября 1942 года А.Л. Брандт вышел из дома и привычным маршрутом направился в редакцию «Нового пути». В нескольких сотнях метров от дома его настигло возмездие. Гитлеровцы подняли на ноги все службы, был прочесан каждый дом на Пролетарском бульваре и прилегающих к нему улицах, а стрелявший как в воду канул. В отместку каратели схватили 50 человек и в качестве заложников заключили в концлагерь на территории бывшего 5-го железнодорожного полка.

Военный комендант Витебска издал обращение, в котором говорилось: «26 ноября 1942 года на Сенной площади неизвестными лицами был убит немец Брандт. В связи с проведением карательных мер арестовано 50 человек, которые 28 ноября 1942 года в 10 часов утра будут расстреляны, если к этому времени со стороны русского населения не будут даны показания для выявления виновных.

Показания должны быть сделаны в СД г. Витебска (политехникум). Показания останутся под строгим секретом. Награждение будет дано продуктами».

Матери и жены арестованных упросили жену А. Брандта Г. Степанову сделать все, чтобы их мужья и сыновья были отпущены. То ли опасаясь за своих малолетних детей, то ли из-за желания искупить вину мужа, она упросила отпустить заложников, и, благодаря ее заступничеству, они через две недели были освобождены.

Уже после войны стало известно, что операцию по ликвидации А. Брандта провели витебские подпольщики Михаил Стасенко и Иван Наудюнас при участии Евгения Филимонова и Владимира Кононова. Они были награждены боевыми орденами.

И. Наудюнас в феврале 1943 года был тяжело ранен и отправлен на Большую землю. После войны работал в Латвии. М. Стасенко и Е. Филимонов погибли 19 мая 1943 года в схватке с карателями. В. Кононов прошел войну, окончил военно-политическую академию им. В.И. Ленина.

На 3-й Загорянской улице в районе Юрьевой горки жила семья Александра Фомича и Ксаверии Ивановны Халиво, их дети и внуки. Жили тихо, ничем особенным не выделялись среди соседей и не думали, не гадали, что наступят черные дни и судьба поставит их перед выбором: закрыть глаза на чужое горе и спокойно дожидаться лучших времен или ежедневно, рискуя собственной жизнью, оказывать помощь тем, кто нуждался в ней. Ксаверия Ивановна и Александр Фомич хорошо знали семью Соснеров. Их дочь Виктория училась вместе с Борисом Соснером в ветеринарном институте, а другая дочь Ядвига — в одной школе с Хеной Соснер. Когда ее сестра Соня, не успев эвакуироваться, попала в гетто, довоенные знакомые приходили к ней. Приносили хлеб, лепешки из картошки в мундирах. Иногда часовой не обращал на это внимания, и удавалось передать немудреную еду. Но часто охранники передергивали затвор винтовки и грозили убить и тех, кто помогал, и тех, для кого несли еду. Где-то в конце августа Соня Соснер убежала из гетто. Где пряталась почти месяц, никто сейчас сказать не

может. Но в конце сентября, когда стало подмораживать, она пришла на 3-ю Загорянскую в дом № 8:

— Ксаверия Ивановна, пусти переночевать. Утром я уйду.

Хозяйка дома в ответ спросила:

— Тебя никто не видел? — и, не дождавшись ответа, открыла дверь.

Дом Халиво стоял на высоком месте, и подходы к нему хорошо просматривались со всех сторон. И хотя внизу, на Инженерной улице жили люди, которых Ксаверия Ивановна знала много лет, она боялась, а вдруг увидят, расскажут. Дойдет слух до немцев или полицаев. Расстреляют всех: и детей, и внуков. От этих мыслей она не могла уснуть. Но ни разу не отказала Соне ни в еде, ни в ночлеге. Только по утрам неистово молилась Богу, чтобы тот помог и ее семье, и еврейке, которую она прятала. Ближе к зиме в дом к Халиво стали наведываться немцы. Придут, сядут пить чай, греются в тепле. Однажды Соня Соснер столкнулась с ними лицом к лицу. Ксаверия Ивановна не растерялась и сказала:

— Это моя дочь.

Временами Соня уходила и пряталась у других людей. Потом возвращалась, но никогда не рассказывала, кто ее прятал в эти дни. Говорила только, что есть еще хорошие люди. Зимой 42-го года она пришла в дом и сказала:

— Мне сделали «русские» документы. Обещали провести к партизанам. Надоело жить в страхе. Пройду в лес — так пройду.

Ей повезло...

После войны она встречалась с Ксаверией Ивановной и Александром Фомичем Халиво. Рассказывала, что в партизанском отряде ей сначала не поверили. Говорили, что все евреи в Витебске погибли. Месяца два проверяли. В конце концов удостоверились, что говорит правду. Некоторое время она была в партизанах, а потом ее переправили на Большую землю.

Майя Васюк родилась в Витебске в 1937 году.

Маме — Нине Кутиной было чуть больше двадцати лет, когда она вышла замуж. Активная комсомолка, спортсменка — занималась конькобежным и парашютным спортом. Семья

была в городе на виду. Отец — Петр Кутин служил начальником Витебской тюрьмы, старший брат Виктор работал заместителем директора фабрики «КИМ», перед самой войной стал секретарем обкома партии.

Папа Майи — Ефим Янкелевич Басс, из еврейской семьи. Работал и учился. Когда в 1939 году стал дипломированным специалистом, его направили на работу в таджикский город Ленинабад (Худжант).

Единственного ребенка решили, пока не обоснуются на новом месте, оставить в Витебске, у папиных родителей.

Вспоминает Майя Ефимовна Васюк: «Не знаю, как звали бабушку и дедушку, у которых я жила. Так сложилась жизнь, что своей родней я заинтересовалась, когда уже не у кого было спросить. В памяти сохранились только чувства. Меня очень любили в этом доме. Осталось ощущение теплоты, особенно, когда думаю о бабушке.

Помню деревянные дома на нашей улице — недалеко от Могилевского рынка, магазин, в который мы ходили, немцев, которые ехали по нашей улице на мотоциклах. Они остановились около колонки, закатали рукава, мылись, пили воду и смеялись...

Потом немцы стали появляться на нашей улице часто. Они приходили со стороны аэродрома, который находился недалеко от нас.

Еврейская бабушка отвела меня к русской бабушке Кутиной Екатерине Георгиевне. Считала, что там я буду в большей безопасности.

Кутины жили на улице Ветреной (ныне Грибоедова) в большом деревянном доме.

Немцы устраивали облавы, охотились за подпольщиками и теми, кто им помогал. В одну из таких облав попали и мы. Нас в грузовике повезли в концлагерь "5-й полк". Бабушка заболела тифом. Немцы боялись эпидемий и тифозных отправили домой.

Вспоминаю дом... Бабушка умирает, горит свеча. И в этом же доме — другая еврейская бабушка. После смерти Екатерины Георгиевны Кутиной немцы схватили вторую бабушку — папину маму. Ее повесили рядом с каланчой. Я видела ее на виселице.

Я осталась одна. В концлагере вместе с нами находилась

молодая женщина Вера Иванова. Она тоже сумела уйти из "5-го полка". Скорее всего, ее выкупили. За взятку полицаи, а то и немцы, выпускали людей из концлагеря.

Немцы угоняли молодежь в Германию. Иванова удочерила меня, чтобы ее не отправили в Германию. Так я стала Ивановой. С такой фамилией было безопасней жить. Никто не знал, кто был мой отец. Мы жили в землянке, недалеко от дома Кутиных. Ходили по Песковатикам, перекапывали огороды вокруг сгоревших или нежилых домов, искали оставшуюся в земле картошку. В погребах находили гнилые огурцы. Особенно тяжело было зимой. Я, считайте раздетая, почти без обуви, ходила на Двину за водой. Подъем от реки был обледеневший, я падала, вода разливалась. Плакала, и снова шла к реке. Рядом со Смоленским рынком немцы держали конницу. Мы ходили туда побираться. Немцы смеялись и кидали нам остатки еды.

Когда освободили Витебск, недалеко от этого места, участок огородили колючей проволокой и держали там пленных немцев. Мы, дети, собирали объедки, гнилую тыкву, картошку и бросали немцам через колючую проволоку. Они бросались за этим, как голодные собаки. Мы смотрели на них и тоже смеялись.

Вера Иванова рисковала, она старалась и для себя, и для меня. Но ребенок не может оценивать такие поступки. Мне было плохо. И я ушла от нее зимой, в холодный день. Ходила по городу, попрошайничала, пока меня не отвели в детский дом.

...Летом 1944 года, когда нас освободила Красная армия, мы были в лесу, где-то недалеко от города. Солдаты нас вывели из леса.

Уже потом я узнала, что отца из Ленинабада забрали в армию и он погиб на фронте под Сталинградом.

После войны мама нашла меня.

Я училась, работала на фабрике "Знамя индустриализации" модельером-конструктором. Воспитывала детей. Но никого из родственников отца в жизни так и не встретила».

Среди тех, кому довелось испить горькую чашу фашистской оккупации, была и семья Захара (Залмана) Хононовича Рубина. Сам он в первые дни войны записался в ополчение и вскоре

был переведен в одну из воинских частей. Вместе с другими бойцами его маршем отправили в Велиж. Часть шла без оружия. Когда она прибыла в Велиж, поступил приказ срочно вернуться в Витебск. В городе он не задержался. Забежал домой, чтобы повидаться с родными, но жены дома не оказалось. Попрощался с детьми, оставил жене записку.

Его жена, русская женщина Юзефа Антоновна Ефимова, работала медсестрой в городской (еврейской) больнице, потом в роддоме. Она хотела эвакуироваться, но, когда пришла на службу за расчетом и документами, ей сказали, что роддом уже функционирует как военный госпиталь и весь медперсонал должен оставаться на рабочих местах до особого распоряжения. Фашистские войска заняли город, а «особого распоряжения» так и не поступило. Так Юзефа Антоновна Ефимова с тремя детьми осталась в оккупированном гитлеровцами городе.

После приказа немедленно зарегистрироваться всем, кто имеет отношение к евреям, Юзефа Антоновна поняла, что их ждут страшные дни, и уничтожила метрики детей, где была записана национальность отца. Но без документов жить нельзя. И они пошли в отдел здоровья горуправы, который тогда возглавлял М.Л. Мурашко. По довоенным временам он знал семью Рубина-Ефимовой, но, когда Юзефа Антоновна с детьми вошла в кабинет, спросил, глядя на старшую дочь: «А это кто такая?». Юзефе Антоновне пришлось долго его уговаривать выдать новые метрики.

Беда в том, что их дом сгорел и жить было негде. Вскоре по совету знакомых семья перебралась в поселок Верховье, находящийся недалеко от Витебска. Там Юзефа Антоновна с тремя детьми стала жить в одной маленькой комнатке в деревянном бараке.

Когда начал создаваться партизанский отряд М.Ф. Бирюлина, старший сын Александр ушел в лес.

В Верховье ни Рубина, ни Ефимову никто не знал. Юзефа Антоновна надеялась, что национальность ее мужа останется в тайне и детей никто не тронет. Она думала, что в это страшное время у каждой семьи полным-полно своих забот и до многодетной беженки никому дела не будет. Она, всю жизнь делавшая людям

только добро, была уверена, что если кто-то и узнает правду о ее семье, то придет на помощь. Но на деле оказалось не так. Через некоторое время соседка Ефимовой стала поговаривать, что «в их доме завелись евреи и от них нужно избавиться». Юзефа Антоновна сообщила об этом сыну. Однажды вечером Александр вместе с другом, переодевшись в немецкую форму, пришли к соседке и стали расспрашивать, есть ли здесь евреи. И услышали уже известные им слова. Поняв, что это может плохо кончиться, Александр помог родным перебраться в партизанский отряд, а затем на Большую землю. Это произошло весной 1942 года.

Будучи в эвакуации, Юзефа Антоновна после долгих розысков случайно узнала адрес полевой почты мужа. Первое ее письмо об ужасах фашистской оккупации Витебска читала вся рота, в которой служил Захар Рубин.

Красноармейцы написали коллективный ответ жене Рубина. "Мы, товарищи по оружию твоего мужа, клянемся безжалостно отомстить за смерть тысяч евреев. Мы будем воевать до тех пор, пока последний фашист не исчезнет с лица земли".[93]

7 октября 1942 года письмо Юзефы Антоновны мужу было опубликовано в газете Западного фронта «Красноармейская правда». А потом стало известно широкому читателю по публикации Ильи Эренбурга в сборнике «Война».

Вот некоторые отрывки из недолгой переписки Захара Рубина с семьей: «Здравствуйте, мои дорогие Юненька с ребятками! Сегодня получил из Горького письмо с твоим адресом. Такого счастья я не ожидал, все равно, как если бы я с того света получил от вас письмо. Не представляю себе, как вам удалось вырваться из проклятых немецких когтей...»

В ответ Юзефа Антоновна писала: «Ты просишь рассказать об отце. Я с ним встречалась много раз, помочь ему я не могла, я сама жила не лучше. Жили они в гетто, в развалинах дома. Один раз он пришел ко мне. Выглядел он ужасно, опухший, оборванный (у них все отобрали). Последнее свидание с ним не состоялось – мы должны были встретиться в воскресенье, а в субботу его расстреляли. Моя мама осталась в Витебске. Я была три раза у Степана, спасибо ему – он сшил Алику бур-

ки. Где он теперь, не знаю. 16 февраля поселку дали два часа сроку — освободить все дома. Потом немцы всех расстреляли. Многие наши друзья, которые остались, погибли: зубной врач Лукаревич, доктор Маркович, сестры, наши молодые акушерки, всех не перечтешь. Все они погибли после ужасной жизни, многие умерли от голода еще до расстрела... В садике перед каланчой виселица, там каждую неделю вешают по несколько человек. Страшная картина...

Вот, мой дорогой, сколько мы пережили ужасных дней. Алик тебя ни на день не забывает, он все понимает. Бывало, в дни безвыходного горя, он обнимет меня и говорит: "Мама, давай сцепимся и утопимся". А потом тут же спохватится и скажет: "Нет, мама, нельзя — вдруг папа придет, а нас нет?"

За голову нашего сына Шуры немцы обещали 12 тысяч рублей. Однажды его вели вместе с другими партизанами на расстрел, вели по морозу голых, босиком. Немцы сидели на лошадях, а рук им не связали. Довели до оврага, а они, сговорившись, рванули в лес».

25 августа 1942 года Захар Рубин отправил ответное письмо своей семье. «С нетерпением я ждал письма, сами понимаете, да и вообще такого счастья, как узнать о том, что вы все живы, и переписываться с вами я уж не ожидал. Трудности и горя пережил немало... Но в сравнении с тем, что вы пережили, — это, конечно, мало.

...О себе особенно писать нечего. В ноябре я был контужен и два месяца лежал в госпитале... Сейчас нахожусь на Западном фронте, работаю батсанинструктором. Нахожусь на передовой почти все время под пулеметно-минометным огнем. Мои товарищи почти все ранены, мне пробило каску, полы шинели все изрешечены. Вчера я ехал за ранеными. Миной убило лошадей и возчика. На мне порвало плащ-палатку и осколком пробило котелок, а сам я остался цел и невредим и не теряю надежды с вами еще увидеться... Алик, сынок мой, когда я приеду к тебе, куплю новый велосипедик, а Томочке — кино».

Родной брат Захара Рубина, военный инженер-полковник Абрам Рубин, возглавлял военно-строительное управление

Западного фронта. Однажды он приехал в часть, где служил Захар. Абрам предложил брату подлечиться от контузий и язвы желудка. Сказал, что в тульском госпитале почти весь медперсонал из Витебска. Но Захар ответил, что никуда с передовой не уйдет – он должен отомстить за смерть своих близких (тогда Захар Рубин еще не знал о том, что семья вырвалась из оккупированного Витебска).

Захар Хононович Рубин умер от ран 15 февраля 1943 года, похоронен в деревне Шатрищево Смоленской области.

Юзефа Антоновна связалась с Вязьменским, начальником военно-полевого госпиталя, и в октябре 1942 года прибыла с детьми во фронтовую Тулу. Она проработала всю войну медсестрой в хирургическом отделении, которым заведовал Б.В. Петровский. Ее труд отмечен медалью «За боевые заслуги».

В августе 1944 года Юзефа Антоновна с тремя детьми вернулась в Витебск. Послевоенные врачи областной больницы и сегодня помнят эту добрую и трудолюбивую медсестру.

Витебляне, воевавшие на фронтах, оказавшиеся в эвакуации, не знали, что происходит в их родном городе, или знали лишь некоторые детали жуткой трагедии, происходившей на оккупированных территориях. И продолжали верить, что их родственники живы, и придет час освобождения, когда они снова встретятся с ними.

Известный скульптор, Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда Заир Исаакович Азгур в автобиографической книге «То, что помнится» (Минск «Беларусь», 1997) вспоминает о своей маме – Соре Азгур.

Она была очень трудолюбивым человеком. В молодости Сору знали по всей округе от Массор до Мошкан (нынешний Сенненский район Витебской области), где она тогда жила – никто не умел так быстро и так низко жать жито. Ее снопы после тщательного обмолота шли на покрытие крыши.

Она знала много местечковых историй, легенд, преданий, была мудрым человеком. Но в первую очередь – заботливой и любящей мамой. В семье было двое детей: Борис и Заир. Их отец рано умер. Мама с помощью своих братьев поставила сыновей

на ноги. Переехала в Витебск, где жили ее многочисленные родственники. Здесь и застала Сору Азгур война.

«В 1943 году мой брат Борис, — пишет Заир Исаакович Азгур, — командир летной части, получил задание бомбить немецкий аэродром в Витебске. Там было огромное скопление фашистских самолетов. Вскоре после выполнения этой операции в газете "Звязда" появился очерк "С добрым утром", написанный очень интересно, живо, с подробностями. Борис предупреждал свое боевое подразделение, чтобы бомбили точно в цель, и постарались ни в коем случае не задеть маленький домик, где живет его мама. Этот домик находился неподалеку от аэродрома. Брат надеялся, что наша мама еще жива.

Мне он сказал, когда я приехал к нему в воинскую часть:

— Мы им задали перцу. И главное, Заир, я убедился — домик наш устоял, значит, мама где-то...

Но напрасными были заботы Бориса! В 1941 году — это точно установлено — маму закопали живьем немецкие фашисты. Она похоронена вместе со многими жертвами в Духовском овраге в Витебске. Рассказывают, что утром следующего дня люди, проходя мимо, еще слышали стоны из-под земли... Вспоминать об этом невыносимо больно...»

По воспоминаниям родственника Соры Азгур — А.Г. Томчина, вместе с ней был убит и ее муж, отчим Заира Исааковича Азгура.

Сара Кусиэльевна Манулькина сумела спасти себя и пятилетнюю дочь Любу. Вспоминая об этом, она рассказывала: «Выгоняют нас из Дома культуры (место гетто — авт.) на улицу. Беру дочку за руку, иду, а рядом стоят полицаи, совсем мальчики молодые, и один, ну, года 23 ему, и он поднял на меня нагайку и хотел ударить. Я ему говорю: "Слушай, я ведь иду на смерть, зачем ты меня хочешь ударить? Разве тебе легче будет?". И он опустил руку, не ударил. Я увидела кочегарку во дворе, она была справа от выхода и примыкала к правой стене. Там было какое-то внутри отверстие. В это отверстие спряталось 15 человек...

Первый вечер мы отсидели... Переночевала опять в клубе, но утром мы пошли не во двор, а в кочегарку, спрятались в

трубе. Это был последний день работы немцев. Я сидела последняя. Была в пальто. Насыпали угли прямо на себя. Сидим спокойно, никто не кричит. Уже ночь. Многих увезли. Заходят немцы. Светят фонариком в трубу, а на мне угли. Один смотрит и говорит другому: "Все расстреляны..."

Они ушли. Ночью и мы решили уйти...»[94]

Сегодня даже трудно себе представить, как Берта Ароновна Вейлер сумела не только выжить, но и сберечь троих маленьких детей.

Когда фашисты стали сгонять евреев в гетто, они прятались в подвале 25 средней школы. Кто-то их выдал. В подвал ворвались немцы и стали бить прикладами, подгоняя к выходу. Особенно лютовали они, когда увидели в руках у дочери Берты Ароновны Рони кулек с сахаром, который они захватили еще уходя из дому и берегли, как самую большую ценность.

В гетто оказался и старший брат Берты Ароновны. Он, инвалид Первой мировой войны, бывший в те годы в немецком плену, успокаивал родных. Говорил, что немцы ничего плохого не сделают.

И только старший сын Ким, которому было тринадцать лет, настаивал:

— Или мы уходим все и я помогу нести маленького Яню, или я уйду один. Они убьют всех.

— А как же мой брат? — спросила Берта Ароновна. — Ты же знаешь, у него нет ноги. Он не сможет уйти.

— Он останется здесь, — ответил Ким. — А нам надо уходить.

В войну дети взрослели очень быстро. Иногда день приравнивался к году. И очень рано начали понимать, что выживает каждый по одиночке, а гибнут, как правило, все вместе.

Берта Ароновна попрощалась с братом, и они ушли на север в сторону Ленинграда. Говорили, что там можно выйти к своим. Но чем дальше они шли, тем яснее понимали, что до линии фронта им так и не добраться. Они остановились в Городке. Просили милостыню. Те, что победнее, давали кусок хлеба, иногда оставляли ночевать у себя в доме. Те, кто был побогаче, спускали с цепи собак. Еду можно было обменять на одежду,

обувь, и Берта Ароновна отправила старшего сына в Витебск, где у них были перед уходом из дома спрятаны вещи. Она, родившаяся в еврейском местечке на Украине, рассказывала, что украинка, благо, с детства знала этот язык также хорошо, как и родной идиш, говорила, что дом сгорел и сейчас ищет родителей мужа, которые живут в Белоруссии.

Вернулся Ким, принес спрятанные вещи, и Берта зачастила на рынок, где обменивала их на продукты. Но однажды ее увидела женщина, которая знала Берту Ароновну еще по Витебску. Она поздоровалась, сказала, что на нее можно рассчитывать – не выдаст, и тут же побежала к немцам сдавать жидовку и жиденят. Ведь за каждую голову была обещана отдельная премия. Берту Ароновну тут же схватили, привели к коменданту и стали допрашивать. Наверное, и сотой доли тех пыток, избиений, что перенесла она, не выдержать женщине. Но Берта Ароновна думала о детях и упорно повторяла придуманную легенду.

В конце концов, комендант поверил ей и отпустил. Берта Ароновна поняла, что из Городка надо уходить. И она решает идти на юг, на Украину. Думает, что в местах, где ее знали с детства, будет легче найти и кров, и пропитание.

Часто их подвозили на автобусах, машинах немецкие солдаты. Причем, делали это охотно. Объяснялось все просто. Фашисты боялись партизан и усаживали рядом с собой детей и женщин. По ним стрелять не будут. Под Гомелем Берта Ароновна остановилась в крестьянской избе. Она понимала, что надо где-то достать документы. Их можно было только украсть. И женщина, до этого не взявшая чужой копейки, решилась на это.

Так Вейлеры стали Маслюковыми. Ким – Ефимом Александровичем. Хоть Ким и не еврейское имя, но опасное, коммунистическое, и его тоже лучше поменять. Роне, дочери Берты Ароновны, пришлось привыкать к имени Ирина, а самого маленького Яню назвали Иваном. Мама приказала детям, если кто-то спросит, как ее зовут, отвечать: «Мария Ефимовна».

Ни Ким, ни Роня не были похожи на евреев. Светловолосые, голубоглазые, они не вызывали никакого подозрения ни у

немцев, ни у всезнающих полицаев. Да и сама Берта Ароновна, чернявая, смуглая, чем-то напоминала украинских женщин. И только Яня, типично еврейский мальчик, мог выдать их всех. Ведь достаточно было развернуть одеяльце и увидеть, что мальчик обрезан. Его кутали, закрывали лицо. Говорили, что он больной. Но чем больше прятали Яню, тем больше вопросов возникало у случайных попутчиков, у патрулей. И однажды Ким сказал:

— Мама, мы должны избавиться от него. Из-за него расстреляют нас всех.

— Что ты предлагаешь? — спросила испуганная Берта Ароновна.

— Ничего, — ответил Ким. — Подумай сама. Или погибнет он один, или погибнем мы все вместе.

Несколько дней Берта Ароновна повторяла шепотом слова сына, смотрела на Яню и плакала. А когда увидела впереди немецкий патруль, испугалась. Подошла к колодцу, достала из одеяльца малыша, подняла на руках... Эти мгновенья она помнила до самой смерти. Разжать руки Берта Ароновна так и не смогла. Она завернула мальчика обратно в одеяльце и пошла навстречу патрулю...

К октябрю беженцы дошли до Киева, но, убедившись, что в городе не прожить, пошли дальше в деревню Шапиевку Сквирского района. Здесь все были уверены, что пришла украинская семья. Им дали крышу над головой. Берта Ароновна или, вернее, Мария Ефимовна, стала работать в школе уборщицей. Ходила в церковь, голосила на похоронах. В общем, ничем не отличалась от местной женщины. Так и дождались освобождения.

Ким сразу же уехал в Киев, окончил ремесленное училище, стал специалистом высокого класса по художественной облицовке мрамором и гранитом монументальных объектов.

Берта Ароновна с детьми в 1947 году вернулась в Витебск. Здесь она узнала, что ее муж Иссер Вейлер, всю войну провоевавший на фронте, в 1944 году пропал без вести.

Ян окончил школу, устроился на завод заточных станков и проработал там 44 года. Тот самый Яня, который в роковом 41-м младенцем едва не остался на дне колодца.

Александр Иванович Филиппов родился в Витебске в 1931 году. В детстве жил в доме деда в районе Задвинья по ул. Лабазной (сейчас ул. Чайковского).

Мама Аделаида Семеновна была художником, преподавала в Витебском художественном техникуме. Она из богатой семьи Паленбахов. Брат ее деда был строительным подрядчиком. Один из построенных им домов и сейчас стоит по ул. Чайковского, в нем находится медицинское учреждение. Дед Аделаиды Семеновны до революции занимал просторный деревянный дом, как раз напротив этого медицинского учреждения, но после 1917 года его потеснили и выделили одну квартиру в его же бывшем доме.

Папа Александра Филиппова – Иван Никитич был кузнецом.

– Перед войной в Витебске проходили учения. Подавали сигнал тревоги, и люди на улицах надевали противогазы, кого-то укладывали на носилки и уносили в кареты «Скорой помощи», – вспоминает А.И. Филиппов. – Какое-то тревожное ощущение висело в воздухе, но я был ребенком и не обращал на это внимание.

Незадолго до начала войны отца забрали на военные сборы. Он был командиром Красной Армии. Их часть находилась недалеко от Витебска в поселке Лужесно. Штаб располагался в здании церкви. Каждое воскресенье я с мамой ездил к отцу. Когда началась война, отец говорил нам: "Немедленно уезжайте из Витебска". Наверное, понимал, что немцы займут город, и старался обезопасить нас. Но мама упорно твердила, что мы должны быть вместе с отцом. Во дворе нашего дома мы выкопали окоп или землянку. Город бомбили немцы, когда в июльское воскресенье мы отправились к отцу в Лужесно. Приехали, а там уже нет воинской части, ее отправили на фронт. Вернулись в Витебск, мама решили срочно уходить из города, но было уже поздно – железнодорожная станция не работала, а пешком идти не решилась.

Немцев мы увидели в Витебске 9 июля в три часа дня. У нас на стене висели большие старые часы, и мама остановила стрелки в 15-00.

...На углу нашей улицы, там где сейчас находится техникум связи, до войны работала баня — большое здание в несколько этажей. Не помню, в какие числа это происходило — евреев с нашего района стали загонять в эту баню. Набилось много людей. И нас с мамой туда определили. Пробыли мы там недолго, нас перевели в Клуб металлистов. До него от бани не больше двухсот метров. В самом клубе места всем не хватало и люди располагались на улице, во дворе. Охраны в первые дни было немного. Можно было уйти из гетто, некоторые так и поступали, но в основном люди находились в растерянности, не знали, что делать.

Однажды к нам пришла мамина знакомая и сказала: «Аделаида, удирай отсюда. Я вас спрячу в подвале дома». Жила она по улице Канатной (сейчас ул. Димитрова). Этот разговор услышала многодетная мама, и стала просить: «Возьмите когонибудь из моих детей». Мама взяла двоих ее детей, мальчика и девочку, и мы отправились к знакомой. Но в подвале прятались недолго. Про нас узнали соседи, а среди них были и такие, которые могли сообщить немцам. Мальчика и девочку, которые прятались с нами, знакомая куда-то определила, а мы ушли.

У мамы было много друзей. Она обратилась к врачу Черткову, и он спрятал нас. Этого врача хорошо знали в городе. После войны он работал главврачом железнодорожной больницы.

В бане еще продолжали оставаться евреи, но когда немцы решили, что она должна работать, прятавшихся там людей погрузили в крытые черные машины, отвезли в Гапеевский овраг и там расстреляли. Я видел, как их заставляли залезать в кузов машины. Один молодой парень, увидев, что охранник посмотрел в другую сторону, спрыгнул с машины и убежал по берегу Западной Двины.

Мама решила уйти из города. В деревне Куряки (нынешний Лиозненский район) жила ее сестра, она была замужем за местным счетоводом. Шли по дорогам, на нас никто не обращал особого внимания. Просили милостыню, кто-то давал кусок хлеба, а кто-то сразу гнал со двора. У маминой сестры мы прожили почти год. Соседи знали и кто мамина сестра, и кто мы, но не выдали.

Живя в деревне, маме казалось, что самые страшные времена уже прошли, и она решила вернуться в Витебск. В квартире оставались наши вещи, документы. Почему-то она считала, что закрытую квартиру никто не ограбил. Мы пришли на Лабазную улицу, в доме жили новые люди, а в нашей комнате — никого, только все разорено, разбито. Из вещей ничего не осталось, только альбом с фотографиями.

Мама много рисовала даже в эти дни. Однажды немец увидел это и сказал: «Нарисуй меня». Она написала его портрет. К маме стали приходить другие немцы, она рисовали их. Приносили еду, это спасало нас. Однажды пришел полицай и потребовал, чтобы нарисовала его. Мама сделала портрет, но полицай не рассчитался и даже пригрозил нам. Я побежал к бане, увидел немца Вальтера, которого мама рисовала раньше, и пожаловался ему. Вальтер ударил полицая и заставил его рассчитаться. Полицай затаил на нас злобу.

Мама рисовала для церкви иконостас. Митрополит Пароминский стал помогать нам. Мама рассказала ему о себе всю правду, и он выхлопотал для нее немецкие документы.

После поражения под Сталинградом, развертывания партизанского, подпольного движения, немцы ожесточились. В городе проходили частые облавы. Малейшего подозрения было достаточно, чтобы попасть в концлагерь «5-й полк».

И снова выручил врач Чертков. Он положил нас в больницу, как тифозных больных. Мы пробыли там два месяца. У немцев стали возникать подозрения, почему мы находимся в больнице так долго. Чертков сказал нам, что нужно немедленно уходить.

Мы прятались в подвалах станкостроительного завода. Там же скрывались семьи Ратохли и Обойщикова. Нас одолевал голод. Мама боялась выходить из подвала, я ходил к немцам и попрошайничал, или на маслозаводе воровал подсолнечное масло и жмых. Однажды меня выследил полицай, тот самый которого наказал немец Вальтер, и ночью в заводском подвале устроили облаву.

Так мы попали в концлагерь «5-й полк». Переболели тифом. В лагере ежедневно от тифа умирало много людей. Их

заворачивали в рогожу и вывозили в ров за концлагерем, там прикапывали землей.

Уже в 1944 году, когда Красная Армия начала операцию по освобождению Белоруссии, немцы отправили меня вместе с другими узниками в Островно. Я копал траншеи, строил заградительные сооружения. Во время бомбежек, артобстрелов мы служили немцам живым щитом. Нами прикрывались.

Во время одной из бомбежек мы рассыпались по лесу. Приближался час освобождения. Видел, как советские танки по горящему мосту форсировали Западную Двину.

Я с мамой был одним из первых, кто пришел в освобожденный Витебск. Кругом одни руины. От Вокзальной улицы оставались только груды кирпичей, а наша Лабазная улица — пять домов, почти не пострадала. Это был островок посредине разрушенного города.

Отец прошел всю войну и вернулся домой. Военные раны давали знать, и он умер в конце пятидесятых годов. Мама продолжала рисовать, преподавать, выставлялась на послевоенных выставках. Она прожила 92 года.

Я тоже стал художником, преподавал на художественно-графическом факультете Витебского университета.

До войны в Витебске работало много высококвалифицированных врачей, окончивших в свое время медицинские факультеты крупнейших университетов Европы. Витебляне хорошо знали имена профессора Владимира Марзона, Льва Гинзбурга, Доры Гурман, Гирши Хвата, Ионы Левина, Сергея Лиоренцевича, братьев Александра и Хрисанфа Митрошенко, Николая Наместникова, Исидора Ратнера, Иезекиеля Риваша, Иосифа Сосновика, Соломона Хейна, Людмилы Чернышковой и других.

По данным местного статуправления, в 1940 году в Витебске работало 336 врачей и более 600 человек среднего медперсонала. В первые недели оккупации, судя по сообщению полиции безопасности и СД от 20 июля 1941 года, в городе оставалось 40 врачей, в том числе евреев.[95] Верные своему врачебному долгу, они работали до последней минуты в больницах и поликлиниках города. Многие из них оказались потом в гетто. И погибли.

Витебские женщины буквально боготворили опытнейшего врача-гинеколога Иезекиеля Евелевича Риваша. Он родился в 1872 году в городе Острове Псковской губернии. В 25 лет закончил Дерптский (Юрьевский) университет, свободно читал на немецком, английском. Он работал в городской (бывшей еврейской) больнице, а когда незадолго до войны построили новый роддом на Пролетарском бульваре (ныне улица Б. Хмельницкого), И. Риваша перевели работать туда. Доктор И. Риваш мог еще до войны уйти на пенсию, но это был врач не только по профессии, но и по призванию. Помогать людям было потребностью его души.

Бывшие сотрудники И. Риваша рассказывали нам, что однажды, после многочасовой тяжелой операции, уставший Иезекиель Евелевич, выйдя из операционной, поскользнулся, упал и сломал кость тазобедренного сустава. Был он человеком уже не молодым, кость срослась неправильно, образовался ложный сустав. После этого он хромал, с трудом ходил на костылях. Ему трудно было часами стоять у операционного стола и он оперировал сидя. Больница не могла остаться без опытнейшего гинеколога, и ему специально выделили лошадь, которая привозила его на работу и отвозила домой.

Доктор Иезекиель Риваш имел возможность эвакуироваться. Обстоятельства, по которым он остался в Витебске, нам неизвестны. Рассказывают, что, когда за ним прислали грузовую машину, его не оказалось дома. Жил он в одной из квартир в доме № 1 по улице Крылова (бывшей Успенской), который до революции был собственностью семьи Ривашей.

Когда евреев стали сгонять в гетто, русские женщины ходили в горуправу и просили, чтобы И. Риваша оставили на работе. Они всерьез верили, что если этот опытный врач будет принимать роды, они пройдут успешно, и потому хотели рожать только тогда, когда он дежурил.

Весь 1941 год и начало 1942 года И. Риваш действительно практиковал в центральной поликлинике и роддоме. Н. Шидловская рассказывала, что И. Риваш ходил на работу на Марковщину. На костылях! Работая в больнице, он худо-бедно

мог прокормить себя и свою, к тому времени беспомощную, глухую жену Анну Ильиничну, с которой прожил всю жизнь.[96]

Доктор И. Риваш знал или догадывался, что его ждет. Он был дружен с И. Еленевским — старым витеблянином, юристом, выходцем из дворянской семьи. Однажды Иезекиель Евелевич сказал своему другу:

— Самое ценное, что есть в доме — это моя библиотека. Там уникальные книги и ценнейшая литература по моей специальности. Забери библиотеку к себе. Пускай она останется у хороших людей.

И. Еленевский отказался. Сегодня никто не воспроизведет сказанные им слова, но смысл их был такой: «Чем смогу, тем помогу. Но брать ничего твоего не стану».

До войны доктор И. Риваш с женой любили отдыхать у знакомых крестьян в деревне Иловке. Они останавливались у Ивана и Елены Кривоносовых. А когда Елена Васильевна бывала в городе, она заходила к Ривашам.

С приходом немцев все изменилось. Но благородные и порядочные люди оставались верны своим жизненным принципам. Слухи о том, что немцы издеваются над евреями, доходили и до Кривоносовых. Их дочь Татьяна Ивановна рассказывала: «Однажды мама пошла в город, чтобы узнать, что с семьей Риваша. Дверь открыл доктор. Увидев маму, он очень удивился. "Елена, — говорит, — что ты за человек?! Люди нас боятся, а ты вот пришла и еще гостинцы принесла". И заплакал. Мама стала его успокаивать: "Вас, — говорила она, — в городе знают, немцы Вас не тронут". Риваш молчал, а из глаз лились слезы. Позже маме кто-то сказал, что ночью к ним пришли немцы и забрали его с женой в гетто. Когда они спускались по лестнице, Риваш что-то не по-русски сказал жене, а немец чуть не ударил его. После этого Риваша никто не видел».

«Когда над Ривашем нависла опасность, — рассказывает Нина Ивановна Дорофеенко, — командование партизанского отряда, понимая это, направило в город, якобы на лечение, партизанку Антонину Моисеевну Скобову, чтобы она переправила его в

партизанский отряд. Антонина Моисеевна сказала об этом Ривашу, но он категорически отказался уходить. Никакие уговоры не помогли. "Пойду на смерть, — ответил ей Риваш, — но не поеду. Здесь остается моя жена". Он передал Антонине Моисеевне собранные медикаменты, дал нужную справку, но сам не поехал. По дороге в отряд А.М. Скобова попала в облаву, немцы направили ее в трудовой лагерь, устроенный на бывшей зеркальной фабрике. Выручила ее витебская подпольщица Мария Клементьевна Оскер».

Мария Борисовна Гинсбург, одна из старейших фармацевтов Витебска, до войны работала в аптекоуправлении. Она хорошо знала многих фармацевтов и врачей. В годы войны Мария Борисовна с сыном Ю.И. Новиковым была эвакуирована в Сызрань.

«Это было весной 1942 года, — вспоминает Юрий Исаевич Новиков. — Маму каким-то чудом разыскала фармацевт из Витебска, кажется, Красовская. Мама очень обрадовалась этой встрече: после нашего отъезда в июле 1941 года она ни разу не встретилась ни с кем из витеблян. Красовская много рассказывала о городе. Мама расспрашивала о Витебске, особенно ее волновали судьбы знакомых. Помню, Красовская очень взволнованно заговорила о докторе Риваше. Мама попросила рассказать о нем все, что знает. И тут пошли подробности, которые, по-моему, не только мы, но и мало кто еще знал. Она даже пересказала разговор с каким-то человеком, после которого она сразу ушла из Витебска. Я, разумеется, не повторю все дословно, но услышанное было настолько необычным, что некоторые детали врезались мне в память.

Красовская рассказала, что Риваш был связан с их аптекой. Он выписывал рецепты на лекарства и перевязочный материал, якобы для больных, и передавал в аптеку, где работала Красовская. Риваш знал, что эти медикаменты работники аптеки передают партизанам и подпольщикам.

В один из дней в аптеку пришел молодой парень и спросил Красовскую. Она удивилась: этого человека видела впервые. Он сказал:

— Собирайся. Надо уходить.

— Почему? Куда?

— Потом узнаешь...

В сознании возникло, а если он — провокатор?

— Я никуда не пойду.

— Немцы арестовали Риваша.

— Тогда мне нужно зайти домой и предупредить маму.

— Нет. Уходим сейчас, прямо отсюда. Маме сегодня об этом сообщат.

И они ушли.

Красовская еще долго оставалась у нас и о чем-то разговаривала с мамой».

Врач Н.И. Мельников, живший в годы оккупации в Витебске, рассказывал: «Врача И. Риваша и врача И. Левина я знал лично. Они были оставлены немцами как специалисты уже после расстрела гетто. Было оставлено также 10 аптечных работников-евреев. Врач Бабицкая и врач Околович, работавшие в инфекционной больнице, организовали переправу группы людей через фронт. Фашистам стало об этом известно. Через три дня, опасаясь, чтобы Риваш не ушел, эсэсовцы ночью ворвались в квартиру, забрали наиболее ценные книги, вещи и увели его. Больше о нем ничего не было слышно».

С побегом за линию фронта четырех девушек-фармацевтов, которые были оставлены немцами вне гетто и работали вместе с Иезекиелем Евелевичем, связывают смерть супругов Ривашей и другие витебляне.

Так, например, из воспоминаний Н.Ф. Шидловской и Е.Б. Шпаковской известно, что в 1942 году этот безупречно честный и любимый в городе человек вместе с женой был повешен на площади перед ратушей для устрашения, «в назидание населению».

В «Поименном списке уничтоженных жителей Витебска», составленном после освобождения города в 1944 году, в графе о смерти напротив почти всех фамилий написано: «расстрелян», «расстрелян», «расстрелян». Напротив же фамилий супругов Ривашей читаем: «убит», «убита».[97] Обстоятельства их гибели еще предстоит выяснить. Мы не знаем точной даты их убий-

ства, но пропуск И. Риваша на право хождения по городу был закрыт 13 марта 1942 года.[98]

Кстати, этим же днем был закрыт пропуск детского зубного врача Доры Лазаревны Гурман.

Оставалась в оккупированном Витебске и медицинская сестра, работавшая вместе с И. Ривашем, Роза Мордуховна Гнесина. В начале июля 1941 года брат Розы Мордуховны Генех Мордухович Гнесин занимался эвакуацией облпотребсоюза. В его распоряжении был целый вагон. Он просил сестру: «Надо эвакуироваться». Роза Мордуховна посадила в вагон, идущий на восток, мужа, двоих детей, а сама осталась в Витебске. Она говорила: «В больнице много рожениц. Женщинам не прикажешь, когда можно рожать, когда – нет. Риваш один не справится. Я должна ему помочь. Вы езжайте, я потом догоню вас». Она не сумела выбраться из Витебска и погибла в гетто.

В довоенные годы, как, впрочем, и сейчас, с особым уважением говорили о медиках «старой школы». Никто не знает, какие хронологические рамки у «старой школы». Эти слова, как почетное звание, присваивали тем, кто на протяжении многих лет честно выполнял свой профессиональный долг. О Циле Яковлевне Уринсон говорили – медик «старой школы». Более двадцати лет она отработала акушеркой в роддоме. Когда началась война, сутками не выходила из больничной палаты, из операционной. Молодые врачи и медсестры были мобилизованы и переведены на службу в военные госпитали. Те, кто оставался в роддоме, работали круглосуточно. Только однажды Циля Яковлевна выбралась домой, чтобы отправить падчерицу, которую считала дочкой, в эвакуацию. Благодаря ей Лилия Исааковна Лившиц осталась жива. Когда она узнала, что мы пишем книгу о Витебском гетто, прислала письмо, где рассказала о последних месяцах жизни Цили Яковлевны Уринсон.

«Еще в 1943 году я списалась с женщиной, сумевшей чудом выбраться из оккупированного Витебска. У нее была по мужу русская фамилия. Когда фашисты устроили регистрацию евреев, она не пришла на нее, никто ее не выдал и она не попала в

гетто. Но там оказались ее родственники, друзья. И эта женщина не раз, рискуя жизнью, приходила на берег Западной Двины к Клубу металлистов. Приносила хлеб, картошку. Видела Цилю Яковлевну. Ее лицо, на котором оставались следы от перенесенной оспы, было легко запомнить. Однажды у ворот гетто она встретила высокую полную русскую женщину, которая принесла Циле Яковлевне еду. Но полицаи не разрешили ее передать. Женщина плакала, говорила, что в гетто ее лучшая подруга. Я поняла, что речь идет о нашей довоенной соседке Василисе Протасьевне Лещинской, тоже акушерке роддома.

После окончания войны я встретилась с Василисой Протасьевной. Она рассказала мне, что не раз приходила к Циле Яковлевне. Предлагала ей свой паспорт, чтобы та смогла выбраться из гетто. Обещала переправить в партизанский отряд, которым командовал племянник Василисы Протасьевны Дмитрий Евстафьевич Лещинский. Но Циля Яковлевна отказывалась. Говорила, что в гетто очень много больных и люди нуждаются в ее помощи. Она не может оставить их. И надеялась, что доктор Риваш возьмет ее к себе ассистентом. Но подневольный доктор Риваш не имел ни прав, ни возможности принимать людей на работу. Циля Яковлевна Уринсон погибла в Витебском гетто».

Даты последних массовых расстрелов, связанных с уничтожением гетто, в показаниях свидетелей упоминаются разные. Одни утверждают, что гетто было уничтожено в первой декаде октября, другие — что расстрелы продолжались до 25 октября. Видимо, некоторые узники гетто в дни массовых расстрелов смогли спрятаться среди пожарищ, в развалинах домов и подвалах, окружавших здание клуба. Однако долго они там оставаться не могли. Не было воды и продовольствия, и нужно было искать другие пути к спасению. Люди, выходившие из убежищ, были замечены немцами, и гитлеровцы провели «зачистку территории». Они искали спрятавшихся евреев, обещали за каждого пойманного 1000 рублей премии. В одном из подвалов нашли 68 мужчин-евреев. Их в тот же день расстреляли.

Об одном из последних расстрелов узников Витебского гетто вспоминает С.И. Угорец: «4 ноября молодой полицай —

он жил до войны на нашей улице – сказал мне: "Семен, если ты не выйдешь из гетто, значит все – завтра вам конец". Я прибежал, сообщил родителям, сестре. Они не поверили мне, хотя надеяться уже было не на что. Все понимали, что со дня на день будут уничтожены последние узники. Сейчас я думаю, что родителям и сестре не то, что было тяжело решиться на побег. У них просто не было ни физических, ни моральных сил бороться за свою жизнь. А я решил бежать. Мать дала мне две тридцатирублевые довоенные купюры, которые она берегла на черный день, у всех собрали для меня вещи поцелее да потеплее, и подвалами домов я вышел из гетто. Куда идти дальше, не знаю... Подался к своему другу, однокласснику Николаю Удановскому. Мать Удановского сказала: "Чем я могу тебе помочь? У нас отец – коммунист, сами боимся. Можем дать тебе метрики Коли. А дальше сам выбирайся".

На следующий день я стоял около пекарни на Замковой улице и видел, как машины вывозили оставшихся евреев из гетто. Их везли расстреливать в сторону деревни Тулово. Мне показалось, что кто-то из машины махнул рукой...»

Фашисты были верны своим садистским традициям. Чтобы люди не забывали про праздники, в эти дни они устраивали массовые расстрелы. К годовщине Октябрьской революции гитлеровцы готовились особенно тщательно.

29 июля 1944 года свидетель Е.Н. Бавтуто давала показания следователям ЧГК: «...массовые расстрелы... немцы провели 6, 7 и 8 ноября 1941 года. Расстрелы проходили три дня без перерыва с 7 часов утра до 8 часов вечера. Расстреливали только евреев... Среди расстрелянных были дети, женщины, старики... Расстрелы проводились с садизмом, наблюдались массовые случаи сбрасывания в ямы живых людей.

Спустя три дня после проведения расстрелов я была на этом месте. Всюду валялись документы, вещи, облигации, деньги. Тогда же я нашла отрывок списка расстрелянных евреев на 4-х страницах тетрадных листов.

Закопали расстрелянных неглубоко, были видны отдельные части тела, которые растаскивались собаками».

Расстрельные списки, найденные Е.Н. Бавтуто, скорее всего, были составлены заранее. В день расстрела полицаи проверяли по ним, все ли узники прибыли к «месту назначения».

Георгий Валерианович Шантырь рассказывал нам: «На восточной стороне города за евреями уже не охотились. Немцы считали, что их здесь не осталось, и мы более-менее спокойно жили у дяди. Как я попал к нему? Вначале мама взяла нас, меня и сестричку, с собой в гетто. Она почему-то думала, что это место будет самым безопасным. Мы жили в гараже табачной фабрики. Когда мама поняла, что нас ждет, она отправила меня к дяде, брату моего отца. Отец был белорус, так что это была белорусская семья. Я все время носил маме еду. Я не был похож на еврея и мог свободно ходить по городу. Кроме того, полицаи за пачку табака пропускали в гетто. Но было и такое. Иду, а полицай останавливает и спрашивает:

— Ты обрезанный?

— Нет, — отвечаю.

— Покажи, — говорит он.

Мама старалась, чтобы я реже приходил к ней. Она боялась за меня. Примерно в двадцатых числах сентября она сказала, чтобы я забрал с собой сестру, которая находилась вместе с мамой в гетто. Сестре было два года.

Однажды я подошел к гетто со стороны Западной Двины. Увидел маму. Она попрощалась со мной и сказала:

— Береги Инночку.

9 ноября я пошел в гетто, думал, сумею передать маме немного хлеба. По дороге встретился мой друг и сказал:

— Не ходи туда. Их всех расстреляли».

В Витебском архиве хранится регистрационный журнал лиц, арестованных СД в июле—декабре 1942 года. Здесь все достаточно просто: отметки о «прибытии-убытии» арестованных, номер, который присваивался каждому узнику тюрьмы, а также номер камеры, в которой он находился. Отметка «убыл» в большинстве случаев не поясняет, куда именно «убыл» — отправлен в какой-нибудь концлагерь или расстрелян. Неизвестно. Названы

в документе и имена исполнителей: кто доставил арестованного в тюрьму или забрал оттуда. Учет узников велся аккуратно, изо дня в день на немецком языке. Несколько школьных тетрадей, исписанных канцелярским почерком. За ними судьбы тысяч людей, которые прошли через кровавую мясорубку СД. Для многих из них смертная казнь была избавлением от зверских побоев, издевательств, голода и жажды, от пребывания в каменных мешках тюрьмы.

Здесь под номером 2635 мы находим имя арестованной Надежды Фоминичны Шидловской, сидевшей в камере номер 13.

В списке узников немало еврейских фамилий. Значит, к 1942 году в Витебске еще оставались скрывавшиеся каким-то образом евреи: Буслович Шлема, Шустерман Евгений, Сультин Абрам, Вайнберг Израиль, Тонис Мордух, Габерман Абрам, Левин Меня, Рубинчик Аня, Гинзбург Рая, Файльман Юлиус, Кац Лева, Кабербаум Изя, Рубинчик Малка, Айзенкраф Мария, Эпштейн Павел, Куперман Хая, Церевман Лева, Голдберг Лиза, Сухман Лева, Кагилевич Ехая, Каплан Слава.

И таких фамилий в этом журнале насчитывается более ста двадцати — вряд ли кому-то удалось вырваться из тюремных застенков.[99]

Но и после этого в Витебске еще оставались евреи, числившиеся по документам белорусами, поляками, русскими.

Маня Цейтлина до войны окончила финансово-экономический институт в Минске и по распределению уехала работать в Белосток.

Когда началась война, Маня ушла в Витебск, надеясь встретить здесь родных. Но никого уже не нашла. Буквально в этот же день город заняли фашисты, и она вынуждена была остаться. С чьей-то помощью ей удалось сделать себе нееврейские документы. Ее никто не выдал, когда евреев загоняли в гетто, а затем — расстреливали. Она устроилась на работу на биржу труда. И стала помогать подпольщикам. Передавала им списки людей, которых собирались угонять в Германию.

И все же нашелся негодяй, который сдал ее немцам. Маню арестовали, пытали и повесили в июне 1944 года, буквально за

несколько дней до освобождения Витебска советскими войсками.

Долгое время, начиная с двадцатых годов, в Витебском госбанке, что находился на улице Толстого, работала машинисткой Эвелина Борисовна Петрович. Печатала она быстро и грамотно, порой правила тексты, поданные начальством для печатания.

Аккуратная, всегда подтянутая, Эвелина Борисовна была хороша собой, одевалась с большим вкусом, хотя и неброско. Жгучая брюнетка с короткой стрижкой, как тогда было модно, она выглядела моложе своих лет. Несмотря на мизерную зарплату машинистки, всегда благоухала тонким ароматом дорогих духов. Жила она одиноко, снимала маленькую комнату. Все считали, что была она то ли полькой, то ли русской.

Перед самой войной Эвелина Борисовна вышла замуж за вдовца, у которого был свой домик, и продолжала работать в банке. Они остались в оккупированном городе, так как у ее мужа Андрея Васильевича незадолго до начала войны случился инсульт и он стал при ходьбе тянуть ногу.

После создания гетто Эвелина Борисовна потеряла покой. Всеми способами она стремилась узнать, кто из ее знакомых оказался там и как им помочь. Кое-что ей выведать удалось. Она узнала, что люди погибают в гетто без пищи и воды. Собирать еду и передавать ее в гетто стало целью жизни. Где только могла, она покупала или выменивала вещи на продукты и готовила передачи в гетто. Любыми путями проникала к ограждению, уговаривала или обманывала охранников и передавала узникам еду, одежду – все, что могла достать. Попадала в облавы, но ей удавалось каждый раз возвращаться домой. Эти частые и настойчивые посещения гетто, хождения по городу привели к тому, что немцы стали ее подозревать, и однажды патруль задержал Эвелину Борисовну. «Du bist Jude!» («Ты еврейка!») – сказали ей и отвели в комендатуру. Даже паспорт, где записано, что она русская, не убедил немецкого коменданта. И только когда привели ее мужа – высокого, гладко выбритого, голубоглазого, представительного мужчину, опиравшегося на толстую палку с серебряным набалдашником в виде собачьей головы, и были представлены дополнительные документы, немецкий офицер отпустил их.

Пришлось Эвелине Борисовне с помощью перекиси изменить цвет волос. Теперь, благодаря светлым волосам, ее внешность не вызывала подозрений, и она продолжала, как и раньше, преодолевая различные трудности, проходить к гетто и приносить передачи. Делала она это до последнего дня существования гетто.

Окончилась война. Эвелина Борисовна осталась жива. Она похоронила своего Андрея Васильевича, не выдержавшего лишений оккупации. Эвелина Борисовна, постаревшая, совершенно седая, встретила немногих своих прежних друзей, вернувшихся в разрушенный и разоренный Витебск. Слезы душили ее, когда она рассказывала о годах немецкой оккупации, и тут открылась история детских и юношеских лет Эвелины Борисовны.

Ее отцом был Хаим-Борух, матерью – Ривка, державшая до революции маленькую лавку в полуподвале дома на Могилевском базаре. В лавке ничего особенного не было – дрожжи, горох, кое-что для крестьян, которые приезжали на базар. Хаим-Борух был благочестивым евреем, читал Тору в синагоге, которая была недалеко от дома на берегу Западной Двины, слыл большим талмудистом.

Ривка очень гордилась ученым мужем, сама сидела в лавке и вела все домашнее хозяйство, а по четвергам разносила дрожжи по домам своим постоянным покупателям. В семье строго соблюдались все каноны еврейской традиции.

Хава, Хавеле (так звали тогда Эвелину дома) была старшей и любимой дочерью. Она была смышленой и красивой девочкой. Родители устроили ее на учебу в Мариинскую гимназию, где учились в основном, дети из состоятельных семей. Хавеле хорошо занималась, всегда была в окружении подруг. Ее звонкий смех радовал всех. Родители души не чаяли в старшей дочери, она была их гордостью и надеждой.

В выпускном классе в нее влюбился офицер Алексей Александрович Петрович – блестящий молодой человек, с тонкими усиками над верхней губой. Происходил он из дворян. Хавеле была без ума от него. После окончания гимназии она приняла

православие и тайно обвенчалась со своим офицером.

Большего потрясения, чем отступничество любимой дочери, для отца и матери быть не могло. Они отреклись от нее. Не только они, но и вся семья, все родственники. Отец не перенес такого удара — он заболел. Хавеле стала Эвелиной и уехала с мужем в Самару. Вскоре началась Первая мировая война. Алексей погиб на фронте. Эвелина осталась одна. Она вернулась на родину.

Умерла мама, вышла замуж младшая сестра, но Эвелина не могла подойти, чтобы попрощаться или поздравить. Семья ее так и не простила. В одиночестве текла ее жизнь. Только Бог да подушка знали о переживаниях и страданиях в бессонные ночи.

В первые же дни создания гетто туда заключили семью Каценельсона — мать, отца, детей 10 и 15 лет. Это была сестра Эвелины, ее муж и дети. Вот кого искала она, вот ради кого готова была пожертвовать жизнью, чтобы облегчить их участь.

В 1947 году Эвелина Борисовна все еще работала в банке и жила в маленькой комнатке, но стала часто болеть. К ней приехал племянник. Как мальчик спасся из гетто, мы не знаем. Это был офицер. Он забрал Эвелину Борисовну в свою семью в благодарность за то, что она, как могла, помогала его родителям в последние их дни на земле. В этой семье в мире и согласии, окруженная уважением и признательностью, прожила Эвелина Борисовна оставшиеся годы.

В детский дом, который находился недалеко от Смоленского рынка, в начале 1942 года привезли девочку. Она называла себя Верой Хорошкевич. Была тихим, испуганным ребенком. Сторонилась людей, боялась, когда к детскому дому подходили немецкие солдаты.

И только своей лучшей подруге Марии Синцовой доверила тайну. Настоящая фамилия Веры была Гильман. До войны она жила в местечке Кубличи. Ее родители погибли в Ушачском гетто, а сама она чудом выбралась оттуда перед самым расстрелом. Потом попала в Полоцкую тюрьму. Там придумала легенду про Веру Леонтьевну Хорошкевич. И уже из тюрьмы была отправлена в Витебск.

В 1942 году кроме Веры в детском доме были еще еврейские ребята. Она была свидетелем расстрела трех малышей, про которых кто-то из местных холуев нашептал гитлеровцам. Детей вывели во двор и расстреляли.

Вера Гильман спаслась благодаря мужественным и благородным людям: повару Марии Петровне Мецне, воспитательнице Галине Ивановне Померанцевой и ее мужу Владимиру Иосифовичу Загорскому, которые, рискуя собственной жизнью, спасли еврейскую девочку.

После того, как семья Иващенко и Гадаскиной ушли из Витебска в Лиозно, Иван Иванович стал работать на местной железнодорожной станции разнорабочим. Построили однокомнатную пристройку к дому отца Ивана Ивановича и там жили. Стера Марковна Гадаскина не была похожа на еврейку. Конечно, соседи знали, кто она. Но были порядочными людьми и не выдали ее.

Так они прожили до 2 апреля 1943 года. В этот день в дом пришли полицейские и забрали Ивана Иващенко. Кто-то донес, что он передавал партизанам информацию о передвижении по железной дороге немецких войск и техники. Стеру Марковну вначале не тронули. Ивана Иващенко расстреляли 9 апреля возле Адаменского рва, где сейчас стоит памятник погибшим. Стеру Гадаскину забрали позже. После смерти мужа полицаям кто-то сообщил, что она еврейка. И Гадаскину расстреляли там же, где и Ивана Иващенко. Уже после войны их перезахоронили на старом кладбище около льнозавода.

Вспоминает сын Ивана Ивановича и Стеры Марковны — Александр Борисович Арсентьев.

«Я ушел из Лиозно назавтра после расстрела мамы в деревню к родственникам отца. Когда наши освободили Лиозно, вернулся обратно. Ходил в школу. Дом деда сгорел. Мы жили в землянке. Было нас в ней семь человек, не считая вшей, которых было бесчисленное количество.

Дивизионные склады стояли на кладбище, недалеко от нас. Однажды майор Арсентьев выписывал там для медсанбата бинты, вату, в том числе и спирт. Спустился в нашу землянку. По-

просил возможности отогреться. А мой дед служил фельдшером во время войны с Японией и в Первую мировую. Под спирт они нашли общий язык.

Арсентьев спросил, пойду ли я с ним, стану ли сыном полка. Я ответил: "Возьмете, пойду". Кушать хотелось каждый день. А он обещал кормить, и форму выдать. Дед согласился с таким предложением. В тот же день достали лошадь, поехали в горсовет и переписали мне документы. Я стал Арсентьевым Александром Борисовичем.

После войны поступил в морское училище. Служил на Черноморском, потом — на Северном флоте. Службу закончил начальником особого отдела. Вернулся в Витебск. Двадцать лет проработал в Морском клубе школы ДОСААФ».

Вернемся к событиям сентября 1943 года. Гитлеровцы начинают понимать, что им придется отвечать за содеянное, и пытаются уничтожить следы кровавых преступлений. Они издают секретный приказ о сжигании трупов ранее расстрелянных ими советских граждан. На судебном процессе над немецко-фашистскими военными преступниками, проходившем 15—20 января 1946 года в Минске, обер-лейтенант войск СС и криминал-комиссар гестапо, бывший начальник полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове, Слониме Ганс Герман Кох показывал:

«Прокурор: Скажите, по чьему приказу проводилось сжигание трупов?

Кох: Этот приказ исходил от Гиммлера. Я сам получил этот приказ от Эрлингера (полковник Эрлингер — руководитель Минского гестапо. — Авт.).

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Михальский: Скажите точнее, как назывался этот приказ?

Кох: Это был приказ "тайной натуры".

Прокурор: Как это понимать?

Кох: Это был совершенно секретный приказ.

Прокурор: Вам говорили, почему нужно было сжигать трупы?

Кох: Инструктаж я получил в городе Могилеве у Эрлингера. Он объяснил, что массовые могилы должны быть уничтожены

для того, чтобы впоследствии Красная Армия не могла установить, сколько советских граждан нами было уничтожено.

Прокурор: При этом был проведен наглядный инструктаж, как сжигать трупы?

Кох: Да.

Прокурор: Кто присутствовал при этом?

Кох: Там были комиссары гестапо, которые находились на территории Белоруссии.

Прокурор: Что вы делали с людьми, которых заставляли раскапывать могилы и уничтожать трупы? Вы их впоследствии уничтожили?

Кох: Да.

Вначале полковник Эрлингер предупредил, что выполнить этот приказ нужно "скрытно от мирного населения и после сжигания трупов... в пепле отыскать золотые вещи: кольца, зубы..." После этих объяснений участникам совещания был продемонстрирован костер, подготовленный для сжигания трупов. Тот же Кох показывал: к месту, где уже был сложен костер из 100 трупов советских граждан, расстрелянных в тот день, подвели всех участников. Костер занимал площадь около 36 квадратных метров, в нижней части костра были положены камни, примерно 50 сантиметров высотою, на которых лежали рельсы: на рельсы клались кряжи, на кряжи клались ряды трупов, на трупы клались дрова. И так было три яруса. К низу костра подкладывались дрова».

На вопрос следователя: «С какой целью вам было продемонстрировано сжигание трупов?» Кох ответил: «Это было нам продемонстрировано, как нужно правильно складировать костры при сжигании трупов и чтобы мы могли проинструктировать в устной форме людей, которые будут непосредственно выполнять приказ».[100]

В докладе на VI сессии Верховного Совета БССР 21 марта 1944 года начальник Центрального Штаба партизанского движения П.К. Пономаренко привел рассказ одного из тех, кто был невольным участником акции сожжения, кому чудом удалось остаться в живых: «Будучи 17 августа 1943 года арестованным, я до 1 октября 1943 года находился в Могилевской тюрьме. При

начавшейся с этого числа разгрузке тюрьмы, производившейся, главным образом, за счет массовых расстрелов заключенных, я был отобран в рабочую команду, сформированную в течение ночи из 280 наиболее сильных по внешнему виду заключенных. Под сильным конвоем полицейских и немцев, вооруженных в большинстве автоматами и имевших служебных собак, команда была направлена на автомашинах в так называемый Пашковский лес, находящийся под самым Могилевом. Там с 1 по 28 октября 1943 года команда была занята раскопкой трупов расстрелянных и зверски замученных людей и их сжиганием...

Вся работа проводилась под большим секретом. Лица, случайно видевшие это зрелище — главным образом, проезжавшие крестьяне, — расстреливались и сжигались тут же вместе с лошадьми.

По окончании сжигания трупов команда была разбита на две равные по численности группы, из которых одна была увезена куда-то на автомашинах под предлогом продолжения работы в другом месте. Оставшимся немцы приказали залезть на штабеля дров, лечь в ряд, свесив головы. Дав по людям двойную очередь из автоматов, немцы подожгли штабель в нескольких местах. Вслед за этим были расстреляны предварительно уложенные в ряд полицейские, производившие уборку вокруг штабелей, а тела их были брошены в штабель другой группой полицейских. В числе расстрелянных был бывший начальник карательного полицейского отряда местечка Княжицы Могилевского района Дегтярев.

Я оказался раненым и не потерял сознания. Когда немцы уехали, я выбрался из охваченного пламенем штабеля и бежал».

Эти показания Пилунова подтверждаются и другими источниками и свидетельствами.

Даже во времена инквизиции средневековая Европа не знала таких костров из человеческих тел. Для этого нашей благовоспитанной цивилизации нужно было дожить до середины двадцатого века. А тем, кто конструировал костры, разрабатывал методику сжигания человеческих тел, закончить университеты, получить ученые степени магистров и докторов.

Приказ «о сжигании трупов» был исполнен и в Витебске.

«Иловка стояла на этом месте с незапамятных времен, — рассказывала Татьяна Ивановна Кривоносова (Васильева). — Это был хутор, где жили только Кривоносовы — три родных и два двоюродных брата со своими семьями. Старшим был мой отец, Иван Ефремович. Семья была большая: отец, мама Елена Васильевна, я и два брата — Николай и Михаил. Наш дом стоял ближе всего к Иловскому оврагу. Между нашим домом и оврагом был ельник, который потом немцы вырубили. У каждого брата было свое хозяйство, надворные постройки. У нас был большой сарай, баня, хлев.

В какие-то дни немцы стали завозить дрова, сбрасывали их сначала около ельника, а потом в овраг. Из нашего дома это было хорошо видно. Дрова-не-дрова, что-то вроде небольших бревен. Никто не понимал, зачем их навезли. Отец говорил, что, наверное, немцы что-то задумали.

Через некоторое время привезли на машине военнопленных. Нам приказали убраться. Мы перешли жить в баню, пленных поселили в сарае.

В бане мы жили недолго. Оттуда нас тоже выгнали, и мы ушли к двоюродному брату отца, который жил на краю Иловки.

Однажды из оврага повалил черный дым, какой-то вонючий. Видеть, что там происходило, никто не мог, потому что немцы кругом поставили охрану. Продолжалось это довольно долго, недели две, а может быть, и дольше. Потом люди говорили, что немцы пленных расстреляли. Как стреляли, мы слышали, но не видели».

Об этом же рассказал нам и житель деревни Тулово Иона Рогожинский. Тогда ему было 16 лет. «О том, что стреляли евреев в Иловском овраге, знали тогда многие, и я тоже. А что происходило осенью сорок третьего, я не видел, но в нашей деревне долго помнили тот ужасный дым, который шел из оврага, даже не дым, а какой-то смрад. Куда ветер подует, туда и этот запах несло. Говорили тогда в деревне, что этот дым из оврага тянет, немцы там что-то делают. После того, как они убрались из Иловки, мы с ребятами пошли к оврагу, чтобы посмотреть, что там. В овраге увидели обгоревшую землю, как это бывает от

костров. Люди потом говорили, что немцы выкапывали трупы и жгли на кострах. Следы были на дне, с правой стороны оврага, а не на левой стороне, где в противотанковой траншее в сорок первом стреляли евреев. Оттуда тащили трупы на правую сторону, там их и жгли. В этом месте овраг был широкий. Я место хорошо запомнил, могу показать».

Старожил Витебска А. Киселев, переживший оккупацию, писал в статье «Иловка»: «Осенью 1943 года немцы нагнали сюда военнопленных и своих прислужников-полицаев, чтобы замести следы кровавой расправы над евреями. В течение месяца в большом, не гаснущем ни днем ни ночью кострище сжигались вырытые останки жертв. Последними в том костре сгорели наши пленные. От Иловки по всей околице тянулись черные тучи смрада и сажи. Хмурой осенью с безветренной погодой запах горелых тел вынуждал людей не выходить из домов».[101]

Эти же факты подтверждает старожил деревни Тулово Зинаида Федоровна Шабашова (Селезнева): «Осенью это было. Трупы раскапывали из траншеи, обливали бензином и жгли. Запах был такой, что во двор никто не хотел выходить, а в доме плотно закрывали двери, окна. И все равно тяжело было дышать. Пахло горелым мясом. Сначала мы не знали, что горит, и спрашивали у немцев. откуда такой запах. Они показывали рукой на Иловский ров и говорили: "Оттуда"».

Раскопки и сожжение производились в течение месяца. В этой акции принимали участие комендант полевой комендатуры полковник Биккель, заместитель полевого коменданта майор Рейнгорд, инспектор полевой юстиции Шефран, комендант местной комендатуры майор Морендах, помощник Морендаха и непосредственный руководитель акции оберлейтенант Зенге, военно-полевой судья Рэч и его заместитель Трейхель.[102]

Уже потом, когда было покончено с трупами, когда были уничтожены военнопленные, руками которых фашистские изверги провели эту акцию, на пепелище пришли гестаповцы. Они искали золото, наверное, то самое, за которое евреи «пытались купить весь мир». И эту работу гестаповцы не могли доверить

никому. Рейх нуждался в золоте, но еще больше жаждали его те, кто рылись в пепле сожженных.

Одной из первых еврейских семей, вернувшихся в Витебск после изгнания немцев, была семья Гадаскиных. «Отец еще был на фронте, — рассказывает Роза Кивовна Сосновская (Гадаскина). — Тогда можно было приехать в Витебск только по специальным пропускам. Еще будучи в эвакуации, мама почти каждый день говорила: "Пусть на камнях жить, но только быстрее к себе домой, в свой город". И когда фронт проходил через Белоруссию, она добилась своего — ей дали пропуск. Правда, только до Рудни, что в Смоленской области».

Гадаскины приехали в Рудню в двадцатых числах июня 1944 года. Впереди двигалась ремонтная бригада железнодорожников, прокладывающая рельсы, по которым потом могли идти поезда. В эшелоне, что следовал за ними, и прибыла в Витебск семья Гадаскиных. Это были первые дни июля 1944 года. Поезд остановился у бывшего депо, рядом с которым Гадаскины жили до войны. «Выйдя из вагона, — вспоминает Р.К. Сосновская, — ни я, ни мама не могли ничего узнать и даже не смогли сориентироваться, хотя мы знали, что наш дом находился от депо буквально в нескольких десятках метров. В какую сторону мы бы ни смотрели, видели одно и то же: груды битого кирпича и одиноко торчавшие печные трубы. К нам подошли несколько человек, мы спросили у них, как пройти на улицу Бебеля. Они показали. Трудно представить себе те дни. Все встречавшиеся люди, знакомые и незнакомые, обнимались и плакали от радости, что снова вернулись домой. Вот так мы начинали жить на пустом месте. Вечером нас, прибывших, стали разводить по пустым домам. Нашу семью отвели в большой деревянный дом, в котором жило уже несколько семей. Там дали комнатку примерно в три—четыре квадратных метра. Спали на полу, матрацем служили мешки, набитые соломой или свежим сеном, которое мы подбирали на бывшем Полоцком базаре. Стол мы сделали из обломков детской кроватки, кровать собрали из полуобгоревших каркасов. В первое время еду варили в солдатских котелках. Ставили на улице несколько

кирпичей, подкладывали железяки, и это называлось “таганок”. Котлы, ложки подбирали на пепелищах. Нам еще в какой-то мере повезло. Многие из тех, кто возвращался в Витебск, жили прямо в землянках, которые были выкопаны повсюду, немало их было врыто прямо в берега Западной Двины.

Назавтра, когда я вышла на улицу, меня встретила бывшая соседка, которая радостно воскликнула: “Я думала, ни одного еврея не осталось”. Мы стали обниматься, целоваться.

Хлеб мы получали по карточкам. Кое-что находили из немецких консервов. Жили впроголодь, но этого не ощущали. У всех было одно радостное чувство — мы снова в родном Витебске. Мы верили, что теперь у всех будет счастливая жизнь.

Меня сразу направили работать начальником медсанчасти в лагерь для военнопленных, учитывая, что перед войной я окончила медицинскую школу. Находился он тогда на территории довоенного трамвайного парка на улице Фрунзе.

Первое время я шла на работу с трудом, потому что хорошо знала, как вели себя гитлеровские головорезы в Витебске. Но я врач и обязана была выполнять свою работу».

В июле 1944 года только что вышедшая из тифозной больницы 40-летняя Хана Позднякова с двумя дочками — двенадцатилетней Раей и шестилетней Маней — возвращалась в Витебск. Доехали до Смоленска. Дальше на запад поезда не ходили, сидели на вокзале несколько дней. Потом объявили, что в Витебск идет поезд с пленными немцами, к нему прицепят две платформы и кто желает, может ехать на них. Согласились несколько семей, в том числе и Поздняковы. Если железнодорожная линия была не исправна, поезд останавливался, и немцы ремонтировали дорогу. Жители деревень, через которые проезжали, кричали:

— Смотрите, немецкие жены, немецкие дети, — и кидали в тех, кто ехал на платформах чем попало. Им было обидно, и они кричали в ответ:

— Мы не немцы, мы наши, мы едем в Витебск, на Родину!

Вспоминает Раиса Хаимовна Ялова: «28 июля 1944 года приехали в Витебск. Кругом развалины. Мама пошла с нами по адре-

сам, где жили до войны наши родственники. Никого из родных не нашли. Дошли до улицы Оршанской и увидели, что многие семьи построили себе будки из обломков досок, кирпичей и жести. Мы тоже стали строить будку. Маме помогали какие-то женщины, и я с Маней помогала, что-то носила, держала. С горем пополам, будка была готова. Прожили мы в ней месяц.

Разрушена была фабрика им. Клары Цеткин, где мама работала до войны, фабрика «КИМ», другие предприятия. Висели объявления, предлагалось бывшим работникам пойти на стройку, восстанавливать фабрики.

2 августа мама устроилась на восстановление фабрики «КИМ», и в начале сентября нам дали для жилья бывшую ванную комнату в 6-ом коммунальном доме. Дом был полуразрушен, но мы — счастливы. Это же не на улице в будке ночевать, куда нужно было заходить только на корточках, да и холодно уже стало.

Жизнь как будто стала налаживаться. Мама работала на фабрике «КИМ», я училась в школе, Маня ходила в детский сад.

Прошло три месяца, и случилась беда. Маму и меня отвезли на скорой помощи в больницу — мы опухли от голода, были в тяжелом состоянии. За Маней в детский сад в этот день никто не пришел, и воспитательница взяла ее к себе домой. На следующий день она сообщила об этом в фабком, и сестру сдали в детский приемник. Он находился где-то в конце улицы Ленинской. Там дети были один месяц, а потом, если не находились родные, их отправляли в детские дома.

Наступил 1945 год, за сестрой, конечно, никто не приходил, мы с мамой лежали в больнице в тяжелом состоянии, и Маню отправили в детский дом.

Когда мы выписались из больницы, сразу стали ее искать.

Примерно в это же время, в 1945 году, нам пришло известие, что папа погиб в декабре 1941 года. На нас навалилось все сразу. Погиб папа, погибли все родственники, потерялась Маня.

Сестру нашли только в 1948 году...»

Дора Григорьевна Лядман вернулась в Витебск в 1945 году. «Поезд остановился, сошли, кругом пусто, — рассказывает она. — Зима, я с двумя детьми, младший у меня родился в эваку-

ации. Еще одна семья идет по Ленинской улице. И больше ни души. Мороз сильный. Видим, в одном окне горит светильник. Зашли отогреться. Там работал парикмахер, тоже недавно вернувшийся в Витебск.

А потом подались на фабрику «Знамя индустриализации». Он нее остался только главный корпус. Пришли к директору, он разрешил жить в подвале, там картошку для столовой хранили. Мы были молоды, а главное, жили надеждой, что после такой страшной войны придет хорошая жизнь. Поэтому все трудности переживали без нытья».

Семья Шуфель вернулась в Витебск в 1945 году. Глава семьи Михаил был награжден орденом Красной Звезды, медалями, ранен на фронте. Ему дали III группу инвалидности и пенсию в 10 рублей.

Вспоминает Евгения Михайловна Шуфель: «Вокзала не было, стоял какой-то сарай. Город разрушен. Через Двину протянули понтонный мост. Он упирался в улицу Толстого. Когда мы прошли мост, увидели на улице бочку с квасом, которым торговала Сифра-Лея, наша довоенная соседка, мать двух сыновей Гриши и Додика. Как мы обрадовались! Как будто встретились со своей довоенной жизнью.

Стояли коробки — дома с одними стенами. Мы пошли смотреть свой дом на улице Жореса (Покровской). Нашли развалины, а то, что это именно наш дом, поняли по осколкам зеленого кафеля. До войны в доме всем поставили печи с зеленым кафелем.

Поселились на ул. Тракторной у прекрасной русской семьи, с которой были в эвакуации. Они приехали раньше и кое-как восстановили свой домик. Семья у них была большая, но нас приютили. Потом жили по ул. Ветреной (Грибоедова). Там в столярной мастерской нам выделили угол, а в другом углу, напротив нас, жила одинокая женщина по фамилии Шляпинтох.

В доме, где теперь синагога, по улице 1-ой Колхозной жили две семьи — Виленские и Кремеровы. Валя Кремерова — моя подруга. Ее отец был начальником тюрьмы. Однажды меня взяли помыться в тюремную баню.

Школьная подруга Вера Карелина с родителями жила в подвале дома на перекрестке улиц Суворова и Чехова, где сейчас университетский корпус. Там жило семей 10—15. Каждая семья отделялась от другой занавеской. Отец Веры — известный художник Валентин Константинович Дежиц.

Продукты мы получали по карточкам. Берешь кусочек хлеба, и думаешь — неужели пирожное вкуснее? (У меня где-то даже сохранились продкарточки).

В школе на большой перемене давали маленький кусочек хлеба с конфетой "подушечкой". Этот кусочек хлеба почему-то мгновенно исчезал...»

24 ноября 1947 года начальник управления МВД по Витебской области полковник В. Гоголев докладывал секретарю Витебского обкома КП(б)Б Кудряеву об итогах расследования злодеяний, совершенных на территории Витебской области немецко-фашистскими оккупантами.

«В городе Витебске немецкие захватчики полностью уничтожили жилой фонд и промышленные предприятия, уничтожив такие крупные заводы и фабрики, как: станкостроительные заводы им. Кирова и "Коминтерн", трикотажные фабрики им. Клары Цеткин и "КИМ", обувную фабрику "Красный Октябрь", маслозавод, подстанции "БелГРЭС" и "Белэнерго". Сожгли и разрушили педагогический и медицинский институты, Дом Красной Армии, педагогическое училище, городской театр, здание телеграфа и другие крупные культурные и бытовые учреждения. В г. Витебске разрушены и сожжены 8 церквей и собор — исторические памятники русской древности, построенные в XI—XII веках. Уничтожили такие выдающиеся исторические памятники русского народа, как Покровский собор, Рождественскую, Спасскую, Ивановскую и Петровскую церкви»[103].

В начале 1946 года в Витебске жило около 500 евреев. Это были партизаны, пришедшие на родные пепелища, демобилизованные фронтовики и те, кто вернулся домой из эвакуации. Надо было как-то жить дальше, думать о будущем, растить детей, хотя война не уходила из памяти.

Довоенную численность населения Витебск восстановил лишь к 1961 году.

Около двадцати лет палачам Витебского гетто из айнзацкоманды-9 удавалось уходить от правосудия. Лишь летом 1962 года по приговору суда присяжных при земельном суде Берлина палачи Витебского гетто были осуждены: Фильберт — к пожизненному заключению, Шнайдер — к десяти годам, Штрук и Туннат — к четырем годам, Грайфенбергер — к трем годам лишения свободы. Позднее наказание Фильберту было смягчено, и он умер не в тюремной камере, а в собственном доме, в окружении детей и внуков.

Десятилетиями любое упоминание о массовых расстрелах евреев в годы войны тщательно замалчивалось советскими властями. Даже там, где родственники погибших устанавливали скромные памятные знаки и обелиски, местные власти не разрешали указывать, что здесь захоронены евреи, разрешалось писать только обобщенно-нейтральные слова «советские граждане». Хотя все отлично понимали, что этих людей расстреливали не за то, что в кармане у них лежал советский паспорт, а за то, что родились они евреями.

Лишь через пятьдесят с лишним лет, в октябре 1993 года, на местах бывшего Витебского гетто и массовых расстрелов у Иловского оврага были установлены памятные камни.

В 2010 году у Иловского рва был открыт мемориальный комплекс, посвященный памяти евреев, погибших в Витебском гетто (скульптор Валерий Могучий, архитектор Валерий Шаронов, координатор работ — тогдашний председатель Витебской городской еврейской общины М.Б. Пипкин). Деньги на мемориал собирали всем миром. Значительную помощь в благоустройстве прилегающей территории оказали власти Витебска и Витебской области.

Мемориал торжественно открыли в День города. Прочувственные речи говорили председатель Витебского горсовета, Первый секретарь посольства Израиля в Беларуси. Белое покрывало с памятника сняли бывшие узники гетто. Прозвучал государственный гимн Беларуси. Солдаты из роты почетного

караула возложили венок от жителей города Витебска. На открытии присутствовали руководители всех городов и городских поселков Витебской области, почетные гости.

У основания скульптурной композиции, отлитой из бронзы, на трех языках: идише, белорусском и английском, слова «В памяти нашей всегда».

Каждую осень у мемориального комплекса сажают деревья. Пройдут годы, и там появится Парк памяти.

Хочется верить, что в ближайшие годы мемориал памяти будет открыт на берегу Западной Двины у здания Дворца культуры Витебского района — там, где находилось Витебское гетто.

А на самом здании будет установлена мемориальная Доска.

Хочется верить, что когда-нибудь будет создан Музей евреев Витебска. И в нем будет отражена 400-летняя история проживания евреев в городе на Западной Двине. И целый раздел музея будет посвящен памяти Витебского гетто.

Хочется верить, что страшная трагедия, которую пережили евреи в годы Второй мировой войны, больше не повторится. Нигде и никогда.

Хочется верить…

ИСТОЧНИКИ, СПРАВКИ

[1] «КИМ» — первые буквы прежнего названия чулочно-трикотажной фабрики «Коммунистический Интернационал Молодежи», вступившей в строй в 1931 г. «ЗИ» — первые буквы названия швейной фабрики «Знамя индустриализации», построенной в 1928 г.

[2] Осоавиахим — общество содействия обороне — массовая общественная организация граждан Советского Союза, существовала с 1927 по 1948 г. «Динамо» — Всесоюзное физкультурно-спортивное общество, основанное в 1923 г.

[3] Государственный архив Витебской области (далее по тексту — ГАВО), ф.2784, д. 1, оп. 1

[4] Лосева Бася, «Город, который всегда со мной» // журнал «Мишпоха», №12(2). 2002. С. 18—25.

[5] Чрезвычайный судебный орган.

[6] Папиш Марк, «Дорога длиною в жизнь». Мигдаль а-Эмек, 2005 с. 51—55.

[7] Быков Василь, «Слово об авторе и его книге» по книге Ефима Гольбрайха «Былой войны разрозненные строки», Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской. Москва — Тель-Авив, 2006. С. 5—6.

[8] Гольбрайх Ефим, «Былой войны разрозненные строки». Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, Москва —Т ель-Авив, 2006. С. 51—54

[9,16] Личный архив С.Л. Юдовиной (рукопись).

[10,11,12] ГАВО, ф. 9742, оп. 2, д. 82, лл. 48, 52, 87, 89. «Память». Историко-документальная хроника города Витебска // Мн.: Издательство «Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі». — С. 422—423.

[13] Иванов Ив. Из недавнего прошлого: Витебское гетто //Социалистический вестник. Нью-Йорк — Париж: 1952. Том 32, № 1—2. — С. 26

[14] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944) //Иерусалим: 1991. — С. 33.

[15] Место принудительного содержания евреев, насильственно изолированных от остального населения, отведенное немецкой военной администрацией и местной властью, огражденное и охраняемое эсэсовцами и местной полицией, созданное с целью тотального уничтожения его узников путем установления невыносимых физических и психологических условий существования.

[17] Человек, оставивший свое место жительства вследствие какого-нибудь бедствия, спасавшийся бегством.

[18] Гольбрайх Ефим, «Былой войны разрозненные строки». Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, Москва — Тель-Авив, 2006. С. 51—54.

[19] Вестник еврейского университета в Москве //М.: 1993, № 4. — С. 208.

[20] Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. Белорусская ССР// Госстатиздат ЦСУ СССР. 1963. — С. 13. Статистический справочник за 1928 г. //Витебск: 1928. — С. 28.

[21] Вывоз людей, учреждений, имущества из опасных местностей; место и время пребывания эвакуированных там, куда они вывезены.

[22] «На новые базы. Эшелоны идут на восток». — М., 1966. — С. 57

[23] Кортин Борис. «Есть горы, которые вижу во сне...» (Исторические хроники) — «Реал Медиа». 2011. С. 22—23

[24] Пипкин М.Б. «История одного архива», журнал «Мишпоха» № 20. — 2007. — С. 122

[25] Архив книги «Память», историко-документальной хроники города Витебска.

[26] Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева. Научно-вспомогательный фонд № 875.

[27,28] Филипенко Л.Н. «Исповедь перед внуками: военные мемуары», сост. С.А. Гараничева, Е.Т. Мовсесян. — Витебск: Витеб. обл. тип.— 2013. — С. 26—27

[29] Пипкин М.Б. «История одного архива» // Журнал «Мишпоха» // № 20, 2007. С. 123

[30] «Кубарями» в просторечии называли кубики — знаки различия, которые размещались на петлицах и на нарукавных шевронах военнослужащих командного состава Красной Армии. Три куба имели старшие лейтенанты.

[31] ГАВО, ф. 391, оп. 1, д. 3. Публикуется по книге «Витебск: первые дни войны. Хроника событий». // Сост. А.М. Подлипский, Витебск, Витебская обл. типография — 2011. С. 27

[32] «Скрытая правда войны: 1941 год» — М., 1992. — С. 115—121. ЦАМО РФ. Ф. 208, оп. 2524, д. 2, лл. 8—12. Публикуется по книге «Витебск: первые дни войны. Хроника событий». // Сост. А.М. Подлипский, Витебск, Витебская обл. типография. — 2011. С. 47

[33] Павловский Б. Газета «Герой працы», 15 октября 2002 г. Публикуется по книге «Витебск: первые дни войны. Хроника событий». // Сост. А.М. Подлипский, Витебск, Витебская обл. типография. — 2011. С. 58

[34] «Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. СССР, 1941—1945». // Составитель Алла Никитина, Иерусалим. — 2009. С. 197

[35] Ефим Гольбрайх «Былой войны разрозненные строки», Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, Москва — Тель-Авив. — 2006. С. 55—56

[36] Петровский Б. Военный госпиталь. Год 1941 // Наука и жизнь, 1980, № 11. — С. 46—48.

[37] «Витебск: первые дни войны. Хроника событий». // Сост. А.М. Подлипский, Витебск, Витебская обл. типография. — 2011. С. 20

[38] Сообщения Советского Информбюро. Т. 1. Июнь — июль 1941 г.// М.: 1944. — С. 3, 7, 29, 38, 48.

Совинформбюро (Советское информационное бюро) образовано в Москве 24 июня 1941 г. при Совете Народных Комиссаров СССР с целью руководства работой по освещению в периодической печати и по радио военных и международных событий внутренней жизни страны. Подготовленные Совинформбюро сводки о положении на фронтах, партизанском движении и работе в тылу распространялись через 1171 газету, 523 журнала и 18 радиостанций в 23 странах мира, а также через советские посольства за рубежом и различные советские и зарубежные организации. Руководил Совинформбюро секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков, его заместителем, а в 1941—1948 гг. начальником Совинформбюро был С.А. Лозовский.

[39] Гальдер Ф. Военный дневник, ежедневные записи. Т. 9. В двух книгах. Книга 1//М.: 1971. – С. 86, 106, 114.

[40] Айнзацкоманда-9 (Einsatzkommando-9 – нем.) – оперативное формирование, предназначенное для подготовки и проведения уничтожения гражданского населения. Состояла из служащих СС, СД и полиции. Действовала в тылу немецких армий «Центр», тесно сотрудничала с армейскими подразделениями. Выполняла особую роль в тотальном физическом истреблении евреев на оккупированных территориях. Входила в состав айнзацгруппы «В»

[41] Отчет главы полиции безопасности и СД. Берлин. 29 августа 1941 г.

[42] Гольбрайх Ефим. «Былой войны разрозненные строки», Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, Москва – Тель-Авив. – 2006, С. 77

[43] Материалы об уничтожении евреев. Витебский областной краеведческий музей (далее по тексту – ВОКМ), инв. № 7789.

[44] ВОКМ, инв. № 7789.

[45] Свидетель Г.В. Шантырь. Вестник еврейского университета в Москве. – М.: 1993, № 4. – С. 228.

[46] Термин «черта оседлости» был употреблен в одном из свидетельских показаний, данном следователю ЧГК очевидцем описываемых событий. Зона «черты оседлости» выполняла две важные для гитлеровцев функции: обеспечивала немедленную сегрегацию (отделение) евреев от остальной части населения, формировала в сознании горожан убеждение в полной бесправности евреев и одновременно страх перед последствиями в случае общения с ними, служила средством концентрации, изоляции евреев, облегчая их скорейшее перемещение в гетто и последующее полное их уничтожение.

[47] ВОКМ, инв. № 7789.

[48] Отчет главы полиции безопасности и СД. Берлин. 26 июля 1941 г., № 34.

[49] Здание бывшего Клуба металлистов (архитектор А. Васильев) построено в 1932 г. на ул. Нижне-Набережной (ныне ул. А. Ильинского). Состояло из двух групп помещений: зрительного зала с двумя ярусами балконов и клубного, объединенных просторным вестибюлем. Каждое имело отдельные выходы.

После уничтожения гетто здание оставалось в разрушенном состоянии. К октябрю 1945 г. восстановлено и передано Белорусскому государственному драматическому театру им. Я. Коласа. 29 ноября – 3 декабря 1947 г. здесь проходил открытый судебный процесс над десятью немецко-фашистскими преступниками, действовавшими на территории Витебской области в 1942–1944 гг. С 1959 г. в этом здании находится Дом культуры Витебского района.

[50] ЧГК (Чрезвычайная Государственная Комиссия) была создана Указом Верховного Совета СССР от 2 ноября 1943 г. для выявления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на временно оккупированной советской территории. По мере освобождения от оккупантов в республиках, краях и областях создавались комитеты ЧГК из числа государственных и общественных деятелей, представителей во-

енных органов и местного населения. В начале 1944 г. создана Белорусская республиканская комиссия. Сотни тысяч составленных актов и протоколов, документов и вещественных свидетельств явились на Нюрнбергском и других судебных процессах, в том числе и в Витебске, доказательством при разоблачении злодеяний немецких военных преступников.

Здесь и далее использованы протоколы допросов свидетелей, составленные следователями ЧГК в 1944—1945 гг.: П.К. Бабочкина, Е.Н. Бавтуто, В.И. Бутримовича, Х.П. Гавриленко, Е.О. Лагеня, Е.И. Лукина, Н.И. Мельникова, С.Д. Нижникова, В.Д. Орловой, Г.П. Оберенко, Ф.Т. Панкова, И.А. Порубова, М.И. Прохоровой, И.К. Прусова, П.Ф. Рыбакова, Е.Ф. Смоликовой, А.А. Солодухиной, А.И. Терещенко, М.Е. Федосеенко, Г.П. Феоктистова, Ф.А. Шабашова и других. — См.: Государственный архив Российской Федерации (далее по тексту — ГАРФ), ф. 7021, оп. 84, д. 3, лл. 108—194.

[51] Коган Ицхак «...Горит и не сгорает». Москва — Киев. 2011. — С. 6—7.

[52] Протокол допроса арестованного В.Ф. Родько от 30 августа 1945 г. Далее факты о преступной деятельности В.Ф. Родько приводятся по материалам его уголовного дела из архива КГБ Республики Беларусь. В дальнейшем ссылки на этот источник не указываются.

[53] Здесь и далее при характеристике ряда конкретных организаторов и участников геноцида в Витебске использованы материалы судебного процесса, состоявшегося в Западном Берлине в мае 1962 г. над группой офицеров айнзацкоманды-9. О решении суда по каждому из подсудимых, о которых идет речь в данной книге, см. ниже.

Копии материалов судебного процесса любезно предоставлены авторам работником берлинского музея Карлсхорст госпожой Ингрид Домероу.

[54] Старший сержант Фёдор Блохин, командир саперного взвода 875-го стрелкового полка (158-я стрелковая дивизия, 39-я армия, 3-й Белорусский фронт), 26 июня 1944 года группа из 12 человек во главе с Фёдором Блохиным спасла мост от взрыва. За этот подвиг 24 марта 1945 г. Фёдору Блохину было присвоено звание Героя Советского Союза, а в 1964 г., Ф.Т. Блохин был удостоен звания Почетный гражданин Витебска, в 1974 году мост назван в честь Блохина.

[55] ГАВО, ф. 2073, оп. 2, д. 19, лл. 513 — 514.

[56] Рыклин Я. Галаварэзы і іх апекуны//Віцебскі рабочы. — 1967, 1 ліпеня.

[57] Газета «Віцебскі рабочы», 2002 г., Владимир Костюкевич «Девочка из гетто».

[58] ГАВО, ф. 2155, оп. 1, д. 7, лл. 259.

[59] Архив книги «Память», историко-документальной хроники города Витебска.

[60] Віцебскія ведамасці. — 1941, 16 верасня. Газета Витебской городской управы. Редактор А. Брандт. Выходила 2—3 раза в неделю со 2 августа по 3 декабря 1941 г. Тираж 3000—7000 экз. Материалы публиковались на русском и белорусском языках.

[61] Фридлянский А. «Что творили немцы в Витебске». Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 8114, оп. 1, д. 181. Копия из архива Яд-Вашема.

[62] Исаак Григорьевич Ратнер — известный в городе врач-терапевт, педиатр. После окончания Петербургской медицинско-хирургической академии проработал в Витебске более полувека. Умер в августе 1940 г.

[63] Ее отец, доктор Исидор Майзель, действительный тайный советник, окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Был участником Первой мировой войны, потом обосновался в родном Витебске. Дом И. Майзеля стоял напротив губернаторского дворца.

[64] Письма Софии Исидоровны Ратнер из гетто, а также письмо Надежды Фоминичны Шидловской любезно предоставлены авторам книги жительницей Санкт-Петербурга Аттой Абрамовной Аскназий. В публикациях всех трех писем сохраняется стиль их авторов.

Оба письма С.И. Ратнер написаны чернилами на двойном листе из школьной тетради, каждое сложено в шесть раз. На каждом надпись, кому оно адресовано. Оба письма вложены в небольшой конвертик размером 7,5 х 11 см (видимо, сохранился от прежних дней — в таких оставляли визитные карточки, записки). Надпись на конверте с письмами из гетто: «Прошу Вас, дорогая моя Наденька, это письмо (слово неразборчиво — стерлось на сгибе) передать моим детям при первой возможности». Надпись на обороте письма, адресованного детям: «Моим детям Ниночке, Марусеньке, Аточке, Витеньке». Надпись на обороте письма Н.Ф. Шидловской: «Наденьке от Софии Исидоровны».

С.И. Ратнер называет в письме имена своих близких:

Ниночка — Нина Исааковна Ратнер, дочь И.Г. и С.И. Ратнер, мать Виктора Марковича Зарха;

Марусенька — Тамара Исааковна Аскназий, дочь И.Г. и С.И.Ратнер;

Аточка (Атуничка, Отунька) — Атта Абрамовна Аскназий, дочь Т.И. Аскназий, внучка И.Г. и С.И. Ратнер. Окончила биологический факультет Ленинградского университета, автор ряда научных работ. Живет в Санкт-Петербурге;

Витенька — Виктор Маркович Зарх (1934 — 1986). Родители: Нина Исааковна Ратнер — дочь И.Г. и С.И. Ратнер, с 1938 по 1946 г. находились в лагере для политзаключенных; Марк Наумович Зарх погиб в лагере на Урале в 1942 г. После ареста родителей в г. Владимире в 1938 г. Витя был перевезен в Витебск, где жил в семье И.Г. Ратнера, умершего в августе 1940 г., затем у С.И. Ратнер. 6 июля 1941 г. Тамара Исааковна и Атта Абрамовна Аскназий вместе с ним ушли пешком из Витебска;

Тетя Фаня — Фаня (Фани) Григорьевна Яппу, сестра доктора И.Г. Ратнера. В 1941 г. ей было 62 года. Сыновья воевали на фронте. После отъезда дочери и внучки перебралась к С.И. Ратнер. Дом, в котором они жили до прихода немцев, сгорел. Оставалась в гетто с С.И. Ратнер до конца, хотела покончить с собой, но не могла оставить более слабую Софию Исидоровну.

[65] Отчет главы полиции безопасности и СД. — Берлин. 25 октября 1941 г., № 124.

[66] Свидетельница С.Я. Сарак. Вестник еврейского университета в Москве. — М.: 1994, № 4. — С. 206.

[67] Отчет главы полиции безопасности и СД. — Берлин. 4 сентября 1941 г., № 73.
[68] Газета «Віцебскі рабочы», 2002 г., Владимир Костюкевич «Девочка из гетто».
[69] Дарафеенка Н. Адплата — немінуча //Віцебскі рабочы. 1982. 23 верасня.
[70] ВОКМ, н/в 8123.
[71] Иванов Ив. Из недавнего прошлого. Витебское гетто// Социалистический вестник. — 1952. № 3. — С. 50.
[72] ВОКМ, инв. № 7789.
[73] Из материалов Еврейского антифашистского комитета, лейтенант, доктор юридических наук Гирш Рольникас «Судьба витебских евреев» ГАРФ ф. 8114, о. 1, д. 161. Копия из архива Яд-Вашема.
[74] «Особое лечение», «особая обработка» — словосочетания, которые использовались в документах нацистами для маскировки производимых ими операций по уничтожению мирного населения и узников гетто.
[75] ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 901, Копия из архива Яд-Вашема.
[76] ГАВО, ф. 571, оп. 1, д. 18, л. 7.
[77] Материалы судебного процесса в Хоссбурге от 27 декабря 1945 г. — С. 2.
[78] См. источник 30.
[79] См. источник 30.
[80] См. источник 30.
[81] Рабушаў Г. Ахвяры фашысцкага генацыду // Віцебскі рабочы. 1993, 2 кастрычніка.
[82] Подлипский А. Ариец с берегов Западной Двины. О чем умалчивают биографы Юрки Витьбича// Віцебскі рабочы. — 1995. — 14 мая.
[83] Ни давности, ни забвения. По материалам Нюрнбергского процесса // М.; 1985. — С. 187.
[84] См. источник 29.
[85] См. источник 29.
[86] Иванов Ив. Из недавнего прошлого. Витебское гетто // Социалистический вестник. — Т. 32. 1952. — № 3. — С. 50.
[87] ГАВО, ф. 2073, оп. 1, д. 59, лл. 9—9 об.
[88] Віцебскі рабочы. 1941. 30 чэрвеня.
[89] Новый путь. 1942, 2 и 6 февраля.
[90] Отчет главы полиции безопасности и СД. — Берлин. 9 марта 1942 г., № 178.
[91] Новый путь. 1942, 1 декабря.
[92] Віцебскія ведамасці. 1941. 9 верасня, 21 кастрычніка; Новый путь. 1942. 28 марта, 19 мая, 6 июня, 30 июля.
[93] ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 419, с. 152. Копия из архива Яд-Вашема
[94] Свидетельница С.К. Манулькина. Вестник еврейского университета в Москве. — М.: 1993, № 4. — С. 212—213.
[95] Витебская область. Экономическо-статистический справочник. — Витебск: 1940. — С. 225.
[96] В семье доктора И.Е. Риваша было двое сыновей. Старший Урий родился в 1898 г. в Германии. По профессии врач-гинеколог, работал в Ленинграде. В 1930 г. он внезапно заболел. И. Е. Риваш немедленно выехал в Ленинград, но спасти 32-летнего сына не удалось. В Военно-медицинской

академии, где лежал Урий, И.Е. Ривашу предложили остаться и занять должность профессора, заведующего кафедрой хирургии, но он предпочел вернуться в родной Витебск.

Второй сын И.Е. Риваша был младше Урия на два года. Он также жил в Ленинграде. Вместе с шестью ведущими специалистами он разработал мощную, уникальную для того времени паровую турбину. Во время войны вместе с заводом был эвакуирован в Свердловск. Умер в мае 1944 г. в результате массового отравления в заводской столовой. Уже после войны, в 1946 г., ему была посмертно присуждена Сталинская премия.

[97] ГАРФ, ф. 7021, оп. 84, д. 3, л. 47.

[98] ГАВО, ф. 2073, оп. 1, д. 698, л. 17.

[99] ГАВО, ф. 2155, оп. 1,2 д. 5,8.

[100] Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15—20 января 1946 г.). Мн.: 1947. — С. 112—113, 460.

[101] Кісялеў А. Ілаўка // Віцебскі рабочы. 1993 г. 16 лютага (перевод с белорусского).

[102] ГАРФ, ф. 7021, оп. 84, д. 3, л. 17

[103] ГАВО, Ф. 1-п, оп. 1., д. 821., л. 84 — 100

Смотрите также: М.С. Рыўкін, А.Л. Шульман. Віцебскае гета//Віцьбічы, 1993, 30 кастрычніка; М.С. Рыўкін, А.Л. Шульман. Віцебскае гета//«Память». Историко-документальная хроника города Витебска. Кн. 1. — Мн.: Издательство «Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі». — С. 439 — 445; ГАВО, ф. 1, оп. 1, д. 102, л. 8; Национальный архив Республики Беларусь, ф. 861, оп. 1, д. 5, л. 25; ГАРФ, ф. 7021, оп. 84, д. 3; ГАВО, ф. 2155, оп. 1, 2, д. 5, 8; «Память». Историко-документальная хроника города Витебска. Книга 2. — С. 417 — 429; Вечная память. Справочник. Часть 2. Евреи — жертвы нацизма, погибшие в оккупированном Витебске в 1941 — 1944 гг. Составители Михаил Рывкин, Аркадий Шульман//Витебск: УПП «Витебская областная типография», 2003, 64 с. Михаил Рывкин. Аркадий Шульман «Запомните его имя. Юдель (Юрий) Пэн» //Витебск, 1994. Михаил Рывкин, Аркадий Шульман «Породненные войной. Праведники народов мира» //Витебск, 1997.

В книге использованы записанные авторами воспоминания спасшихся узников гетто и тех, кто встречался со свидетелями событий, происходивших в Витебске в годы войны.

В частности, рассказы:

В.Г. Абрамовой (Ключниковой), М.М. Алескер, А.Э. Ароновой (Райчонок), И.Г. Аронсон (Ивановой), А.Б. Арсентьева, А.А. Аскназий, Э.Ф. Бабицкой (Никоновой), М.Е. Басс (Васюк), М.Ф. Беленького, В.В. Богорада, З.М. Бумагина, Г.Н. Быковской (Лапицкой), Б.Е. Варкиной, И.И. Вейлер (Левиной), Я.И. Вейлера, Р.К. Гадаскиной (Сосновской), А.И. Гауфмана, С.И. Гиндиной (Новицкой), Б.Л. Гинзбурга, С.И. Гольдиной (Голубовской), А.М. Гиндеровой (Качановой), В.И. Гнесиной (Рывкиной), Н.И. Дорофеенко, М.М. Донской, Г.Г. Дудкиной, Г.И. Жихаревич, М.С. Ехилевской, М.С. Железняка, Ю.М. Зарецкого, А.П. Иванова, П.М. Кагно (Зильбер), Л.Г. Каим, И.В. Ковалевой, А.А. Ковалевского, А.И. Когана, Т.И. Кривоносовой (Васильевой), Э.М. Красс (Столяренко), С.Я. Лаговер (Глазер), Т.К.Лебедева (Шайбель), Л.И. Левиной, С.Б. Левина, Б. Лосевой, Д.Г. Лядман, И.Г. Мазьи, Е.И. Мацкевич, Н.И.Мельникова, К.А. Миндлиной, Н.И.Мельникова, Я. Михлина, Ю.И. Новикова, А.М. Папковой, М.Д. Пескина, А.Ф. Пестунович, М.Б. Пипкина, К.К. Портного, И.М. Ривлина, В.А. Ризо, И. Рогожинского, Э.З. Рубиной (Политик), Р.Х. Рупиной (Яловой), Ц.С. Сегаль, Б.Г. Темкиной, Е.Э. Тольк, А.Г. Томчин, И.М. Туника, С.И. Угорцина, В.Ф. Филатова, В.И. Филипковой, А.И. Филипов, И.А. Флейша, Б.Н. Флейшера (Михайлова), В.М. Фридмана, П.М. Фрумсон, Л.М. Хаймовича, Д.Г. Хвата, И.А. Цодикман (Купченок), З.Ф. Шабашовой (Селезневой), Р.И. Шадхина, Г.В. Шантыря, А.А. Шляхто, Р. Шор (Чудновской), З.Г. Шноль (Нихамкиной), Л.М. Шульман, Е.М. Шуфель, М.М. Эстриной, Л.И. Юдовина.

Благодарность работникам

Национального архива Республики Беларусь;
Государственного архива Витебской области;
Государственного архива Российской Федерации;
Аркадию Зельцеру – директору Центра изучения истории советских евреев в годы Холокоста Мемориального комплекса Катастрофы и героизма еврейского народа Яд-Вашем (Иерусалим, Израиль);
Валерию Шишанову – заместителю директора Витебского областного краеведческого музея;
Александру Литину – фотохудожнику, историку (Могилев, Беларусь);
Олегу-Давиду Лисовскому (Аузбург, Германия);
Ингрид Домероу – Российско-немецкий музей Берлин-Карлхорс (Берлин, Германия);
Ирине Шишковой – директору, Денису Яковлеву – главному хранителю фондов Витебского областного музея Героя Советского Союза Шмырева М.Ф. (Витебск, Беларусь);
Вадиму Акопяну – директору Музея истории и культуры евреев Беларуси (Минск, Беларусь)
за помощь в выявлении документов и материалов, на основе которых написаны многие страницы этой книги, фотографий, опубликованных в книге.

Научно-популярное издание

Рывкин Михаил Степанович,
Шульман Аркадий Львович

ХРОНИКА СТРАШНЫХ ДНЕЙ
Трагедия Витебского гетто

Компьютерная верстка Екатерины Шульман
и Александра Фрумина
Дизайн обложки Михаила Шульмана
и Натальи Тараскиной
Перевод с английского Юлии Мандрик
Корректор Елена Гринь и Татьяна Шульман
WEB-мастер Михаил Мундиров

Фотографии из фондов Витебского областного краеведческого музея, Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов, Мемориального комплекса Катастрофы и героизма еврейского народа Яд-Вашем (Иерусалим, Израиль), Российско-немецкого музея Берлин-Карлхорс (Берлин, Германия), ОО «Еврейский культурный центр “Мишпоха”», из архивов семьи Цодикман, а также Аркадия Шульмана, Екатерины Шульман.